

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

НЕЖНЫЙ
ВЗГЛЯД
ВОЛЧИЦЫ

ЗАМОК БЕЗ КЛЮЧА

СВАРОГ – фантастический боевик

Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чертова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва

Радиянт

Чудовища в янтаре. Дыхание мороза
Чудовища в янтаре-2. Улица моя тесна
Нежный взгляд волчицы. Замок без ключа
Нежный взгляд волчицы. Мир без теней

Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

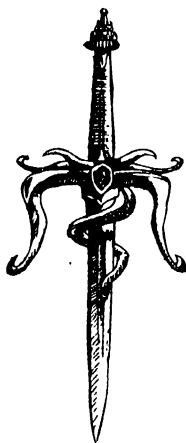
Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

НЕЖНЫЙ ВЗГЛЯД ВОЛЧИЦЫ

Замок без ключа

Роман

МОСКВА

«ПРОСВЕЩЕНИЕ-СОЮЗ»

«ПРОСВЕЩЕНИЕ»

2022

Печатается с сохранением особенностей авторского стиля,
орфографии и пунктуации.

•

Бушков А. А.
Б 90 Нежный взгляд волчицы. Замок без ключа: Роман / Александр Бушков. — М. : Просвещение-Союз : Просвещение, 2022. — 336 с. — (Сварог — фантастический боевик).

ISBN 978-5-00185-053-3 (Просвещение-Союз).

ISBN 978-5-09-088828-8 (Просвещение).

Казалось, что легендарная сага о майоре ВДВ Станиславе Свароге, начавшаяся четверть века назад, закончилась в 2019 году на романе «Чудовища в янтаре». Но в юбилейный год Александр Бушков вновь вернулся к истории любимого персонажа, на приключениях которого выросло уже два поколения читателей.

...Кто бы знал, что безвременная кончина лорда Сварога, даже если и случится (во что верить, конечно, не хочется, но допускать нужно), окажется ничуть не бессмысленной. И кто бы мог подумать, что своенравная убийца не сбежит, а тут же воротится, одарив Короля Королей нежным взглядом...

В новом романе из долгой саги о Таларе есть все, что вы любите: доблестные подвиги, дворцовые интриги, великая магия, сочные чувства и... даже белые волки. Точнее — волчицы, которые здесь встречаются, как когда-то на Земле, едва ли не раз в тысячу лет.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00185-053-3 (Просвещение-Союз)
ISBN 978-5-09-088828-8 (Просвещение)

© Бушков А. А., текст, 2019
© АО «Издательство
«Просвещение», 2022
© Художественное оформление.
АО «Издательство
«Просвещение», 2022

*Зверь не внутри нас.
Мы внутри зверя, понимаешь?*

*Грэм Мастертон.
«Ковер»*

МЕДИЦИНА ТРАДИЦИОННАЯ И ИНАЯ

Сознание вернулось моментально, словно включили электрическую лампочку.

Сварог пошевелил руками-ногами — самую чуточку, не поднимая их от того упруго-мягкого, на котором он лежал в небольшой комнате со стенами и потолком приятно золотистого цвета. Никаких особых чувств не было — только радость от того, что все, похоже, кончилось благополучно. Осмотрелся, не поднимая головы.

Окружающее беспокойства пока что не внушало. Почти все свободное место в комнате занимали аппараты, полукругом обставившие некое светло-зеленого цвета ложе, на котором он, изволите ли видеть, возлежал, не привязанный и не прикованный. Высокие и низкие устройства, квадратные (экраны?) кубические ящики, овальные и круглые. Одни мигали разноцветными огоньками, другие порой мелодично свирители, и все в него чем-нибудь да нацелились: кто золотистыми овальными решетками на кольчатых шлангах, кто белыми и голубыми конусами, кто пучком серебристых неострых игл, кто решетчатыми шариками или полусферами... да чего там только не было! Глаза раз-

бегались. Не было особенного желания подробно осматривать всю эту машинерию, главное, выглядела она довольно безобидно и больше всего напоминала оснащение больничной палаты — он как-то мельком видел некоторые из устройств при других обстоятельствах. Поднял глаза. Под потолком, прямо над головой, помещался солидный серебристый овал, не только мигавший разноцветными лампочками, но и светивший разноцветными зигзагами, изгибавшимися в основном плавно, неспешно — хотя некоторые дергались зубчатыми полосками.

Теперь самое время присмотреться к себе. Он лежал все в той же алой мантии хелльстадского короля, разве что расстегнутой на всю длину. Скосил глаза влево. Алая ткань выглядела новехонькой, как из мастерской, ни следа разреза, какой просто обязан был остаться после вошедшего в грудь до середины клинка немаленького меча. Чистенькая, целехонькая алая ткань, ни пятнышка грязи, ни выбившейся нитки (она всегда такой была, с тех пор, как Сварог ее стал носить не так уж редко).

Сдвинул шелковистую, приятно ласкавшую пальцы ткань к боку. Ага! Вот на синем камзоле именно такой разрез и имелся, прямо против сердца, окруженный темной полоской подсохшей крови. Расстегнул вычурные позолоченные пуговицы, распахнул камзол. На светло-синей рубаше с черным затейливым узором точно такой же разрез — и здесь уже не полосочка заскорузлой ткани, а большое пятно размером с ладонь. Теперь рубашу...

Нельзя сказать, что увиденное его ошеломило, но все же удивило изрядно. Там, куда вошел меч, который непременно должен был его убить, — соответствующий по размерам шрам. Но выглядит он так, словно был когда-то качественно заштопан, а потом хорошо лечен — и не в полевом лазарете, а в лечебном заведении гораздо выше рангом. Он хорошо разбирался в ранах и в том, как их лечат, но... Шраму на вид было не менее

трех месяцев, а то и побольше — давным-давно сняли швы, все прекрасно заросло. Положил два пальца правой руки на шрам — и ощутил чуточку учащенное биение сердца: все правильно, удар был нанесен точнехонько в сердце, куда Дали и метила, сама сказала тогда на мосту. В о б ы ч н ы х условиях человек (и лар тоже) умер бы от такой раны за пару минут.

Вывод напрашивается один: кто-то без его приказа держал над ним какой-то летательный аппарат. Сварог даже догадывался, кто — есть у него любители для пользы дела самовольничать. Возможно даже, аппарат был оснащен системами неотложной помощи. Спикировали, проделали нужные процедуры, что-бы р а с т я н у т ь клиническую смерть без роковых последствий для мозга (он немного был знаком со здешней военной медициной по долгу службы), увезли в госпиталь... Врачи Империи справляются со многими ранениями, на земле оказавшимися бы смертельными. Вот они и постарались.

Вот только кое-что в эту версию не укладывается... Почему его после операции (которая, несомненно, была) не переодели в лазаретное, только сапоги сняли, да так и оставили лежать в прежней одежде, испачканной к тому же кровью, кроме мантии? И почему мантия целехонька? Самовосстанавливается она, что ли, после любого повреждения? Сварог о ней, собственно говоря, не знал ничегошеньки — как и следовало ожидать, в Вентордеране не нашлось писаного руководства по обращению с мантией — кто составляет такие руководства для собственной одежды? Есть, правда, руководства по этикету, но они наставляют лишь, когда и в каких случаях следует носить одежду определенного цвета — но у Фаларена и их не имелось, зачем бы ему? Иные свойства мантии — вроде умения летать с ее помощью — Сварог открывал чисто случайно. И знал, быть может, далеко не обо всех. Как, не исключено, и о некоторых свойствах митры...

Разлеживаться не стоило, следовало поскорее отыскать кого-то, кто может внести некоторую ясность. Он пошевелил руками и ногами, поднял руки, опустил, согнул ноги в коленях. Тело послушно подчинялось. Недолго думая, сел на ложе — невысокое, так что ноги коснулись пола в светло-золотистую, в тон потолку, клетку. Встал. Голова не кружилась, он прочно стоял на ногах, равновесие держал прекрасно. Прислушался к внутренним ощущениям — походило на то, что с ним все в порядке, хоть сейчас вскакивай на коня и скачи за оленем с гончими.

Еще раз присмотрелся к стоявшей полукругом аппаратуре. Конечно, совершенно в ней не разбирался, но она, очень похоже, работала в прежнем режиме. В мигании огоньков и кружении линий ничего не изменилось. Правда, вовсе не обязательно, если подается некий сигнал вовне, он дублировался и в больничной палате...

Похоже, его догадка насчет сигнала оказалась верной: широкая дверь в противоположной стене распахнулась без всякой поспешности, в палату степенно, не толкаясь и не мешая друг другу, вошли шестеро в зеленых халатах — и у каждого слева на груди над классической «пьяной змеей» красовалась эмблема, несколько разных. Остановились рядом, немного не дойдя до изножья постели, уставились на Сварога во все глаза. Люди все были солидные, в возрасте, несомненно, видывали всякие виды — но у всех в глазах горело неприкрытое любопытство. Сварога это чуточку удивило — ну да, серьезная, конечно же, рана, тяжелый случай, но уж они-то, зубы медицины, наверняка видели и поинтереснее...

Он узнал только двоих с эмблемами восьмого департамента — профессор Ремер, директор «Лазурной бухты» (значит, Сварог здесь и пребывает, надо полагать?), и профессор Борантер, глава медицинской службы восьмого департамента. Все остальные незнакомы, но по эмблемам определить нетрудно: из Кабинета императрицы, из Техниона, из Спецслужбы Канцлера. Интереснее всех был шестой: эмблема представляет собой общегвардейский шеврон, а из-под достигавшего колен ха-

лата вместо штатских портков видны синие форменные брюки с генеральским лампасом: узкая красная полоска меж двух золотых. Ага, и армию привлекли — ну, часто случается... И у каждого эмблему окружает символ профессорского знания: двойной золотой круг, меж линиями цветки василька, одна из эмблем имперской медицины (что интересно, таларской и сивильской тоже). Так. Можно сказать, только высший командный состав удостоил посещением...

Молчание становилось не то чтобы неловким, но как-то совершенно ненужным, и Сварог заговорил первым. Легонько поклонился:

— Добрый день, господа мои... или еще утро или уже вечер?

В ответ — дружное молчание. У Сварога осталось впечатление: они попросту не знают, что сказать, старательно подыскивают слова. В таких случаях всегда находится кто-то сообразительный...

Таким оказался профессор из Техниона. Спросил с некоторым волнением:

— Как вы себя чувствуете, лорд Сварог?

— Прекрасно, — сказал Сварог чистую правду. — Надо полагать, вашими трудами, господа? Благодарю...

Они смотрели на Сварога как-то странно. И легонько покосились в сторону профессора из Кабинета императрицы — согласно неписаным правилам считавшегося здесь главным. В точности так обстоит во всех конторах: когда собираются люди одного звания, старшим негласно считается тот, чье учреждение выше на иерархической лестнице.

— Боюсь, благодарностей мы не заслуживаем... — сказал тот с дипломатической бесстрастностью. — Нашей заслуги в том нет... — он посмотрел вправо-влево, на остальных. — Ну что же, господа... Коли уж лорд Сварог чувствует себя прекрасно, да и аппаратура это подтверждает, нет нужды в каком бы то ни было консилиуме. Я просто не представляю, в чем консилиум при данных условиях мог бы заключаться... Полагаю, завершить можно

тем, что кто-то из нас расскажет лорду Сварогу все, что его интересует. У лорда Сварога, конечно же, будут вопросы, как у любого на его месте... Лорд Сварог, вы не имеете ничего против, если эту миссию возьмет на себя профессор Ремер? Он как-никак хозяин здесь, да вы и знакомы...

Точно, «Лазурная бухта», подумал Сварог. И сказал непринужденно:

— Ничего не имею против.

— Вот и прекрасно, — склонил голову профессор из Техниона. — Приятно было познакомиться, лорд Сварог. Позвольте откланяться...

Он вышел первым. Глядя им вслед, Сварог был чуточку озадачен. Повернулся к Ремеру:

— Профессор, рад вас видеть... Не внесете ли ясность? Мне показалось, будто ученые мужи чуточку торопились покинуть комнату, или что-то такое и в самом деле имело место?

На губах профессора мелькнула легкая улыбка:

— Вам ничуть не показалось. Мои коллеги уходили с о б л е г ч е н и е м. Никто не любит загадок, на которые не находится ответов. Полагаю, вы тоже?

— Терпеть ненавижу, — кивнул Сварог. — Это что же, я нежданно-негаданно стал загадкой медицины? Учитывая, что тут собрались одни медики, другого вывода и не сделаешь...

— Да вот, представьте себе, — усмехнулся профессор. — Стали, что поделаешь...

— Ага... — сказал Сварог. — Что-то мне приходит в голову: облегчение это вызвано еще и тем, что нашлось на кого все свалить? На вас?

— Ну, я на их месте держался бы точно так же. Да и вы, наверное, тоже...

— Пожалуй, — сказал Сварог.

— Пойдемте ко мне в кабинет?

— Пойдемте. Хотя... — он посмотрел на свои ноги, обутые только в форменные шкаратки*. — Нужны са-

---

* Шкаратки — толстые вязаные носки, обшитые полотном, которые военные надевают под сапоги.

поги, и одежду бы сменить. Ну, это все я могу и сам, только сначала с удовольствием принял бы душ, да не простой, а с парочкой «целебных вихрей».

— Никаких проблем. Пойдемте, я провожу.

— Пойдемте... — Сварог остановился. — Нет, подождите. Сколько я пролежал без сознания?

— Четыре дня.

— Так... — сказал Сварог. — Тогда скажите вот что... вернее, доложите, вы как-никак мой подчиненный. В Империи все спокойно?

— Судя по тем сводкам, которые я получаю в силу занимаемой должности, — абсолютно. Никаких проявлений... — он на миг замялся, подбирая слова. — Никаких проявлений чего-то опасного, тревожащего, заставившего бы некоторые службы насторожиться...

Сварога это успокоило. Но не полностью. Сводки для каждого составляются и в силу занимаемой должности, и с учетом круга обязанностей. Ремер — человек свой, проверенный и доверенный, целый профессор, но занимается он исключительно медициной, так что о многом и многом его попросту не информируют. Старый избитый принцип: каждый знает только то, что касается его круга обязанностей. Если считать на военные мерки, директор одного из нескольких санаториев департамента — в лучшем случае капитан. А значит, и информация к нему поступает капитанского уровня. Ничего, скоро можно будет самому многое выяснить...

Он похлопал себя по карманам камзола, оказавшимся пустыми. Ремер понял:

— Все, что лежало у вас в карманах, — у меня в кабинете.

— А мой топор? Митра?

— Насколько я знаю, топор так и лежит на мосту — кто бы его осмелился тронуть? Митра — в речушке, на дне, рядом с мостом. — Профессор слегка улыбнулся. — Достать ее было бы просто, но никто не решился — как-никак это х е л л ь с т а д с к а я королевская корона. Пойдемте?

...Минут через двадцать Сварог сидел в знакомом кабинете — свежий и бодрый после хорошего душа и чарочки «целебных вихрей», — словно бы пронизывавших тело насквозь потоком каких-то излучений (он никогда ими не интересовался, как не интересуется человек, почему работает водопровод), — прихлебывал кофе из большой чашки гурганского фарфора, расписанной золотисто-рыжими узорами, с удовольствием курил свои любимые сигареты, взятые из обычного портсигара. Оба необычных лежали здесь же, но Сварог не торопился ни с кем связываться. Он ни о чем не спрашивал, но и так ясно: о том, что он пришел в сознание, пятерка профессоров тут же сообщила всяк своему начальству — а значит, и Канцлеру, и Яне. Раз никто с ним до сих пор не связался, значит, в Империи и в самом деле все благолепно. И подумал не то чтобы с обидой — с некоей тенью обиды: уж Яна-то могла бы и озаботиться. Не с рыбалки вернулся и не с посиделок в таверне. Впрочем... Судя по сиванскому времени, на Таларе сейчас глубокая ночь. Вот и пусть спит себе...

Профессор Ремер деликатно помалкивал, явно не желая ему мешать. Допив кофе, погасив окурочок в малахитовой пепельнице, Сварог сказал:

— Начнем, профессор? Рассказывайте все с самого начала.

— Что вы помните последнее? — спросил Ремер уже с явственными нотками опытного врача в голосе.

Последнее, что Сварог помнил, — это две высоченные стены клубящегося серого тумана по сторонам. И Мару, с бледным отчаянным лицом преграждавшую ему дорогу. И ее слова: «Т е б е е щ е р а н о!» Но это принадлежало только ему. И Сварог сказал:

— Когда она меня достала мечом, я упал на мосту. Слышал еще, как они перебросились парой слов, а больше ничего не помню, потерял сознание... Какой-то из орбиталов подал сигнал?

Мушкетерская юность давно прошла, и он подошел к делу со всей обстоятельностью. Над полем битвы,

а потом и над лесом, в котором они окружили беглецов, висели пять орбиталов. Три распорядился там поместить он сам — два девятого стола и один восьмого департамента. Один послал Канцлер, один — спецслужбисты Яны. Правда, примерно за час до начала боя орбиталов оказалось ш е с т ь. Чей он, Элкон выяснил быстро — постарался Магистериум. В известность его никто ставил, но и в секрете Сварог поход на мятежников не держал, так что легко могли пронюхать. Запрещать такого высоколобым никто не запрещал, и Сварог махнул рукой: пусть себе висит...

— Не совсем, — сказал профессор. — Там был еще и большой брагант из девятого стола, управлявшийся графиней Дегро. — Он чуть улыбнулся. — Я встречался с ней всего два раза, но успел понять, насколько это энергичная и решительная девушка, несмотря на юные годы...

Сварог взглянул на него едва ли не с завистью: у профессора не было случая убедиться (и вряд ли будет), что эта энергичная решительная девушка еще и часто самовольно откалывает всевозможные номера — идут они всегда на пользу делу, но тем не менее... Иногда ее удастся легонько устыдить (но стыд у нее на вороту не виснет), а порой попросту нет оснований для словесной выволочки и каких бы то ни было дисциплинарных мер. Потому что она ничего не нарушает — просто-напросто пользуется бессмертным принципом «что не запрещено, то разрешено». Как в этот раз. Никому из девятого стола Сварог не запрещал прямо облетать десятой дорогой место битвы и тот лес — что Канилла и использовала. И в случае малейших упреков заявит с честными глазами: не было прямого запрета. И будет права, не в первый раз, лиса очаровательная...

— И она опустилаась на мост, — сказал он утвердительно.

Догадаться было нетрудно — другого варианта событий просто не имелось...

Профессор кивнул:

— Когда увидела, что вас ударили мечом и вы лежите на мосту. И уже менее чем через квадранс доставила вас в наш медицинский центр — вы ведь не успели пока организовать такой в девятом столе...

— Он там пока просто не нужен, — сказал Сварог. — Достаточно и центра восьмого департамента, не особенно и загруженного работой...

— Резонно... — профессор улыбнулся как-то не по н я т н о. — Там за вас моментально взялись хирурги, тут-то и началось... Мантию расстегнули с некоторым трудом, но достаточно быстро — как только сообразили, что следует делать с застежками. Хотели ее снять... И оказалось, что снять ее невозможно. Очень быстро увидели, в чем дело — рану в груди полностью закрыли волокна того же цвета, протянувшиеся от мантии, словно бы вросшие в тело. Мантия будто срослась с телом. То же самое, как показали приборы, происходило и с выходным отверстием на спине, — он снова улыбнулся то ли грустно, то ли, пожалуй что, обрадованно. — Признаюсь честно, лорд Сварог: хорошо, что я не хирург, хорошо, что меня там не было и я это зрелище знаю только по рассказам. Могу представить их чувства и впечатления... Никто не знал, что делать. Как-то разрезать эти нити никто не решился: это была х е л л ь с т а д с к а я одежда, как стало ясно, обладающая какими-то необычными свойствами. — Он легонько покачал головой. — Нет, лучше не думать, как хирурги себя чувствовали в тот момент... Вот только всего через несколько минут они немного успокоились и почувствовали себя увереннее. По всем канонам медицинской науки от такой раны вы должны были умереть, не получая никакой помощи, уже через минуту. Но приборы показывали, что сердце у вас бьется нормально, дыхание ровное, кровообращение нормальное — причем неизбежного в таких случаях внутреннего кровоизлияния нет. Мозговая деятельность — тоже нормальная, ничуть не похожая на то, что происходит в мозгу человека, пребывающего в состоянии клинической смерти. Пульс, давление, все прочие показатели — в норме. Такое впечатление, что

вы просто-напросто с п а л и. И приборы подтверждали, что именно так и обстоит. Тянулись минуты, а положение не менялось. В конце концов кто-то из молодых врачей закричал: «Да ведь она его л е ч и т!» И никто не смог ему возразить или высмеять, даже парочка срочно прилетевших светил хирургии. Н е ч е г о было возразить. Это было единственное объяснение — ваша мантия вас лечила. Лечила смертельную рану мечом в сердце — и лечение, как доказывали данные диагностов, проходило успешно. Вы и не думали умирать, вы словно бы с п а л и. Диагносты зафиксировали какие-то излучения, сопровождавшие это лечение, но понять их природу никто не мог — потому что раньше ни с чем подобным не сталкивался. Но все успокоились. Просто стояли вокруг и смотрели, хотя ровным счетом ничего не происходило, никаких внешних эффектов — но что им еще оставалось делать? — он засмеялся уже открыто. — Тот, кто мне все это рассказывал... В какой-то момент кто-то — не из светил, но из именитых — воскликнул: «Ну, это же Хелльстад!» И всех это словно бы успокоило. Им очень хотелось успокоиться... как наверняка и мне на их месте. Не было объяснения — и в то же время словно бы было. Все переглядывались с таким понимающим видом и повторяли на все лады: «Ну это же Хелльстад...» Всем стало словно бы спокойно... Так продолжалось примерно полчаса. Приборы точно зафиксировали, сколько прошло времени, вплоть до долей секунды, но вряд ли вас это интересует. Меня — тоже нет. Потом вдруг диагносты перестали фиксировать эти загадочные п р о я в л е н и я лечения. Разрез на мантии затянулся сам собой. Никто не заметил, когда это произошло. То же случилось и с разрезом на спине. Набрались смелости и рискнули с величайшей осторожностью приподнять левую полу мантии. Загадочные волокна исчезли, мантия вновь выглядела неповрежденной, а против сердца был шрам, выглядевший так, словно бы от раны, благополучно и успешно залеченной не один месяц назад. А вы по-прежнему словно бы мирно спали. Ни малейших оснований для тревоги.

— А потом? — спросил Сварог. — Как я сюда-то попал? Это ведь «Лазурная бухта», я узнал и коридоры, и ваш кабинет...

— Не прошло и получаса, как прилетели императрица с Канцлером...

— Как... она? — вырвалось у Сварога.

— Не беспокойтесь, — уверенно сказал профессор. — Право же, не о чем беспокоиться. Мне очень подробно рассказали обо всем, что тогда происходило в центре. Когда она шла в вашу палату, на ней лица не было. Ей рассказали, как все обстояло, она постояла над вами, сделала какие-то странные движения руками, мне их не смогли точно описать, да и вряд ли в том есть нужда... Волосы у нее при этом взметались словно под порывом ветра, хотя в палате неоткуда было взяться и малейшему ветерку... Это ведь наверняка Древний Ветер?

Сварог молча кивнул. Никаких секретов он этим не выдавал.

— После этого она, полное впечатление, успокоилась совершенно. Очень спокойно сказала светимам хирургии: с вами все в порядке, вы просто спите, хотя природа этого сна не вполне обычная. И вряд ли будете спать столетиями, подобно сказочным героям вроде короля Тау-ли или мудреца Шаалы. Проснетесь самое большее через несколько дней. Так что нет никакой необходимости держать вас в центре, вообще под наблюдением хирургов. Вот Канцлер и предложил перевезти вас в «Лазурную бухту». Конечно, кое-какое наблюдение все же вести, чтобы мы были совершенно уверены, что с вами все в порядке. Так и поступили. — Он скупой улыбнулся. — Один из присутствующих при этом профессоров довольно настойчиво заявил, что следовало бы взять вашу мантию на скрупулезнейшее исследование в Магистериум или в Технион. Императрица посмотрела на него прямо-таки ледяным взглядом и отрезала: «Хелльстадские монархи не привыкли, чтобы их одежду исследовали ученые, какие бы ценные знания это ни сулило для науки». — Он усмехнулся. — Больше никто эту идею не поддержал,

все как-то сразу вспомнили, что императрица еще и королева Хелльстада... Ну вот и все, наверное. Вас сразу же перевезли к нам, положили в клинику, установили аппаратуру... Все почтенные господа профессора, которых вы только что видели, все это время жили у нас. Никто мне этого не говорил, но у них, несомненно, были инструкции сообщить по начальству, как только вы... проснетесь. Что они наверняка и сделали. Вот, пожалуй, и все, лорд Сварог. Интересные у вас мантии в Хелльстаде...

— Ну, у меня там масса интересного, — без улыбки ответил Сварог. — Значит, с медицинской точки зрения я полностью здоров и в дальнейшем пребывании на больничной койке не нуждаюсь?

— Совершенно не нуждается, — заверил профессор. — Нет никакой необходимости, на этом сошлись все специалисты.

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Я бы предпочел немедленно вылететь на Талар. Впрочем... Я бы сначала пообедал... или поужинал, черт его знает, как это называть. В общем, после четырех суток беспробудного сна чертовски хочется не то что есть — жрать. Ну, а потом можно и лететь.

— В санатории сейчас нет межпланетных брагантов, — словно бы сокрушенно сказал профессор, даже чуть развел руками. — На тех, что имелись, улетели на Талар господа профессора.

Сварогу пришло в голову, что это чуточку странная для опытного администратора реплика.

— Это не проблема, — сказал он, насторожившись, хотя и сам пока не понимая, почему. — Вызову с Талара, у меня их там немало...

Профессор казался словно бы чуточку смущенным. Вообще-то он хорошо владел лицом, как и подобает психологу с большим стажем и опытному администратору, но сейчас явно пребывал в некотором смущении, которого не умел скрыть. Если в темпе подыскивать объяснение, легче всего подходит такое: произошло что-то нестандартное...

— Видите ли, лорд Сварог... Простите.

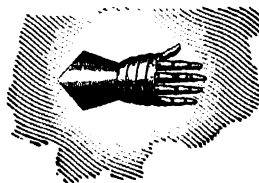
Он перевел взгляд на экран одного из трех своих компьютеров, крайний правый, судя по тому, как двигались его глаза, пришло сообщение, и довольно длинное. Сварог, конечно же, не мог его видеть. А вот профессор, вновь подняв взгляд на Сварога, выглядел еще более смущенным. Все это начинало Сварогу не нравиться.

— Видите ли, лорд Сварог... — сказал профессор (которому, похоже, очень не хотелось смотреть Сварогу в глаза). — Только что пришло сообщение от Канцлера. Он настойчиво просит, чтобы вы немедленно переговори-
ли с ним.

Как писалось в каком-то приключенческом романе, интрига запутывалась. Людям посвященным прекрасно известно, что в устах Канцлера «настойчивая просьба» означает «категорический приказ». Но почему — «немедленно»? Что-то случилось, из разряда нешуточных хлопот? Нет, в этом случае Канцлер держался бы совершенно иначе: попросил бы прилететь немедленно, а при отсутствии здесь межпланетных браггантов выслал бы один из своих. А ему, видите ли, непременно нужно «поговорить» ...

Профессор Ремер уже вышел из-за стола и показывал на узкую дверь в углу кабинета — там, Сварог помнил, располагался личный узел спецсвязи директора.

Вздыхнув, он тоже поднялся из-за стола.

УЗНИК ЗАМКА ИФ

Сварог так и не смог определить, где сейчас пребывает Канцлер — за его креслом на стене висел совершенно незнакомый гобелен, в сине-зеленых красках, то ли стилизованных под старину, то ли и в самом деле старинный (хотя Канцлер никогда не был таким уж любителем антиквариата). Покойный, умиротворяющий взгляд лесной пейзаж с безмятежным синим небом без единого облачка.

Канцлер совершенно не выглядел ни невыспавшимся, ни уставшим. С ходу определяя время, Сварог чуточку напутал (спросонья, ха!), и на Таларе сейчас не глубокая ночь, а предрассветные часы. Но все равно, Канцлер ничуть не походил на внезапно разбуженного — хотя Сварог несколько раз его таким и видел, во времена тех самых нешуточных хлопот вроде очередной Белой Тревоги, когда людей вытаскивали из постелей и отрывали от любых занятий.

— Поздравляю с очередным избавлением от смерти, лорд Сварог, — сказал Канцлер чуточку суховато.

— Ну, что поделать, — сказал Сварог. — Есть у меня такое обыкновение, привык уже...

Канцлер не принял полушутливого тона, продолжал так же суховато, без тени улыбки:

— Вы не против, если я прокомментирую ваше чудесное избавление от смерти с чисто деловой точки зрения?

— Ваше право, Канцлер, — сказал Сварог, стараясь попадать в тон собеседнику.

— Вы обычно не сердитесь, если я говорю с некоторой резкостью...

— Конечно, нет, — сказал Сварог дипломатически. — Потому что, — он все же не удержался от крохотной шпильки, — к а к п р а в и л о, у вас есть для этого основания.

— Есть и сейчас, — сказал Канцлер. — Я полагал... да вы и сами не раз заверяли, что давно покончили с прежним мальчишеством. Под которым мы оба подразумеваем одно и то же: очертя голову бросаться самому с мечом наголо, словно юный рыцарь из старинных баллад на своего первого дракона. Бросаться туда, где в вашем участии нет никакой необходимости. Я о последней вашей... экспедиции. Это было мальчишество — устраивать ту ночную облаву.

— А по-моему, нет, — вежливо, но твердо сказал Сварог. — Простите, Канцлер, но я здесь не вижу никакого мальчишества. Никто не действовал наобум. Это была заранее просчитанная опытными штабистами операция — просчитанная, согласен, наспех, но и операция была несложная, не требовавшая долгих часов размышлений над картами и военных советов. Да и по исполнению это никакое не мальчишество. У меня было чуть ли не втрое больше людей, чем у тех, кто прятался в лесу. Есть и еще одно немаловажное обстоятельство. У меня все поголовно были опытными солдатами, воодушевленными недавней победой. А в лесу прятались в основном горожане и крестьяне, только что разбитые наголову, вынужденные спасаться бегством. Да вдобавок я подвесил над лесом орбиталы. Все было продумано.

— Кроме л и ч н о с т и этой девицы и кое-каких обстоятельств, связанных с ее мятежом, — сказал Канцлер совсем уж сухо. — Личность предельно загадочная, как

и обстоятельства... связанные, нет никаких сомнений, с черной магией. Вам нужно было взять с собой и специалистов в данной области.

— Вообще-то со мной были двое боевых монахов из Братства святого Роха... — сказал Сварог.

— Иными словами, рядовые бойцы, способные успешно драться с мелкой нечистью из разряда хорошо известной, — сказал Канцлер, уже не скрывая саркастической усмешки. — А ведь уже было ясно, что вы, что все мы столкнулись с чем-то прежде неизвестным... и очень, очень опасным. Следовало взять с собой кого-то и из Мистериора, и из вашей же собственной Звездной палаты. Вы этого не сделали. Вам вообще не нужно было возглавлять облаву. Это задача для толкового лейтенанта... самое большее полковника. Если поводить аналогии с военными действиями, вы поступили, как командующий армией, оставивший свой командный пункт и бросившийся в атаку во главе даже не кавалерийского полка — алы...

— Понимаете ли... — сказал Сварог чуть смущенно — он не мог не признать за Канцлером некоторую правоту. — Мне хотелось проконтролировать все лично... Вы же сами сказали, что это было что-то прежде неизвестное...

— А если бы вы в ту ночь находились в паре лиг отсюда, в лагере, посреди вашего немаленького войска, что-нибудь изменилось бы? Подумайте, прежде чем ответить.

— Пожалуй, нет... — сказал Сварог.

— Вы ошибаетесь. Останься вы в лагере, не подверглись бы смертельной угрозе. Или вы были настолько уверены, что мантия защитит? — Он прямо-таки впился взглядом в Сварога. — Можете ответить предельно откровенно?

Сварог вздохнул и сказал:

— Я вообще не знал, что мантия способна еще и на такое. Я до сих пор у себя в Хелльстаде не знаю абсолютно всего абсолютно обо всем...

— Ну что же, спасибо за откровенность, — сказал Канцлер, на сей раз без малейшего сарказма. — Вот мы и подошли к очень простому выводу: то, что вы остались в живых, — чистой воды случайность. Я подозреваю, что и оказавшаяся на вас мантия — случайность. Вы с самого начала намеревались надеть именно ее или что-то другое? Ответьте уж и на сей раз откровенно.

Сварог чувствовал себя школяром старых времен, вынужденным снимать портки перед строгим начальником, уже державшим наготове пучок розог. Сделав некоторое усилие, чтобы не опустить глаза, сказал:

— Да, я раздумывал какое-то время — взять мантию или обычный походный плащ. В конце концов решил надеть мантию. Моих это приободрило — как же, король едет впереди в загадочной мантии и не менее загадочной митре! А вот мятежники чувствовали некоторое душевное неудобство — это сразу выяснилось, из допросов первых пленных.

— Резонно, — кивнул Канцлер без тени благоклонности в голосе. — И тем не менее... Даже знай вы заранее, что мантия способна спасти своего хозяина от смерти, могло кончиться скверно. Что, если девка не ударила бы в сердце, а решила бы отрубить вам голову? В точности так, как вы поступили... с прежним владельцем мантии, которого она при таком обороте дела не спасла? Кстати, как произошло, что вы ей позволили нанести удар первой? Промедлили, пожалели ее оттого, что это девушка? Я вас знаю давно и, смею думать, неплохо. И не верю, что в этой ситуации вы оказались бы способны на слякую гуманность.

— Вы не видели записей? — спросил Сварог с ничуть не наигранным удивлением.

— Ах да, вы же не знаете... Нет записей. Все это время над девкой и теми, кто с ней шел, висело некое «слепое пятно», не позволявшее сделать запись — вообще что-то увидеть. Канилла Дегро, кстати, увидела вас лежащим на мосту только после того, как эта

компания от него отошла — «пятно», несомненно, перемещалось вместе с ними, как некий зонтик... Ну так как же? Как получилось, что вы ей позволили ударить первой?

— Я и предположить не мог, что у нее в руке не о б ы ч н ы й меч, — угрюмо сказал Сварог. — Ну, и махнул топором как-то... чуточку небрежно, этого вполне хватило бы, чтобы перерубить обычный клинок вмиг. Но топор отскочил... Она выиграла каких-то пару секунд...

— Которых ей хватило, чтобы нанести удар, — сказал Канцлер. — Иначе говоря, вы непозволительно ослабились. Что тут можно сказать в свое оправдание? «Я и подумать не мог...» Это не оправдание, простите. Вы просто обязаны были предусмотреть все, что только возможно предусмотреть. Потому что очень уж многое на вас завязано и на земле, и в Империи. А вы расслабились. И наконец... М о с т. Вы обязаны были помнить о сделанном вам предсказании касательно несущих беду мостов. И о том, что шестеро ваших друзей, которым сделала такие же предсказания та же особа, как раз и погибли при условиях, когда предсказание претворилось в жизнь... На это вы можете что-нибудь сказать? Не оправдываться, просто с к а з а т ь?

— Прошло много лет, а предсказание так и не сбылось, — сказал Сварог. — К тому же... Эти предсказания сплошь и рядом туманны — как, кстати, и обстояло с предсказаниями моим друзьям. Вполне можно было допустить, что речь шла вовсе не о мосте в классическом смысле этого слова, не о каменном или деревянном сооружении, соединяющем берега реки. Скажем, урочище, которое в незапамятные времена звалось Чертов Мост, а потом это название забылось. Или улочка, кроме официального названия прозванная Мост Поцелуев, и немногие об этом знают... Слишком долго ничего не происходило...

И замолчал — все, что он мог бы сказать еще, выглядело бы нелепым, даже жалким.

— Подводя итоги... — сказал Канцлер. — С одной стороны, вы в который раз решили лично проконтролировать дело, которое вполне могло обойтись и без вас. С другой — непозволительно расслабились. И то, и другое грозило вам смертью, а спаслись вы чудом. Да, именно эту формулировку следует использовать. Чудо, случайность... — он помолчал, барабанив пальцами по столу. — Я в сложном положении, лорд Сварог. Устроить вам выволочку я не могу — вы, в конце концов, мне не подчинены. Да теперь и смысла нет. Хорошо, что все обошлось. Больше всего мне хочется протащить вас по кочкам смачными солдатскими или моряцкими фразами — но это всего лишь эмоции. Остается сказать такую банальность: я очень надеюсь, что для вас это был хороший урок. И вы сделаете из него должные выводы.

— Я постараюсь, — сказал Сварог, чувствуя себя выпоротым отнюдь не в переносном смысле. Помолчал и, видя, что Канцлер тоже молчит, решил: — Канцлер... А где императрица и что она делает?

— Сидит у окошка, как та девица из баллады, и смотрит, не появится ли на дороге ее рыцарь, от которого давненько нет вестей... — сказал Канцлер с нескрываемым сарказмом. — Да нет, не совсем... Я не могу вам сказать, что она делает. Попросту не знаю. Потому что она — в Хелльстаде. Два дня она места себе не находила, ждала известий из «Лазурной бухты», задергала лейб-секретарей, меня, еще многих, почти не спала... Потом вдруг объявила, что улетает в Хелльстад, что там ей будет лучше. Она и раньше так поступала, вы лучше меня знаете, чем для нее Хелльстад так уж привлекателен. Как я мог ее задержать? Никто не мог и не смел. Сказала: как только вы проснетесь, она об этом узнает и вернется. Это правда? Она и в самом деле может, сидя в Хелльстаде, как-то знать, что с вами происходит в большом мире?

— Да, — сказал Сварог, конечно, это не во всем соответствовало истине, но не стоило посвящать Канцлера в некоторые детали, в чисто хелльстадские дела.

— Ну что же... Можно перейти к главной теме нашего разговора. Да, вот именно. Все, что прозвучало раньше, — в значительной степени мои эмоции. Грешен, и я иногда не могу удержаться от эмоций. А вот теперь пойдут конкретика. Вы ведь прекрасно знаете: в подобных случаях, когда императрица несколько дней отсутствует, я согласно неписаным традициям и писаным установлениям могу принимать на себя функции государственного управления. Конечно, в ограниченных масштабах, но тем не менее... Могу даже делать распоряжения по Кабинету императрицы — опять-таки в строго оговоренных пределах — но именно этих пределов мне хватило... Судя по тому, что императрица до сих пор не появилась и в «Лазурной бухте» ее тоже нет, она еще не знает, что вы проснулись. И остается пока что в Хельльстаде. А я остаюсь при прежних полномочиях. Вот... Одним словом, совсем недавно, точнее, позавчера у меня был долгий разговор о вас с доктором Латроком. С которым у вас, в свою очередь, был крайне серьезный разговор. О нем мне доктор тоже подробно рассказал. Не будьте к нему слишком строги. Это один из тех случаев, когда медицинская тайна в расчет не берется. Вы должны знать: так бывает, когда дело касается высокопоставленных государственных чиновников... меня, кстати, тоже. Вы ведь знакомы с «Эдиктом о высших чиновниках»?

— Конечно, — угрюмо сказал Сварог. — И что же, он говорит, что я болен?

— Ну что вы! Он вовсе не считает вас больным. Просто полагает, что вы вплотную подошли к той стадии, когда начинается «синдром штурвала». И считает: означенный синдром как раз себя и показал в данной истории, никто не говорит, что вы больны. Но медики — а я не с одним Латроком говорил — сходятся на том, что вы страшно переутомлены. И это уже начинает сказываться на ваших поступках, решениях, рассуждениях. Лечить вас нет нужды, не беспокойтесь. А вот отдохнуть настоятельно вам необходимо. Латрок с вами ведь говорил об этом? И вы, в принципе, были согласны?

— Был такой разговор, — кивнул Сварог. — Собственно, речь шла только о том, чтобы выбрать подходящее время...

— Вот оно и настало, — безмятежно сказал Канцлер. — Уже готовы два приказа, по которым вам предоставляется двухнедельный отпуск — в Канцелярии земных дел его подписал, как легко догадаться, принц Диамер-Сонирил, а в Кабинете императрицы — я. Решение мелких вопросов по Кабинету входит в мою компетенцию. — Он усмехнулся своей неподражаемой улыбочкой, вмещавшей массу разнообразных эмоций. — Как полагается, согласно канцелярским правилам, в обоих приказах стоит «в удовлетворение просьбы». Вы, конечно, никакой просьбы не подавали, но я подумал, что в такой мелочи могу позволить себе самовольство. Согласно «правилу Каниллы Дегро», о котором я недавно узнал и с которым, в общем, согласен: мелкое самоуправство не вредит, если оно идет на пользу делу. А ваше здоровье — это ведь, хотите вы того или нет, — государственное дело. Надеюсь, вы потом не станете жаловаться на этот маленький подлог и заявлять, будто никакой просьбы не подавали?

— Не буду, — мрачно сказал Сварог. — Это было бы слишком мелко для таких людей, как мы с вами...

— Вот и прекрасно. Я позволил себе на время вашего отпуска самолично назначить временно исполняющих ваши обязанности в обеих ваших службах. Вы ничего не имеете против того, что восьмым департаментом во время вашего отсутствия будет руководить генерал Гаури?

— Ничего, — сказал Сварог.

— Против того, что девятый стол на две недели возьмет на себя Канилла Дегро?

— Ничего, — сказал Сварог.

Генерала Гаури он считал человеком надежным, ну а уж Каниллу и подавно. Только теперь ему кое-что пришло в голову, и он воскликнул:

— Но неужели все так спокойно?

— К счастью, — кивнул Канцлер, — и на земле, и в Империи — совершеннейшее спокойствие. Все, что имеется, — рутина, не требующая вашего участия. Ах да, Дали Шалуатская? Они с лордом Стемпером исчезли. Все поиски пока что не дали результатов... но и никаких признаков того, что они вновь что-то замышляют. Так что все отлаженные механизмы две недели превосходно проработают без вас. Вашим ближайшим сотрудникам в ваших королевствах уже сказали, что вы на две недели полностью погружаетесь в сверхсекретные дела Империи, суть которых им знать просто не полагается. Они не удивились — такое случалось и раньше, вы на несколько дней улетали за облака.

— Но никогда еще — на целых две недели, — все так же мрачно сказал Сварог.

— Ну, что поделать, всякое случается с важными и секретными делами... Все они приняли новость совершенно спокойно и ничуть не встревожены — умные люди, вы выбрали неплохую команду... Теперь — о деталях. Вас устраивают десять дней отдыха здесь, в «Лазурной бухте»? Или вы предпочтете какой-то другой санаторий? Я вас не принуждаю, выбирайте сами.

— Можно и здесь, — сказал Сварог.

Какая, собственно, разница? Здесь он, по крайней мере, уже бывал. Везде будет одно и то же...

— Но если... — сказал он.

— Я понял, — сказал Канцлер серьезно. — Слово чести: если вдруг случится что-то, требующее вашего вмешательства, я вам немедленно сообщу. Правда, я верю, что ничего не случится... Теперь о деталях. Вы здесь проведете десять полных дней, считая с завтрашнего. Вы сами наверняка знаете уже, что отдых здесь вовсе не похож на одиночное заключение в камере? Есть множество экскурсий и развлечений на любой вкус. Ну, вы не так давно сами отправляли сюда девушку из ваших придворных, так что должны знать? Вот и отлично. Не придется ничего объяснять, вы обстоятельно поговорите с местными врача-

ми и выберете то, что придется по вкусу. И вот что... Я распорядился заблокировать всю вашу спецсвязь на то время, что вы здесь. Исключительно для того, чтобы вас не вздумали отвлекать по пустякам. Я знаю, как с этим иногда обстоит, сам не раз сталкивался: кто-то старается проявить усердие не по ситуации или попросту не хочет брать на себя ответственность — и начинает лезть к вышестоящему начальнику с третьестепенными делами, с которыми обязан справляться сам... Так что вся ваша связь (ох, интересное у него было выражение лица, хоть пока что расшифровке и не поддающееся!) отключена. А через десять дней, уже без всякого участия каких бы то ни было имперских служб отправляйтесь в Ратагайскую Пушту. Дня на четыре. Вместе с Яной, конечно. Я слышал, они давно вас туда приглашали?

— И не раз, — сказал Сварог. — Вот только у меня вечно не было возможности выкроить время. Раньше, чем через три дня, оттуда не вырвешься, уедешь раньше — получится нешуточное бесчестье для хозяев.

— Вот и будет у вас четыре дня. Все по степному этикету. Яна ведь тоже с удовольствием поедет?

— Да, — сказал Сварог. — Ей давно хотелось там побывать.

— Вот видите, как все прекрасно складывается. Две недели полноценного отдыха, и ни словечка о делах.

— Яна сможет прилететь ко мне сюда?

— В любой момент! — с энтузиазмом воскликнул Канцлер. — Ваш отдых от этого будет только приятнее. Честно говоря, я распорядился, чтобы сюда все эти десять дней не допускали никого из ваших добрых знакомых. Потому что просто добрых знакомых у вас нет. Все они так или иначе связаны с вашими делами — а я хочу, чтобы вы на эти десять дней забыли о всяких делах. Кто-нибудь из них обязательно не удержится, заведет речь о делах... Разумеется, на императрицу этот запрет не распространяется, — он скупно усмехнулся. — Хотя бы потому, что, если она не

подчинится общему запрету, у меня не будет возможности ее удержать... Ну вот, пожалуй, и все. Хотя... — в нем чувствовалось некоторое напряжение. — Лорд Сварог, мне хочется верить, что вы не думаете, будто все это — какая-то изощренная интрига, направленная против вас персонально. Я мог бы дать слово чести, но это мне кажется чуточку унижительным — мы с вами давно работаем сообща и доверяем друг другу...

— И в мыслях не было, — сказал Сварог. — Это была бы паранойя... А паранойю, надеюсь, мне пока что не диагностировали?

— Вам в о о б щ е ничего не диагностировали, — сказал Канцлер. — Кроме человеческого переутомления, из-за которого все и затеяно. Позвольте спросить из чистого любопытства: Яна с вами еще не связывалась?

— Пока нет, — сказал Сварог. — Разница во времени, я думаю. В Хелльстаде, как и на Таларе, рассвет еще не наступил.

— Это хорошо... — сказал Канцлер.

— Что именно?

— Что она с вами еще не связывалась. Значит, наконец-то спокойно спит. Первые два дня она почти и не ложилась, а принимать снотворное отказывалась... И меня это очень тревожило. Она всегда беспокоится за вас...

— Знаю, — мрачно сказал Сварог. — Ну, а что я могу поделаться? Не мог же я, как говорят крестьяне, сиднем сидеть возле бабьей прялки... Не та у меня работа.

— Я понимаю, — досадливо поморщился Канцлер. — И все равно, напрягает, когда видишь ее такой... У меня, пожалуй, все. У вас будут какие-то вопросы?

— Да нет, пожалуй, — сказал Сварог.

— Ну что же, желаю хорошо отдохнуть... Доброй ночи.

— Доброго дня, — сказал Сварог.

И встал от погасшего пульта, вышел в кабинет профессора — тот смотрел на него если не с тревогой, то все же с некоторым напряжением.

— Ну вот, мы обо всем договорились, — сказал Сварог, угадав причину настороженности. — Можете считать меня своим пациентом.

— У нас нет пациентов, — мягко сказал профессор. — У нас...

— Только отдыхающие, — кивнул Сварог. — Я помню. Ну что же, считайте меня своим отдыхающим, а я вас буду считать начальником гарнизона, в котором я временно оказался на положении подчиненного... Будут какие-то приказы по гарнизону? Я шучу, понятно... Будут какие-то предложения?

— Часа через два прилетит доктор Латрок, и мы троим обговорим вашу программу отдыха. А сейчас вы, наверное, пойдете к себе отдохнуть и поесть?

— Ну, я и так отдохнул, если считать отдыхом беспробудный четырехдневный сон... — сказал Сварог. — А вот поем с удовольствием. Какие домики свободны?

— Все до одного.

— Жаль, жаль, — сказал Сварог. — Я бы предпочел сотоварища, учитывая специфику санатория — какого-нибудь седенького отставного полковника. Мы бы с ним играли в карты или какие-нибудь настольные игры, не требующие особого напряжения ума, он бы мне рассказывал разные мрачные и забавные истории из своего боевого прошлого. Ну, и выпивали бы у камина.

Ремер сказал с самым серьезным видом:

— Если вам необходим именно такой сотоварищ, я могу...

— Не стоит, я шучу, — бледно усмехнулся Сварог. — Вот уж чего бы мне не хотелось — так это играть с седым отставным полковником в карты и слушать его рассказы о боевом прошлом. Вообще не нужны мне никакие сокомпанейцы. Это такая благодать — побыть одному, без придворных, без подчиненных, без министров тайной полиции и просто министров... Да без кого бы то ни было, за одним-единственным исключением... Послушайте, профессор, — сказал он с любопытством. — Канцлер только что сказал, что за-

претил допускать ко мне кого бы то ни было из моих сотрудников. Интересно, если явился бы кто-то бесшабашный, плюющий на подобные запреты? И все же захотел бы со мной увидеться?

Ремер сказал со спокойной уверенностью в себе опытного врача:

— Только что прилетели люди Канцлера, шесть человек. С одной-единственной задачей — проследить, чтобы все предписания врачей исполнялись в точности. Признаюсь, лорд Сварог, это была моя идея — не подпускать к вам никого, кто мог бы заговорить о делах. Вполне возможно, она и у Канцлера родилась, но я высказал ее первым, и он согласился. Надеюсь, вы не в претензии?

— Ну разумеется, — сказал Сварог почти безмятежно. — Я же сказал, что буду во всем подчиняться начальнику гарнизона... Ну что же, я пойду? С вашего позволения, остановлюсь в домике под номером семь. Я там жил в прошлый раз, совсем недолго, но все равно — что-то уже обжитое... До вечера.

Он кивнул профессору, снял с вешалки спасательницу-мантию, перебросил ее через руку и вышел в коридор, широкий, светлый, окрашенный в приятный глазу цвет, с фресками и мозаиками самого мирного, уютного содержания: корабли под раздутыми парусами в спокойном лазоревом море, под безоблачным синим небом, красивые лошади на лугу, лесной пейзаж, радуга над озером. Высокие вазы с пышными букетами неизвестных порою цветов — словом, все помнившееся ему по прошлому визиту.

Спустился по широкой лестнице с низкими удобными ступеньками, повернул направо, к бухте и домам. Как и в первый раз, он щеголял в наряде франта с центрального проспекта Саваджо — легкий летний костюм, бежевая майка с изображением веселой русалки, легкие туфли в узорах из круглых и квадратных дырочек. В ту свою «память», что ведала созданием одежды, он заложил несколько подобных костюмов, все из-за

того, что они очень уж походили на костюмы покинутой им Земли (странно даже, откуда такая ностальгия, на Земле он штатское носил раз в сто лет).

Если прислушаться к себе, он не чувствовал ни злости, ни даже легкого возмущения из-за того, что с ним проделали. В глубине души сам понимал, что долго работал на износ, допустил несколько серьезных промахов и жив остался, в общем, по чистой случайности. Следовало остаться в лагере и ждать утра, когда лес старательно прочешут, что и впрямь было задачей максимум для какого-нибудь капитана из «волчьей сотни». Прав Латрок: чересчур уж привык непременно быть во главе, скакать впереди, возглавлять лично, руководить собственной персоной — а это кое в чем не лучше юного мушкетерского раздолбайства.

И все же кое-что следовало обдумать немедленно...

Он присел на знакомую скамейку, недалеко от изящной балюстрады цвета старого золота, окаймлявшей обрыв. Прекрасно видел отсюда и пляж, и бухточку, и две башенки по сторонам пролива, и корабль с зарифленными парусами у домика на берегу. Сейчас, правда, пляж был пуст, но солнечный диск на безоблачном небосклоне точно так же коснулся вдали горизонта, и все тени, протянувшиеся к обрыву, стали длиннющими. Уют, благолепие, тишина...

Повесил мантию на выпнутую спинку скамейки, сунул в рот сигарету и какое-то время ни о чем совершенно не думал, глядя на понемногу тающее где-то далеко в море солнце. Заметил краешком глаза движение слева — и тут же на скамейку непринужденно запрыгнула толстая рыжая белка, села на задних лапках с уверенно-нахальным видом профессионального побирушки из гильдии нищих.

Сварог протянул ей на ладони очищенный грецкий орех, и она не упрыгала с добычей — так и осталась лопать подавание рядом со Сварогом. Точно старая знакомая, совершенно точно знающая, что бояться его не следует...

Итак... Кое о чем подумать просто необходимо...

Он не кривил душой в разговоре с Канцлером — и в самом деле не верил, что Канцлер замыслил какую-то серьезную интригу против него. Отнюдь не из доверчивости — откуда она у королей и спецслужбистов? Просто обоим давно уже стало ясно, что они крайне нужны друг другу и выгода получается взаимная. В большой политике и в государственных делах именно такие отношения связывают людей теснее, чем Робура и Анелейту* — пылкая страсть. И это положение сохранится очень надолго. А если уж рассуждать с законченным цинизмом (опять-таки неотъемлемая черта характера королей и спецслужбистов), то просто не существует силы, к которой Канцлеру было бы выгоднее переметнуться, нежели оставаться со Сварогом в прежних отношениях. В точности те же мотивы, по которым вернейше служит Сварогу барон Скалитау, сейчас как раз пробудивший к работе свою прежнюю сеть агентуры, раскинутую на весь Горрот, — но теперь уже к трудам на пользу Сварога. Нет такой силы, которой барону выгоднее было бы продаться...

Это все — большая стратегия, а ведь есть еще и тактика. Вопрос: способен ли Канцлер под благовиднейшим предлогом на две недели устранить Сварога от дел, чтобы провернуть какую-то мелкую интрижку, в которой присутствие Сварога ему чем-то помешает? Ответ: очень даже запросто. Оба держат в секрете кое-что крайне существенное — потому что в таких делах самое равноправное и выгодное партнерство требует придержать кое-какие козырные розы в рукаве. Это в картах подобное недопустимо, а в политике и государственных делах — вещь самая обычная. Канцлер, сомнению не подлежит, в случае чего умрет за Яну — но иногда кое-что от нее скрывает по тем или иным высоким соображениям. Яна ему вполне доверяет — но поступает точно так же. Сварог пару раз беззастенчиво залезал в архивы

* Робур и Анелейта — герои одноименной пьесы старинного неизвестного автора, таларские Ромео и Джульетта.

Канцелярии Канцлера. Канцлер давненько уж держит над Хелльстадом два специально сконструированных в Технионе орбитала — пытается получить хоть какую-то информацию. Се ля ви, жизнь на грешной земле...

Совершенно непонятно, правда, что это за интрижка такая — но это еще не означает, что версию следует безоговорочно отметить с порога. И еще. О том, что «на хозяйстве» остались генерал Гаури и графиня Дегро, известно исключительно со слов Канцлера — не подтвержденных словом чести. Правда, т а к ему Канцлер никогда еще не лгал в глаза, но что-то могло и измениться.

Сварог мысленно махнул рукой на эти раздумья, больше похожие на гаданья — во-первых, планы Канцлера, даже если они есть, с ходу не разгадаешь, а во-вторых, есть безошибочный способ все проверить. Точнее, будем надеяться, что он о с т а л с я.

Белка просительно тронула его коготками за штанину — ага, сожрала, еще хочет... Сварог высыпал перед ней с полдюжины орехов даже покрупнее, ласково посоветовал:

— Обождись. Если что, тут докторов полно...

Вытащил оба своих «портсигара» и несколько минут с ними поработал. Отложил наконец без всякого раздражения, вытянул новую сигарету — четырехсуточное вынужденное воздержание от табака давало о себе знать.

Что ж, в э т о м Канцлер ему нисколько не соврал. Оба передатчика пребывали в полной исправности — но заблокированы абсолютно все каналы связи Сварога с его людьми и учреждениями и на Таларе, и в Империи. Он в о о б щ е не мог больше ни с кем связаться во внешнем мире. Мог попасть исключительно в Библиотеку — глобальное хранилище ничуть не засекреченных знаний, доступных любому лару, даже ребенку (ну, с учетом тех ограничений, что здесь существуют для детей). А вот общаться с кем бы то ни было через Трибуну, здешний аналог интернет-форумов, не мог. Даже с карапузиками из Детской. Действительно, полная изоляция. Блокада. Ну, предположим, не совсем полная...

С помощью одного из своих умений он, едва выйдя из здания, моментально определил, что за ним нет никакого наблюдения с помощью технических средств — но все равно, лучше перебдеть... Встал, подхватил мантию и быстрым шагом направился к седьмому домику. Рукоятку в прихожей, слева, повернул, не колеблясь — и снова не обнаружил ни «глаз», ни «ушей».

Планировка домиков была стандартная — небольшая гостиная, небольшая спальня, небольшой кабинет. И еще мансарда с выходящим на море окном, откуда открывался отличный вид. Сварогу в данный момент было совершенно ни к чему любоваться пейзажами, а потому он ушел в кабинет. Настоящего плотного ужина заказывать пока что не стал, хотя в брюхе, как выражаются Вольные Топоры, кишки хором выли. Извлек только из воздуха высокую глиняную кружку доброго нэлья, «позаимствованного» в Каталауне, того же происхождения блюдо с ломтиками вяленой кабанятины — этого пока что было достаточно.

Не без волнения взялся за второй «портсигар», тот, у которого в правом верхнем углу красовался продолговатый черный камень — на вид совершеннейший черный алмаз, ограненный хорошим ювелиром. Положил на него подушечку большого пальца и старательно выждал несколько секунд, пока анализатор определит: отпечатки не просто настоящие, палец принадлежит ж и в о м у Сварогу, никакими зельями не одурманенному, палец не у мертвого отрублен...

Пусти Канцлер в ход всю технику Империи, он бы не смог не то, что заблокировать каналы связи Сварога с Хелльстадом — вообще их обнаружить. О том, что такие каналы существуют, он, хитрец, умница и политик изрядный, догадался давно, прокачал на косвенных, о чем намекнул чуть ли не открытым текстом, но этим и ограничился — признавал за Сварогом право на свои игры и свои тайны (как и Сварог никогда не пытался лезть в тайны Канцлера г л у б о к о).

Вот только... Был простейший способ и эту связь заблокировать — взять да и заменить «портсигар» прекрасно имитирующей его внешний вид копией. Сварог остался бы и без связи с Хелльстадом, практически на положении узника замка Иф, разве что в других декорациях. Но суть была бы та же — полнейшая изоляция от внешнего мира...

Нет, все прекрасно! Над столешницей вспыхнул световой экран, на нем появилась обычная заставка: нарисованный белыми линиями на синем фоне Вентордеран. Не медля, приободрившись не на шутку, Сварог быстренько послал нужный вызов. Будить никого не пришлось: мэтр Лагефель ему сейчас без надобности, а роботы никогда не спят.

На экране появился Мяус, навтыяжку стоявший у одной из стен Яшмового коридора дворца — ему не было нужды лежать или сидеть, самого понятия «отдых» для золотого кота не существовало.

— Рад приветствовать ваше величество, — браво отчеканил Мяус.

— Привет, — сказал Сварог. — Доложите обстановку в замке.

— Замок существует в обычном режиме, на прежнем месте. Двое суток, четыре часа и тридцать семь минут назад прилетела ее величество королева. Торжественного приема ей не устраивали — согласно ее же распоряжению, отданному...

— Обойдемся без лишних подробностей, — прервал его Сварог. — Что она делает?

— Пребывает в состоянии, именуемом у людей «сон».

Сварог чертыхнулся про себя: опять забыл, что порой в разговорах с Мяусом нужно ювелирно оттачивать формулировки.

— Что она делала, прилетев и вплоть до настоящего времени?

— Прилетев, королева попросила подать ужин и несколько бутылок вина особо полюбившихся ей сортов... Нужны названия?

— Нет, — сказал Сварог. — И дальше?

— С тех пор и до настоящего времени королева так и остается в Аметистовой башенке. Все это время она слушала музыку, — видя нетерпеливый жест Сварога, он не стал подробно уточнять, какую именно, — периодически требовала принести ей еще вина. Разумеется, ее приказания старательно исполнялись. Никаких попыток связаться с внешним миром она за это время не делала.

Это понятно, подумал Сварог. На Сильвану не распространяются системы наблюдения Вентордерана. Если дать поручение, вполне возможно, окажется, что нетрудно внести усовершенствования, но пока что не было необходимости...

— Значит, она все это время только пила?

— Да, государь, — сказал Мяус. — Время от времени впадала в состояние «сон», не в то время, которое обычно у людей для этого отводится. Пищу принимала тоже нерегулярно, вопреки обычному расписанию.

Ну что же, подумал Сварог, ничего страшного. Не она первая, не она последняя, кто стал лечить легонький нервный срыв неумеренным питием. Быть может, не самый лучший метод с точки зрения медицины, но вот с точки зрения житейской практики — порой чертовски эффективный. Запоев с ней прежде не случалось, так что и этот наверняка продлится недолго. Проспится — придет в норму. В особенности если дать Мяусу должные инструкции — поскольку в Вентордеране не раз уже случались пирушки для своих (нужно вспомнить еще их пышную свадьбу в Велордеране со множеством приглашенных и лившимися не один день реками вина), Сварог давно сделал там запас имперского «отрезвляющего эликсира». Вот Мяус ей кубок с волшебным зельем и поднесет, заверив, что поступает так по строжайшему приказу короля. Вот только...

— Она там ничего особенного не натворила? — спросил он без всякой тревоги.

— Практически ничего, государь. Разве что позавчера пожелала лететь к Гун-Деми-Тенгри и познакомиться с тамошними обитателями. Это было уже глубокой ночью, к тому же королева находилась, памятуя термины из ваших инструкций, в изрядно пьяном состоянии.

Сварог хмыкнул. Он и в самом деле, как раз перед свадьбой, предвидя если не эксцессы, то всевозможные выходки и проказы, прочитал Мяусу подробную лекцию о том, что такое «пьяное состояние» и как следует обходиться с человеком, в таком состоянии пребывающим. Разумеется, он тогда не имел в виду Яну, кто же знал, что она однажды этак вот загуляет ради успокоения души — но Мяус, естественно, прекрасно помнил, что указания Сварога относятся ко всем человеческим экземплярам вообще.

— И чем кончилось? — с любопытством спросил он.

— Вы наказывали, что для каждого конкретного случая необходима своя импровизация — и объяснили основы методики. Применительно к данному случаю я и пустил в ход действия, именуемые «лгать»: солгал, что в это время суток все летательные аппараты Хелльстада бездействуют ввиду особых природных условий, а отправляться туда пешком было бы слишком далеко. Ее величество поверила, но употребила совершенно непонятные мне слова... — он старательно воспроизвел затейливую тираду на русском языке, почерпнутую Яной, увы, из памяти самого Сварога. — После чего велела принести еще вина и о поездке на Гун-Деми-Тенгри более не вспоминала. И на следующий день тоже. Произошел еще незначительный инцидент вчера ночью. Ее величество уснула, не погасив приспособление для пускания дыма, именуемое «сигарета», и покрывало на постели загорелось. Золотые Медвежата ликвидировали огонь за несколько секунд.

Сварог похвалил себя за предусмотрительность. В свое время, обустроявая Яну в Аметистовой башенке, он решил, что для разных мелких услуг не следует использовать Золотых Истуканов — Яне они решительно

не нравились, а вообще без слуг не обойтись: имперская бытовая магия, как обращенная вовне, здесь не действует. Вот и распорядился изготовить двух Золотых Медвежат размерами раза в два побольше Мяуса — по рисунку, взятому им из земной детской книжки. Медвежата получились обаятельными, Яне понравились, она даже дала им имена, одному женское, другому мужское. Вот и пригодились, как нельзя лучше.

— Значит, сейчас она спит... — задумчиво сказал он.

— Да, государь. «Сон» наступил опять-таки раньше урочного времени, так что, по моему мнению, был вызван вином. Какие будут распоряжения касательно королевь?

— Никаких, — сказал Сварог. — Пусть все продолжается по-прежнему. А вот касательно кое-чего другого распоряжения будут, долгие и обстоятельные... Вы сейчас же отправитесь в Велордеран, в наблюдательный центр...

Хорошо, что роботам не приходится ничего повторять дважды — и все равно, обстоятельные инструкции отняли чуть ли не десять минут. Зато, отключив связь, Сварог почувствовал себя превосходно. Теперь оставалось только сидеть и ждать. И он отправился в крохотную кухню, где в два счета **настучал** обильный ужин из своих любимых блюд — вот теперь можно было и успокоить бунтующую утробу.

После пары добрых стопок доброго келимаса душа запросила совершеннейшего безделья. Он связался с профессором Ремером и вежливо поинтересовался, нельзя ли перенести обсуждение курса лечения на завтрашнее утро. Не в одной жажде безделья тут было дело: Латрок мог прилететь раньше, чем выйдут на связь Золотые Обезьяны, пришлось бы придумывать какие-то неубедительные отговорки, а этого никак не хотелось...

Ремер, к его радости, согласился легко. И Сварог занялся содержимым блюд, тарелок и прочей роскошной утвари, а вот на содержимое бутылок решил пока что не налегать, чтобы сохранить до поры до времени трезвую голову.

Золотые Обезьяны справились даже быстрее, чем он рассчитывал, — минут за двадцать пять, экран зажегся даже раньше, чем он успел покончить с ужином. Но делу это нисколько не мешало: нетрудно есть и слушать...

Как и распорядился Сварог, они начали с компьютеров девятого стола и восьмого департамента. Как выяснилось, Канцлер его нисколько не обманывал: в текущем делопроизводстве обеих контор отыскиались соответствующие приказы о назначении на время его отпуска временно исполняющих обязанности, и это были именно что генерал Гаури и лейтенант Дегро. Девятый стол и восьмой департамент работали в обычном режиме, как и прочие имперские учреждения, по которым таким заячьим скоком пронесли Золотые Обезьяны. Ни малейших признаков чрезвычайного положения, тревог какого бы то ни было цвета. Государственно-спецслужбистская машина исправно работала в привычном ритме — точнее, практически не работала, учитывая, что на Таларе сейчас раннее утро, на местах сидели разве что дежурные, но так исстари заведено при любой погоде.

Так что вывод следовал приятный: обе спецслужбы по-прежнему оставались в руках Сварога. Предположим, он не мог давать им никакие приказания — но был уверен, что те, кто его сейчас замещает, оценят ситуацию совершенно правильно, ничего секретного наружу не выпустят, а любые приказы извне, хоть в чем-то задевающие какие бы то ни было интересы Сварога, попросту проигнорируют — опираясь при этом на уставы, параграфы и прочие бюрократические крючкотворства.

Генерала Гаури он узнал достаточно и вполне ему доверял. Еще и от того, что у генерала было одно ценное качество: он крайне доволен своим нынешним постом, напрямую связанным с чисто оперативной работой, и никакое повышение его не интересует — потому что усадило бы в чисто бюрократическое кресло (иногда

Гаури казался Сварогу форменным вторым Братертом, только гораздо более повзрослевшим, остепенившимся и серьезным). Ну, а с Каниллой все было ясно без лишних раздумий...

Точно такой же покой царил в его королевствах. Ин-тагар, Брейсингем, Баглю и еще с дюжину облеченных доверием сподвижников, все до единого ранние пташки, уже сидели в своих кабинетах, занимаясь обычными, повседневными делами без малейшего волнения или нервозности. Во всех его столицах и еще паре десятков крупных городов, которые Обезьяны опять-таки в быстром темпе обозрели, тоже не наблюдалось ни малейшего волнения или тревоги. Самое обычное утро, наполненное самыми обычными деловыми работами, как вчера, как позавчера, как десять лет назад. Лавочники отпирали лавки, ремесленники стекались к мастерским, рабочие — к фабрикам, в речных и морских портах начиналась привычная суета, разъезжались по домам прокутившие всю ночь дворяне, степенно шагали на службу чиновники, спокойно стояли на постах полицейские, открылись первые кабаки, рестораны и таверны, в города и из городов тянулись обозы с разнообразнейшими грузами, и в деревнях было то же самое...

Все это успокоило Сварога полностью: куда ни глянь глазами Золотых Обезьян, все работает, как налаженный механизм, без малейших сбоев и осложнений, без тени чрезвычайщины, смут, паники.

Он, правда, не знал, что происходит в Империи — но ждать не так уж долго, до того момента, когда продерет глазыньки Яна — о чем тут же прилежно доложит Мяус. Самому ее беспокоить не стоит — коли уж решила оттянуться на всю катушку, пусть продолжает, пока самой не надоест, у каждого свои способы снимать стресс...

Самым последним, как он и приказывал, поступил обзор того чертова моста. Как и следовало ожидать, Доран-ан-Тег лежал возле замшелых каменных перил в виде сплошной стенки высотой человеку по

колени. Судя по тому, что поблизости не наблюдалось ни трупов, ни хотя бы отрубленных блудливых рученек, никто и не попытался к нему подойти. Следовательно, там, внизу, было уже прекрасно известно, что король королей живехонек... Тут же, поблизости, обнаружилась и митра. Сам лес был пуст, если не считать валявшихся там и сям трупов, исключительно мужских, — ну конечно, облаву давно закончили, всех взятых в плен угнали куда следует, войска ушли, не оставив на мосту караулов — все прекрасно знали, что Доран-ан-Тег при живом хозяине, пусть и пребывающем где-то за тридевять земель, никому в руки не дастся, наоборот, лишит нахалов этих самых рученек...

Словом, ничто пока что не позволяло заподозрить Канцлера в неискренности. Даже если в Империи и происходили какие-то потаенные игры, во всем остальном Канцлер ни капельки не солгал. Одним словом, остается ждать, пока Яне надоест пребывать в объятиях Бахуса — к которым, хотя Бахус безусловно и мужского рода, ревновать нет никакого смысла...

Вот только чем прикажете себя занять? Время уже вечернее, понемногу наступают сумерки, но ложиться спать еще рано — да он и за полночь не уснул бы, чувствовал себя бодрым и свежим, отоспался на несколько дней вперед... Общаться, собственно, не с кем, да и никакого желания нет, на танцы или какие-нибудь другие развлечения не отправиться — он тут единственный «отдыхающий». Несомненно, в программе здешних мэтров мозгоправства найдутся и какие-нибудь вечерние развлечения для одиночки, но они еще не говорили на эту тему ни с Ремером, ни с Латроком. Не станешь же вызывать их и заявлять: «Скучно мне, господа, не придумаете ли, как развлечься?» Когда можно пустить в ход старую верную солдатскую смекалку.

Солдатская смекалка не подвела, быстро подсказала отличное решение...

Через пару минут он вышел из домика. Темнота уже ступила, горели фонари, словно бы неяркие, но дававшие достаточно света. Сварог неторопливо зашагал по единственной здешней улочке, где в домиках не горело ни одно окно — а вот в четырех многоэтажных зданиях их светилось с дюжину.

С лавочки проворно соскочила белка, в три прыжка подбежала к нему и загородила дорогу, стоя на задних лапках. Чуть подумав, Сварог усмехнулся, присел перед ней на корточки и протянул кукурузный спелый початок ростом выше ее самой. Белка, машинально сцапав его передними лапками, уставилась на этот неожиданный подарок судьбы чуточку ошалело.

— Довольна теперь? — хмыкнул Сварог и пошел дальше.

Дошел до разрыва в балюстраде. Все четыре прозрачных шара, как и следовало ожидать, аккуратным рядом стояли перед ним, у кромки обрыва. Не раздумывая, он подошел к крайнему правому, и выгнутая дверца проворно отошла в сторону. Едва он ступил внутрь и не успел еще протянуть руку к клавише с направленной вниз стрелкой, диск осветился неяркой розовой каемкой, и приятный женский голос осведомился:

— Хотите осветить пляж? Как именно? Показать вам варианты?

Лень было гадать, автомат это или живая медсестричка. Сварог сказал:

— Ничего освещать не надо, и так сойдет...

Коснулся клавиши, и шар бесшумно пошел вниз. Едва выйдя на крупный золотистый песок, Сварог со сноровкой старого здешнего бывальца снял туфли и носки, зашагал босиком по нагретому за день солнцем песку. Сейчас, когда фонарей поблизости не было, пляж и бухточка исполнились диковой прелести: безоблачный небосвод усыпан крупными звездами, справа высоко над морем висит полная Селена (она здесь приятно зеленого цвета молодой травы), и по морской глади протянулась чуть мерцающая дорожка зеленоватого

света, она входила в бухту и заканчивалась почти у берега. Светло — хоть иголки собирай. Все тени казались едва ли не твердыми, угольно-черными.

— Романтику побоку, будем обустраиваться... — сказал Сварог себе под нос.

И принялся за дело — естественно, не трогаясь с места, не шевеля руками и ни слова не произнося — домашняя магия обходилась без всей этой излишней театральности. Сначала появилось глубокое низкое кресло, в которое он тут же и опустился, рядом возник такой же низкий овальный столик, на котором стояло много хорошего: бутылка «Старого дуба», чеканная серебряная стопка, тарелки с закусками, кувшин светло-вишневого марранского стекла с золотистыми прожилками и высокий стакан ему под стать, пепельница, повторявшая ту, что стояла в его латеранском королевском кабинете, серебряная с янтарными вставками, серебристый диск проигрывателя.

— Вот это — правильный отдых, — прокомментировал Сварог и налил в высокий стакан ежевичного сока.

ГОСТЫИ ВЕЧЕРНЕЙ ПОРОЙ

Да, это был правильный отдых! Келимаса в пузатой бутылке понемногу становилось меньше, но именно что понемногу, покойная тишина казалась оглушительной, на душе было благостно, и над песчаным берегом звучал голос Тарины Тареми, высокий, с неповторимой легкой хрипотцой:

*Все лебеда и бред,
пристанище сует,
пристанище сердец,
разбитых и уставших
от призрачных побед,
от неизбежных бед,
и от напрасных лет,
и от друзей предавших...*

Казалось, он остался один на всей планете — наедине с океаном, мерцавшим мириадами отражений звезд. Селена за это время передвинулась гораздо левее, как ей и полагалось согласно законам небесной механики, так что теперь зеленовато-золотистая невесомая дорожка пропала из бухты, а густые черные тени от башенок и корабля, соответственно, сдвинулись правее.

*Все — суета сует.
Я — колокольный бред,
поют колокола
по без вести пропавшим.
А их в помине нет...*

Сварог давно уже не сводил с Селены задумчивого взгляда. С некоторых пор у него настойчиво кружило в подсознании что-то, связанное и с Селеной, и с небесной механикой, — и оставалось на тех глубинах, где не поддавалось превращению в слова. Иногда это легонько раздражало — но он никак не мог понять, что это за очередная з а н о з а и с чем связана. Знал одно: это всегда было неспроста. Рано или поздно такое всплывало из глубины, и порой это ровным счетом ни к чему не приводило, а иногда кончалось чем-то серьезным и даже кровью. И никогда нельзя определить заранее, чем все кончится. Нужно, коли уж все так обернулось, узнать у Латрока: не способна ли современная медицина извлекать из подсознания...

Он невольно вздрогнул, полностью сбившись с мысли, — совсем не высоко над ним бесшумно прошел большой продолговатый предмет, на миг накрыв черной тенью, прошел от обрыва к бухте. Завис в воздухе над кромкой берега — теперь было ясно, что это брагант, — бортом вперед подлетел к Сварогу и аккуратно опустился на песок уардах в трех от стола. Автопилот такие штучки не откалывает — за клавишами сидел человек, лихой воздушный акробат.

Теперь Сварог прекрасно видел, что брагант межпланетный, скоростной: по борту от носа до кормы — полоса затейливого металлического плетения шириной пару ладоней, на крыше — тройной рядок серебристых призм. Сварог представления не имел, для чего вся эта красота служит, но она составляла неотъемлемую принадлежность именно что межпланетного скоростного браганта. Лунный свет слегка искажал краски, но можно было все же определить, что

брагант — вишневый с черным верхом. Именно такую расцветку обожала почему-то одна прекрасно ему известная особа...

Ну так и есть — щелкнула дверца, вылезла Канилла Дегро и направилась к нему, издали улыбаясь во весь рот. Шла она танцующей пляжной походочкой беспечной фланерши с золотых пляжей Кардоталья, да и одета была соответственно: белые шорты, расшитые красными и розовыми коралловыми ветвями, белая блузка с пышными рукавами. Как всякая женщина, драгоценности она любила, но в обычной жизни никогда не представляла этакой новогодней елкой: в глубоком вырезе блузки большое ожерелье с немаленькими самоцветами, браслеты на запястьях, вычурные серьги, четыре перстня. Можно было сделать некоторые выводы...

— Здравствуйте, командир, — жизнерадостно сказала Канилла, остановившись у стола. — Присесть позволите?

— Конечно, — сказал Сварог.

Она опустила в моментально возникшее рядом низкое кресло, в точности такое, как у Сварога, закинула ногу на ногу, внимательно обозрела Сварога и протянула с ноткой разочарования:

— Полное впечатление, что вы нисколько не удивились...

— С чего бы вдруг? — усмехнулся Сварог. — С самого начала было ясно: если кто-то вопреки запретам все же нагрянет ко мне в гости, то это, к колдунье не ходи, будешь ты, Кани... Келимаса хочешь?

— Когда это гвардейцы отступали перед келимсом? — браво ответила Канилла и достала из воздуха чеканную серебряную стопочку.

Наливая ей умеренную женскую дозу, Сварог поинтересовался:

— Что, опять отыскала способ обойти запреты?

— Ваша школа, командир, я всегда брала с вас пример... — ответила Канилла без тени смущения, отработав на нем одну из своих самых обворожительных улыбок, из тех, что придворных кавалеров разили наповал.

— Оставь эти улыбочки для придворных хлыщей в Латеране, — спокойно сказал Сварог. — Вот кстати... Гаржак тебе еще не устраивал сцен за эту игру глазками-зубками?

— Ни разу, — безмятежно ответила Канилла. — Он умный и прекрасно знает, что я ему храню алмазную верность. Его даже забавляет, когда у хлыщей слюнки на кружевные воротники текут и меня раздевают две дюжины взглядов.

— Что на этот раз придумала? Я насчет твоего неожиданного визита.

— А ничего я не придумывала, — сказала Канилла. — Просто-напросто отыскала лазейку... между прочим, ваш любимый метод. Это по восьмому департаменту Диамер-Сонирил огласил строгий запрет: не беспокоить вас ни по каким поводам кому бы то ни было. А для девятого стола такой запрет могла бы дать только Яна, но она ничего подобного не сделала. Что не запрещено, то разрешено. Канцлер Кабинету императрицы не начальник. Единственное, на что он имеет право — в случае долгого вынужденного отсутствия кого-то из начальников, а также императрицы, назначить нового, временного. Что он со мной и проделал. Вот и все его права. Так что я никаких запретов не нарушала по причине их полного отсутствия.

• — Лисичка, — проворчал Сварог без малейшего раздражения.

— Я человек ответственный, хотя некоторые в этом и сомневаются, — серьезно сказала Канилла. — Прекрасно понимаю, что вам и в самом деле следует отдохнуть от работы. Ни за что не стала бы грузить вас чем-то серьезным, благо такого и нет ни по какой линии...

— Там и в самом деле все спокойно? — спросил Сварог.

— Сонное царство, — заверила Канилла. — Везде и повсюду. Эту шалуатскую стерву ищут по всему Талару, и лорда Стемпера тоже, но это вовсе не требует вашего вмешательства. Здешние медики наверняка не обидятся, если я с вами поболтаю о мелких частностях,

опять-таки не требующих вашего вмешательства... правда, они об этом никогда не узнают, — добавила она загадочным тоном.

— Ты мне сначала скажи, почему Яна со мной не связалась до сих пор. У тебя же есть устройство...

— Ну да, — сказала Канилла, приподняв правую руку с браслетом.

— Ей что, до сих пор не сообщили...

— Ну как вы можете так обо мне думать? Как только я узнала от Канцлера, что вы наконец проснулись и пребываете в добром здравии, тут же связалась с Вентордераном. Янка была на седьмом небе... — Канилла фыркнула. — И в блаженнейшем винном дурмане. Сказала, что с превеликой радостью выпьет за то, что все закончилось благополучно. А когда решит, что пора останавливаться, тут же к вам прилетит. Судя по той охапке бутылок, что ей при мне приволокли золотые зверюшки, — этот праздник жизни затянется самое малое до завтрашнего полудня. Ну, вы знаете, как это бывает...

Сварог прекрасно знал, как это бывает: когда ситуация «с горя» плавно перетекает в ситуацию «с радости» (и хорошо, когда не наоборот)...

— Не сердитесь на нее, командир, ладно? — сказала Канилла. — Янка чертовски переволновалась из-за вас, места себе не находила первые дни, даже, вы меня только не выдавайте, плакала украдкой. Каюсь, я ей в конце концов и посоветовала: улететь в Вентордеран и там как следует набраться. Я сама пока не пробовала, но Гаржак уверяет, что это хорошо действует...

— Иногда очень, — сказал Сварог, вспомнив кое-какие примеры из собственной жизни. — Я и не собираюсь на нее сердиться, что ты...

— Я тоже перенервничала, — сказала Канилла. — Когда посадила брагант на мосту и подбежала к вам, а вы, полное впечатление, уже о т х о д и л и... Жуткие были несколько минут, пока я не убедилась, что, пусть с вами и происходит что-то непонятное, умирать вы не собираетесь... Кто бы знал, что ваша мантия... И все же

вы здорово рисковали. А если бы эта стерва ударила по шее? Шею мантия явно не защищает, иначе вам в свое время не удалось бы в Хелльстаде... Ну, вы понимаете.

— Весь расчет был на психологию, — сказал Сварог самым авторитетным тоном. — Мне объясняли опытные бретеры... Бить мечом в голову давным-давно не в обычае, разве что у солдат в бою.

Пусть уж лучше думает, что он все рассчитал и заранее знал, что мантия защитит. Неловко как-то было предстать перед ней лопухнувшимся. К тому же это чистая правда — что привычка бить мечом по голове сохранилась только у солдат, а у обычных фехтовальщиков давненько вышла из моды...

— Что это ты такая расфранченная? — решил переменить скользкую тему. — Такое впечатление, что прямиком с Той Стороны...

Канилла кивнула:

— Ага. Почти что прямиком. Из дворца связалась с Янкой, а потом полетела к вам. Решила: какой смысл переодеваться? По дворцу я все равно шла, как положено, в плаще с капюшоном — не-пойми-кто, очередная то ли магичка, то ли чернокнижница, чем-то занятая в королевской алхимической лаборатории... Налейте мне еще, командир. Заслужила. У меня случился нешуточный успех на Той Стороне...

Сварог налил ей стопочку до краев и спросил с любопытством:

— Что там было?

— Планировщики операции «Невод» — люди безусловно толковые...

— Плохих не привлекали, — сказал Сварог.

«Неводом» как раз и называли операцию по изъятию с Той Стороны всех, к тому намеченных. Для чего и в самом деле собрали лучших планировщиков спецслужб.

— Это все касается Гарна, — сказала Канилла. — Уж я-то прекрасно знаю, как его о б л о ж и л и: специальный орбитал, прослушка не только телефонных, но и вообще всех разговоров... Очередной ворох до-

несений поступил уже ко мне, и я зацепилась за одну детальку... Я не ставлю себя очень уж высоко, может, кто-нибудь додумался бы и без меня, но получилось так, что я первая обратила внимание. Парочка чуточку странных телефонных разговоров с Кардоталем — с одной стороны, он выражался крайне иносказательно, с другой, это как-то не походило на служебные дела — какое-то чутье мне подсказывало, что ли. Что-то такое неслужебное было в интонациях, в голосе... А потом он вдруг сорвался в Кардоталь — как совершенно точно установили, отнюдь не по служебным делам, дела он как раз бросил, чем вызвал неодобрение начальства... Ну, у меня, как у вашей временной приемницы, уже были большие возможности — оперативники, техника... Я и сориентировала на него особую группу...

— Не тяни кота за хвост, — нетерпеливо сказал Сварог. — Давай суть. Не то время, чтобы демонстрировать твою любовь к эффектам.

— А я как раз перехожу к сути, — заверила Канилла. — Вы же помните, отчего меж ним и второй, нынешней, женой была некоторая напряженность?

— Еще бы не помнить, — сказал Сварог. — Он у меня давно под лупой. Очень хочет ребенка — единственный сын от первой жены погиб. Но у них четыре года ничего не получается. Дело явно в ней.

— Явно, — сказала Канилла. — Позавчера ребята Брагерта наконец-то влезли в «локалку» той медслужбы, где ее наблюдали, — эта служба как раз и ходит под СД, так что там «локалка»... Еще три года назад поставили точный диагноз. Так вот, у него есть сын. На стороне, понятно. Как раз в Кардотале. Я не стала брать с собой материалы, чтобы не грузить вас лишними подробностями. Но сама все посмотрела. Они представили подробный доклад с кучей снимков. Симпатичный такой двухлетний карапузик. Матери — двадцать шесть лет, служит связисткой в кардотальском отделении СД — скорее всего, они с Гарном там и познакомились. Лейтенант. Не замужем. Малыш серьезно прихворнул —

вот Гарн в Кардоталь и сорвался. Ничего страшного, командир, — Канилла подняла ладонь, угадав вопрос, который он собирался задать. — Кризис уже позади, он должен, по всем прогнозам, выздороветь через пару недель. С ним-то все в порядке, а вот мы... Представляете, какой был бы прокол?

— Да уж, — сквозь зубы сказал Сварог.

Действительно, прокол был бы с тяжелыми последствиями — операция «Невод» состоится недели через три, если бы они забрали Гарна с его «официальными» близкими, но оставили бы в прошлом на неизбежную гибель эту связисточку с сыном, которого Гарн, судя по всему, любит... Нешуточный психологический шок обрушился бы на Гарна в добавление к тому, который ему и так придется испытать...

— В общем, я немедленно вставила и ее, и сына в список на изъятие, — сказала Канилла. — И отдала приказ, чтобы еще раз тщательнейшим образом проверили всех остальных — у кого-то еще тоже может оказаться на стороне ребенок или какая-нибудь беззаветная любовь. Или еще кто-то, чья смерть в Штурме окажется для изъятых нешуточным потрясением. Над этим уже начали работать.

— Ты молодец, Кани, — сказал Сварог искренне. — Действительно... никак не скажешь, что с ближайшим окружением*изымаемых работали спустя рукава, но работали все же с лупой, а надо было с микроскопом. Я очень рад тебя видеть, но... (он понимал, что это глупо, но все же невольно оглянулся так, словно за спиной у него угнездился соглядатай, жадно слушавший).

— Но, в конце концов, это могло и подождать — коли уж работа отлично идет без меня. Ты все же чуточку неосмотрительно поступила, когда сюда прилетела. Ну конечно, твой брагант не засекала ни одна собака, машины спецслужб для Сферы словно бы невидимы, мы оба это давно и прекрасно знаем. Но ты ведь сейчас не в браганте. Я еще в прошлый раз, после того, как побывал здесь, запросил полную информацию об

этом заведении — коли уж мне, ясно было, предстояло здесь отдыхать. Здесь есть средства наблюдения, накрывающие всю территорию — и позволяющие наблюдать, что происходит в домиках. Это понятно: иногда здесь оказываются люди в таком состоянии психики, что за ними просто необходимо наблюдать, это, в конце концов, не санаторий, а, называя вещи своими именами, психиатрическая лечебница... И всегда есть ночной дежурный врач, я уверен, он и сейчас на посту, хотя «отдыхающий» здесь один-единственный, то бишь я — у медиков своя бюрократия, уставы и регламенты... Вдруг возьмет и рутины ради посмотрит на пляж? Я это тут же определяю, но воспрепятствовать не смогу. Неприятностей у тебя, конечно, не будет никаких, потому что ты никаких запретов не нарушала, но... Будет пятнышко на репутации серьезного, ответственного работника. Сама знаешь, до сих пор некоторые считают, что ты по молодости лет и бесшабашности характера еще не вполне серьезная и чуточку безответственная. И если бы только речь шла о врагах и недоброжелателях... Если тебя здесь засекут... Опять за спиной начнутся шепотки типа: «Эта безответственная девчонка...»

Он хорошо видел в ярком лунном свете очаровательное личико Каниллы — и на нем не было ни тени беспокойства. Наоборот, она словно бы слушала с хорошо скрываемой скукой — хотя эти шепотки за спиной ее изрядно раздражали, и она старалась не подставляться...

— Не беспокойтесь, командир, — сказала Канилла с мимолетной улыбкой. — Видите ли... Я сейчас невидимка для всех окружающих, кроме вас. И мой брагант тоже. Слово офицера, так и обстоит. Вы об этом просто-напросто не могли знать, потому что все произошло совсем недавно, конкретнее — позавчера, когда вы еще спали...

Сварог помолчал немного. Потом наполнил стопочки и сказал медленно:

— Кани, если откровенно, ты меня несколько раз по-настоящему удивляла. По разным причинам и при разных обстоятельствах. Вот и сейчас... Ты же прекрасно должна знать, что наши заклинания на невидимость действуют только на жителей земли. Любой лар тебя увидит — а врачи здесь исключительно лары... Подожди, подожди... «Произошло». Что произошло?

— Можно, я начну издалека? — поинтересовалась Канилла самым невинным тоном (каковой, Сварог давно убедился, в ее устах маскировал очередное лукавство).

— Ну, давай издалека...

— Там, в вашем домике, вас ждет Верди, — сообщила Канилла. — Когда она узнала, что я лечу к вам, ни о чем не просила, но смотрела так умоляюще, что у меня сердце дрогнуло... Я вас наверняка опять удивила, командир? Ну что поделать, если я все про вас с ней знаю. Я за вами не шпионила намеренно, не подумайте, так уж получилось, практически случайно...

Сварог хотел прокомментировать это смачной тирадой на родном языке, но вовремя вспомнил, что Канилла знает русский. И сердито молчал.

— Я бы в жизни не стала сводничать, зайди речь о ком-то другом, — сказала Канилла. — Как-никак Янка — моя лучшая подруга. Я, конечно, при вас и словечка бы не проронила, но отнеслась бы очень неодобрительно. Вот только Верди — совсем другое. Дело даже не в том, что она в вас влюблена, как кошка. Само по себе это ничего бы не значило. Все дело в ней. Она славная девочка и перенесла столько, что вы для нее — нечто вроде целительного лекарства. Ее необходимо **о т о г р е т ь**, а делать это можно одним-единственным способом... Вы это не хуже меня понимаете, правда?

— Правда, — неохотно признался Сварог.

— Вот видите. Сложно все... Так что я нисколько не осуждаю ни ее, ни вас. Наоборот, содействовать готова... Вы меня только не выдавайте, ладно? Янка как-то говорила, что к кому-кому, а к Верди не стала бы вас

ревновать, даже если бы застучала в постели. Из тех самых побуждений, которые я вам только что изложила.

— Она и мне похожее говорила, и вовсе не шутя, — сказал Сварог.

— Ну вот видите. Так что совесть у вас чиста. Завтра утром я за ней прилечу, Янка к этому времени, ручаясь, будет еще оставаться в Вентордеране...

— Подожди, — сказал Сварог. — А какая связь меж Верди и этой твоей невидимостью, в которой ты так уверена?

— Я же сказала, что начну издаleка. Давайте по порядку... Я несколько раз возила Верди к себе в гости, в манор. У нас прекрасные отношения. Иногда у меня собиралась компания, иногда мы с ней устраивали девичьи посиделки с глазу на глаз. И в последний раз тоже собирались посидеть вдвоем, поболтать, очередной фильм с Той Стороны посмотреть... Почти сразу же после того, как мы прилетели, со мной связалась бабушка и спросила, может ли прилететь в гости. Она любит вот так, без предупреждения. Узнала, что я у себя в маноре, ей было скучно. Конечно, я сказала, что всегда рада ее видеть. И это чистая правда. К тому же она любит знакомиться с моими друзьями снизу. С Гаржаком уже знакома, — Канилла опустила глаза в наигранном смущении. — И вполне его одобрила. Сказала только, что шалопай он изрядный, но у мужчин это неискоренимо... В общем, бабушка прилетела. Верди ей определенно понравилась, конечно, фильм мы не смотрели — сидели у камина и болтали. Точнее, говорила в основном Верди — рассказывала, как она жила в отцовском замке, о крестьянах, вообще о деревенских нравах, обычаях, суевериях. Бабушка очень любит слушать рассказы о жизни на земле, она же оттуда родом. И вот, в один прекрасный момент, когда Верди стала рассказывать о деревенских колдунцах, точнее, об одном заведенном на земле порядке... Есть, оказывается, у крестьян стариннейший, неведомо в какую древность уходящий обычай: они для своих нужд рубят далеко не

каждое дерево. Только то, которое сначала обследует, что ли, деревенский колдун. И скажет: вот это можно рубить, а это категорически нельзя. Крестьяне никогда не поступают ему наперекор. Опять-таки с неведомо каких времен сохраняется стойкое убеждение: если колдуна не послушают, ослушника ждут всяческие напасти. Короче говоря, оказалось, что есть не только рудознаты, но и д р е в о з н а т ц ы. Я о них первый раз слышала. А вы?

Сварог старательно задумался. Кивнул:

— Давно тому что-то такое краем уха слышал. И не стал придавать значения: у крестьян много такой мелкой домашней магии, которую к серьезным делам не приспособишь. А потому ею пренебрегают. Благо, она не черная...

— Понятно... Так вот, когда бабушка об этом услышала, с ней словно что-то п р о и з о ш л о. Уж свою-то бабушку я прекрасно знаю и никак не могла ошибиться. Она не удивилась, не встревожилась, ничего подобного — просто создалось такое впечатление, что эта тема ее страшно заинтересовала. Она принялась расспрашивать Верди самым дотошнейшим образом, мельчайшими деталями интересовалась: как становятся древознатыми, передается ли это по наследству или бывает и иначе, как всё проходит, что именно случается с ослушниками... Так, словно экзамен принимала по очень серьезному предмету. Верди мимоходом упомянула, что этому обычаю следуют и постоянно живущие в деревне дворяне вроде ее отца — бабушка и тут начала вникать в мельчайшие детали. Мне, признаюсь, это очень быстро чертовски наскучило, но не могла же я обрывать бабушку. Я же видела, к а к это ее заинтересовало, неизвестно почему. Сидела и старательно притворялась, что мне вовсе не скучно. Это больше часа тянулось. Потом бабушка, так мне показалось, узнала все, что хотела узнать. И перевела разговор на другие темы. В общем, хорошо посидели. А на завтра бабушка меня вызвала к себе и принялась расспрашивать, не

слышала ли я по службе чего-то об этих древознатцах и не занимаемся ли мы ими. Первый раз в жизни она расспрашивала о моей службе... Я ей ответила чистую правду: никто этим не занимается, я вообще ни о ком таком не слышала до того вечера. Она словно бы надолго призадумалась, а потом сказала: «Надо бы мне как-нибудь поговорить с лордом Сварогом. Дело не к спеху, но надо непременно...»

— Она при этом выглядела встревоженной? Обеспокоенной?

— Нет, ничего такого, — уверенно сказала Канилла. — Повторила еще раз, что это не к спеху, но поговорить с вами нужно. А потом вдруг довольно настойчиво стала убеждать принять ее у м е н я... Она и раньше предлагала и маме, и мне, но всегда мимоходом, словно особого значения этому не придавала. А в этот раз форменным образом настаивала...

— Умение дриад? — сказал Сварог. — Я-то полагал, что они, став людьми, этих умений лишаются... — он вспомнил кое-что о Канилле и Лемаре, поправился: — Или — большей части...

— Изрядной части, — кивнула Канилла. — Уж не знаю, сколько это будет в процентах, я не стала углубляться в такие тонкости... Но далеко не всех. Мама в свое время не стала этого принимать, сказала, что ей эти умения, в принципе, ни к чему. Я думала точно так же. Но бабушка так настаивала... Пришлось принять. Это недолгая и довольно скучная процедура, я, с вашего позволения, ее описывать не стану. — Канилла пожала плечами. — Я и теперь не вполне понимаю, зачем мне это. Ну, невидимость — еще куда ни шло, вот и сегодня пригодилась. А все остальное совершенно ни к чему. Вообще, оказалось, умения дриад — вещь довольно специфическая. Три четверти отведено на то, чтобы прятаться от людских глаз, скрываться, таиться. Немножко о том, как д о г о в а р и в а т ь с я со всевозможной лесной живностью, жить с ней в согласии, а иногда и прибегать к ее помощи — вот уж что мне тоже

совершенно ни к чему, я в лесах на земле бываю раз в сто лет, охотой не увлекаюсь — все, в ком есть кровь дриад, охоты не любят... И непонятно, зачем мне это умение, которым владеют древознатцы, а когда-то владели дриады — умение отличать «плохие» деревья от «хороших». Но не обижать же бабушку, она так настаивала, а к стариковским причудам нужно относиться терпимо, особенно к тем, которые никому и ничем не вредят... Если хотите, я вам все об этих умениях подробно напишу — вдруг пригодится когда-нибудь.

Чуть подумав, Сварог заключил:

— Когда-нибудь, когда делать будет совершенно нечего. В самом деле, зачем нам отличать «плохие» деревья от «хороших»? Ты, кстати, не знаешь, по каким критериям отбор идет? Прочему одни плохие, а другие хорошие?

— Не знаю, — призналась Канилла. — Умение у меня теперь есть, а почему одни плохие, а другие хорошие, и в чем то и другое выражается, решительно не понимаю. И не собираюсь над этим голову ломать. Но с бабушкой вы встретитесь, когда найдете время? Очень ей этого хочется, я же вижу...

— Непременно, — сказал Сварог.

— Ну вот, начали издалека и помаленьку пришли к рассказу, откуда у меня невидимость... Да, вот что еще. Мне вчера попало упоминание о древознатцах. Я сидела на ночном дежурстве, делать было совершенно нечего, вот и лениво шарила по архивам. И наткнулась на меморандум Кристана... Он в том числе и о древознатцах пишет.

— Ну да, конечно, — хмыкнул Сварог. — Рано или поздно каждый новичок натывается на меморандум Кристана. И многие им поначалу очень воодушевляются... У тебя с этим как?

Канилла пожала плечами:

— Ну, не скажу, чтобы он меня так уж воодушевил, но что-то в этом есть.

Сварог усмехнулся:

— Это называется «легкой формой». Когда не воодушевляются, но начинают говорить, что «в этом что-то есть»... Я легкой формой тоже поначалу переболел.

— И, судя по вашему тону, преисполнились скепсиса?

— Как очень и очень многие, — сказал Сварог. — Почти все. Потом, как следует поразмыслив, приходишь к выводу, что это не более чем изящная игра ума. Очередная из множества...

— Ну, не знаю... — сказала Канилла с некоторым сомнением.

Ты переболеешь, мысленно обнадежил ее Сварог. Почти все этим переболели — это нечто вроде кори, неизвестной, как и другие болезни, в Империи, но присутствующей на земле — где ее, впрочем, давно уже довольно успешно лечат...

Меморандум Кристана, названный по имени его автора, появился лет триста назад. Лорд Кристан, будучи тогда совсем молодым, служил в восьмом департаменте, и ему поначалу прочили большое будущее. Которое он, увы, собственными руками угробил...

Означенный меморандум он однажды официальным образом представил по начальству — был уже тогда на должности, как раз и позволявшей подобные меморандумы со своими соображениями подавать по начальству. Речь там шла о ситуации, в общем, с давних пор прекрасно известной: о том, что крестьянство как таковое пребывает совершенно вне поля зрения восьмого департамента (как и земных тайных полиций тоже). Ничего хотя бы отдаленно похожего на сеть информаторов там не создано — в противоположность тому, что имеет место быть в городах. Восьмой департамент полагает, что достаточно рутинного наблюдения с помощью орбиталов, а земные тайные полиции считают, что вполне достаточно сельских стражников, имеющих свою агентуру.

В общем, факт столь же банальный, как то, что у всякой реки непременно два берега, Солнце встает на востоке, а картофельная водка бьет по мозгам гораздо сильнее, ска-

жем, ячменной. Однако Кристан присовокупил к этому оригинальную для своего времени идею: он считал, что подобное небрежение тем, что происходит в массе народа, составляющей примерно восемьдесят процентов населения земли, может однажды привести к тому, что там вызреет некая крайне серьезная угроза — не только для земных королевств, но и для Империи. И может оказаться так, что спохватятся поздно. А потому предлагал проект создания среди крестьянства широкой информационной сети восьмого департамента на манер городской.

С чисто технической стороны проект был хорош. Но с практической оказался совершенно ненужным, поскольку был лишен всякой конкретики, и эта самая «крайне серьезная угроза» представляла чистейшей воды абстракцией. Профессионалы (и не обязательно в спецслужбах) крепенько недолюбливают абстракции и отвлеченные рассуждения. А потому нет ничего удивительного в том, что меморандум, пропутешествовав по паре-тройке инстанций, везде был отмечен стандартной резолюцией «оставить без внимания». С подобными документами такое случалось далеко не в первый и наверняка не в последний раз — и в имперских учреждениях, и на земле.

Тут бы Кристану и уняться — а он не унялся. Стал отсылать меморандум все выше и выше, в конце концов, достигнув верха иерархической лестницы восьмого департамента, пошел выше — в Канцелярию земных дел, в Кабинет Канцлера. Вполне возможно, даже наверняка, он добрался бы и до Кабинета императора — но попросту не успел. Как-то незаметно перешел в категорию надоедливых сутяжников, пустых прожектеров, которых сначала вежливо увещевают, а потом, когда уж особенно достанут, начинают бить больно — в переносном смысле, конечно, но «прожектеру» от этого не легче, порой наоборот...

Кто-то в Канцелярии земных дел пошел по изби-тому (хотя порой и эффективному) пути — приказал составить межведомственную комиссию и рассмотреть все всерьез.

Насколько понял Сварог, комиссия работала довольно объективно и копнула глубоко. Прежде всего выяснилось, что Кристан изобрел велосипед — подобные идеи со времен основания Империи выдвигались примерно раз в поколение — с некоторыми несущественными различиями. И в первую очередь Кристану заявили: за все время существования Империи так ни разу и не объявилось пресловутой «крайне серьезной угрозы». Да, иные мелкие крестьянские умения вроде древознатцев, приманивателей рыбы или насылания грозы так и остались загадкой для науки — но исключительно оттого, что особого интереса для науки не представляли (шла речь и о том, что не хватает ученых для решения более серьезных задач). Угрозы масштабом гораздо меньше порой объявлялись, но с ними всякий раз успешно и вовремя справлялись уже существовавшие службы, имперские и земные. В тех случаях, когда они имели отношение к чему-то черному, достаточно было институций вроде Багряной Палаты или второго управления восьмого департамента. Ямурлакская нечисть была известна наперечет, давным-давно классифицирована и, что важнее, наружу не лезла — а, если и бывали редкие исключения, с ними опять-таки успешно справлялись. Одним словом, окончательный вывод комиссии гласил: непрактично, нерационально и, говоря без дипломатии, глупо было бы прилагать массу усилий и вовлекать массу людей, чтобы создавать обширную сеть даже не для поиска — для ожидания Неизвестно Чего.

Вразумить Кристана, увы, не удалось, и он обратился в инстанции более высокие — но и там успеха не имел в первую очередь из-за отсутствия в своих рассуждениях какой бы то ни было конкретики. Даже расположенные к нему люди пожимали плечами и честно признавались, что и в очках не видят той печки, от которой следовало бы танцевать. Финал оказался банальным: как часто случается, Кристан в борьбе за свою идею забросил служебные обязанности, отчего автоматически

проистекали конфликты с начальством и коллегами. Кончилось все тем, что его отправили в отставку — и, положив руку на сердце, Сварог мысленно признавался, что на месте тогдашнего начальства Кристана поступил бы точно так же. Абстракций и отвлеченных рассуждений он точно так же не терпел — если они мешали нормальной работе.

Оказавшись не у дел, Кристан отправился на землю — если конкретно, в Равену (он приятельствовал с тогдашним начальником тайной полиции Ронеро, разделявшим идеи Кристана применительно к вверенному ему королевству). Обоим удалось заинтересовать тогдашнего молодого короля — и начальник тайной полиции получил высочайшее разрешение на создание новой службы и даже солидное финансирование. Начальником этой службы как раз и стал Кристан, получивший от короля титул земного графа и чин тайного советника (в Империи к этому отнеслись не то что снисходительно, равнодушно — чем бы дитя ни тешилось...).

Просуществовала эта служба года три. Потом в кругу высших ронерских государственных чиновников стало помаленьку нарастать недовольство: шло время, а немалые денежки без малейших результатов проваливались в эту самую бездонную бочку. Как у всякого начальника тайной полиции, у земного покровителя Кристана оказалось немало могущественных врагов, радостно ухватившихся за прекрасный повод свалить противника. Тем более что в новой службе, как частенько случается, всплыли досадные недочеты: кто-то присваивал казенные денежки, кто-то использовал подчиненных в личных целях, кто-то привлекал в качестве «экспертов» шарлатанов, авантюристов и мошенников. Закрутилась очередная придворная интрига, в конце концов начальника тайной полиции вышибли со службы без пенсии и мундира, и он, получив недвусмысленный намек от короля, не видевшего больше проку от новой игрушки, отправился в свое дальнейшее имение. Кристана, правда,

уволили гораздо вежливее — как-никак лар, Его небесное Великолепие, но отстранили от всяких дел. Вернувшись в Империю, он недолгое время строил новые проекты (точнее, дополнения к основному), пытался заинтересовать ими и Магистериум, и Мистериор, но успеха нигде не снискал — и, как писалось в старинных романах, стал вести жизнь затворника, практически не появляясь в свете и, по слухам, занимавшимся какими-то экспериментами и исследованиями, к которым никто уже не относился серьезно. Он и сейчас жив — пожилой, но не старик...

Когда в свое время Сварогу попал в руки меморандум Кристана (фигурально выражаясь, пылившийся в электронном виде в свободном доступе, где его мог прочитать любой рядовой сотрудник восьмого департамента), то, как всякий почти новичок, переболел им в легкой форме. Сначала, как многие (и Канилла сейчас) решил, что «в этом что-то есть». Потом (опять-таки как многие) за отсутствием всякой конкретики вынужден был признать, что пустые абстракции — штука для дела бесполезная. В чем еще больше утвердился, приобретя некоторый опыт и поднявшись гораздо выше по служебной лестнице, нежели Кристан когда-то. Подобными абстракциями можно заниматься только тогда, когда под рукой немаленький кадровый резерв, откуда можно черпать и черпать. Конечно, в крестьянской среде время от времени обнаруживаются неизвестные прежде умения, а то и сущие феномены — одна Бетта чего стоит, — но настоящая, большая угроза никак не прослеживается, хоть ты лоб себе разбей. Той же точки зрения придерживался и великий прагматик Интагар, как оказалось, краем уха слышавший о провале проекта Кристана в Ронеро — конечно в крестьянской среде много загадок, но все они слишком мелкие, чтобы тратить серьезные деньги и привлекать значительное число людей. В конце концов, есть Багряная Палата и монашеские братства, до сих пор этого вполне хватало...

— О чем задумались, командир? — вырвал его из поверхностных размышлений голос Каниллы.

— Да так, о всякой ерунде, — махнул рукой Сварог. — О том, сколько людей решали, что в меморандуме Кристана «что-то есть» — а потом трезво все взвешивали и отступались... Ладно, это абсолютно неважно. Ты молодец, что прилетела.

— Ну, тогда налейте «разгонную», и я отправлюсь на Талар, — Канилла лукаво улыбнулась. — А то Верди там заждалась, места себе не находит... Приятного вечера!

Сварог вздохнул тяжело. Канилла приободрила:

— Не берите в голову, командир, это не измена, тут все сложнее. Окажись все это чем-то другим, простите за выражение, вульгарным блудом, в жизни не стала бы вам с ней помогать, за Янку обиделась бы...

Когда ее брагант очень быстро бесшумной тенью затерялся среди звезд, Сварог вмиг уничтожил все следы скромного застолья и неторопливо направился к подъемнику. Наверху царил все та же покойная тишина, разве что в ближайших кустах меж величественных сосен шумно возился кто-то, судя по звукам, мелкий, причем из освоившихся, наподобие навязчивой белки — когда Сварог проходил совсем рядом, похрустывание веток и возня нисколько не прекратились.

Естественно, в его домике горели оба стрельчатых окна гостиной, украшенные витражами искусной работы в стиле старинных мастеров, а из трубы лениво струился полупрозрачный дымок — Вердиана разожгла камин. Тот самый, перед которым лежала огромная шкура черного медведя, немало интересного знавшая о них с Вердианой, но не способная ничего никому рассказать.

Сварог вошел и направился прямо в гостиную. У вскочившей при его появлении Вердианы было такое счастливое личико, что напрочь отлетели последние угрызения совести — и до того-то существовавшие в виде комариных укусов, не более.

...Сон оказался натуральнейшим кошмаром.

Сначала он долго шагал по лесной тропинке ясным днем, и чащоба вокруг ничуть не напоминала какой-нибудь корявый злокозненный лес из фильма ужасов, наоборот, чувствовалась некая умиротворенность. Потом он вышел к неширокой спокойной речушке, к перекинутому через нее чуточку горбтому каменному мосту, выглядевшему довольно старым, но ухоженным — ни мха, ни пятен лишайника, ни выкрошившихся камней. Походило на то, что за ним заботливо следили.

И там, посреди моста, стояла большая белая волчица.

Сварог остановился у входа на мост — почему-то он именно так и должен был сделать, и они долго разглядывали друг друга. В янтарно-желтых глазах волчицы не было ни свирепости, ни злобы, наоборот, если бы речь шла о человеке, ее взгляд можно было называть нежным, а выражение морды — улыбчивым. Дружески расположенная к нему волчица, изволите ли видеть. Вот только белые волки здесь встречаются, как когда-то на Земле, едва ли не раз в тысячу лет. Если говорить об обычных волках. А что до других — в здешней мифологии белые волки почти никогда не связаны с чем-то добрым, зато их, как олицетворения зла, хоть отбавляй...

Исчезли и мост, и волчица, Сварог словно растворился в ее янтарно-желтом нежном взгляде.

И оказался в обшарпанной комнате неистребимо казенного вида, где на колченогом столе лежала стопка бумаги и стояла большая старомодная чернильница, на стенах висели мечи и мушкеты, а в углу приткнулся грубо сколоченный топчан, грязный, полосатый, с прорезами, из которых торчали пучки прелой соломы. Единственное окошко забрано тронутой ржавчиной решеткой, явно сработанной каким-то косоруким кузнецом без малейшего прилежания.

И там была Яна — с волосами, на крестьянский манер заплетенными в две косы, перевитые цветными лентами, в наряде не бедной, но и не особенно за-

житочной крестьяночки: синяя юбка до колен, скупое украшенная по подолу неширокой полоской серебряного шитья, белая рубаха с просторными рукавами, стянутая под горлом тесемочкой с кистями, красный корсажик.

За столом сидел тип в мундире сельского стражника с какой-то нашивкой на левом рукаве с багровой физиономией чванливого микроскопического сатрапчика, упивавшегося доставшимся ему пяточком власти. Второй точно такого же вида, разве что без нашивки, стоял за спиной у сидевшей на колченогом стуле Яны, положив руки ей на плечи и с гнусной ухмылочкой пошевеливая усами, а третий, примостившись в углу, старательно ввинчивал штопор в широкую пробку пузатой бутылки без этикетки.

Сидевший за столом с расстановочкой цедил слова, объясняя Яне ее незавидное положение. Среди завернутых в холстинку кругов сыра и крынок с творогом на ее повозке нашли мешочек курительной дури весом не менее ста паундов. За который, если дать делу ход, ей уныло прозябать за решеткой не менее трех лет — и то, если господин судья окажется милостив к красоткам и оценит по достоинству ее грудки-ножки. А то и побольше. А поскольку тюремщики — народ беззастенчивый и практичный, ее сразу же приспособят в качестве девочки для удовольствий, в каковом она и будет пребывать в течение всей отсидки. Но поскольку они тут не звери, согласны окончить дело миром и протокол уничтожить, а дурь выбросить в отхожее место. Конечно, если она будет умницей и отблагодарит всех троих со всем прилежанием...

На лице Яны была тоскливая безнадежность, какой Сварог у нее в жизни не видел. Он не мог тронуться с места, не мог ничего сказать — как порой случается в кошмаре, словно превратился в статую, немую и неподвижную. С рвущимся из глубины души протестом, не находившим выхода, — видел, что Яна покорилась и сама сказала об этом, опустив глаза.

Ее заставили раздеться и поставили на колени. Первым, лязгнув массивной пряжкой ремня, пристроился тип с нашивкой на рукаве. В отличие от многих снов, этот казался чертовски реалистичным. Сварог видел массу мелких деталей, каких в сновидениях обычно не бывает: обшарпанные доски пола, тусклые квадратные шляпки гвоздей и трещины в дощатом потемневшем подоконнике, узор шитья на подоле небрежно брошенной у стола юбки. И таких было много, очень много, более того, иногда ему казалось, что он чувствует запахи, ощущает подошвами шероховатость пола. Происходившее можно было бы принять за реальность — но он и во сне частичкой ясного сознания понимал, что т а к а я реальность невозможна. Силился проснуться, вырваться из этого кошмара, трепыхнуться — и не мог. Принужден был загадочными правилами сновидений смотреть и слушать.

Когда закончил третий и Яна поднялась, ни на кого не глядя, утирая ладонью щеки и подбородок, ее повалили на продранный топчан, долго гладили и ощупывали самым бесстыдным образом, наперебой сыпая похабщиной. Яна лежала смирно, уставясь в потолок полными слез глазами, иногда вздрагивая от особенно наглого лапанья.

Начальник, уже без штанов и сапог, в одном расстегнутом мятом кафтане, навалился на нее. Ее насиловали неторопливо, растягивая удовольствие, перекидываясь теми же похабными шуточками и комментариями, вытворяли с ней все, на что способна грязная фантазия, хохотали, когда она, не выдержав, болезненно вскрикивала или стонала, безуспешно пыталась вырваться из рук очередного насильника. Сварог смотрел, не в силах отвести взгляд, и слушал, не в силах заткнуть уши. Отчаянно рвался из этого кошмара, как рвутся из веревок, но никак не мог вырваться, стоял и смотрел на то, что сразу двое проделывали с Яной, уже мотавшейся в их руках, как кукла. И в какой-то момент отчетливо увидел за проржавевшей решеткой морду белой волчицы, казалось, у л ы б а в ш е й с я ему...

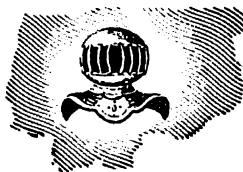
И словно вынырнул из воды, отчаянно хватая ртом воздух. Тяжело дышал, глядя в потолок — потолок гостиной домика под номером семь, обитый досками из сильванской березы, с затейливым, созданным природой узором из серо-черно-коричневых разводов.

Вокруг была реальность — витражи, освещенные уличными фонарями, тлеющие полешки в камине, мягкая постель, озабоченное, даже тревожное в неярком свете сиреневого светильника личико склонившейся над ним Вердианы. Когда он окончательно понял, что все увиденное было ночным кошмаром, его пронзил приступ такой дикой радости, что едва не закричал, — а потом нахлынула волна несказанного облегчения, и он откинулся на подушки, тяжело дыша, чувствуя себя разбитым, как если бы вышел из неимоверно долгой кулачной драки.

— Вам приснилось что-то плохое? — озабоченно спросила Вердиана. — Вы так метались, что я проснулась, а потом закричали... Все в порядке? — ее голос звенел нотками нешуточной тревоги.

Сварог уже справился с собой, погладил прильнувшую к нему девушку по теплой щеке.

— Глупости, Диана, — сказал он насколько мог беззаботнее. — Ну да, кошмар приснился. Они и королям снятся сплошь и рядом...

Глава IV

ПОЛЕТ МЕРТВЫХ ПТИЦ

Зазвенели чары, повсюду стоял веселый гомон, как на любой гулянке, будь то посиделки в таверне или пиршество, устроенное вождями ратагайского рода Алых Чепраков для короля королей и его спутницы. После первых чар ли, бокалов ли, все идет одинаково.

Конечно, ни стульев, никакой другой мебели, предназначенной для сидения, в степи не было — о чем Сварог давным-давно знал. Только ковры — или кошма у тех, кто победнее. В ратагайских городах все иначе, но самый близкий далеко отсюда...

Разумеется, они с Яной оказались за Главным Ковром, как его про себя прозвал Сварог (вообще-то названия у него не было, но нужно же его как-то для себя именовать?). Роскошный был ковер, как и следовало ожидать: круглый, диаметром уарда в три, темно-вишневый, расшитый золотыми нитями в сложные и разнообразные узоры. Его окружали другие, уже прямоугольные, предназначенные для гостей. Расположиться с комфортом там можно было только двумя способами: либо сидеть по-турецки, либо полулежать или лежать, опираясь на толстые цилиндрические подушки. Яна выбрала первое — сказались годы охоты в Каталауне, где в лесу на привалах

обходятся без всякой мебели. Сварог, не раздумывая, предпочел второе — благо этикет не просто позволял, а прямо предписывал. Вольготно разлегся, опираясь локтем на подушки. Одним словом, как выражался не особенно и обремененный образованием герой классического романа: «И теперь возлежим, словно древнеримские греки».

А вокруг, насколько хватало взгляда, тянулись становившиеся все более протяженными другие концентрические кольца из разноцветных ковров — круг диаметром в парочку лиг. На такое пиршество допускают всех, от вождей до последних табунщиков. Женщин, правда, приходится одна на сотню. Ратагайцы о матриархате и правах женщин в жизни не слышали, а расскажи им кто, закатились бы от хохота и посчитали рассказчика скорбным на головушку. В старые времена женщины, даже жены самых уважаемых и влиятельных членов рода, пребывать за пиршественными коврами не могли. В последнюю пару сотен лет наметился некоторый прогресс нравов — но все равно, допускались только жены даже не всей ратагайской знати, а ее верхушки. Яна под это определение вполне подходила, так что ни малейшей неловкости ее присутствие не вызывало. Правда, считанные люди здесь (вроде Баруты и парочки его родственников) знали, что она императрица. Но вот, что она — законная королева Хелльстада, жена короля королей, знали все до единого, так что и здесь все шло согласно неписаному степному этикету.

С началом пира в небе на высоте лиги появился невидимый для пребывавших на земле орбитал девятого стола. Речь на сей раз шла исключительно об использовании служебного положения в личных целях. Сварогу просто-напросто хотелось посмотреть, как это пиршество выглядит с высоты, и он, оставшись один, уже просмотрел парочку снимков. Что ж, красиво, живописно, эффектно: пестрый круг, пересеченный шестью радиальными просветами, по кото-

рым могли бы скакать четыре коня в ряд. Еще одна старинная традиция, свято соблюдавшаяся: в прежние времена не раз случалось, что во время такого вот торжества вскачь приносился гонец на взмыленном коне и объявлял, что вторглись враги. Как исстари заведено, кони пирующих, заседланные и взнузданные, паслись несколькими большими табунами совсем недалеко — и очень быстро все оказывались в седлах (нападать на противника во время такого пира не считалось зазорным). Правда, последняя серьезная война меж двумя соперничающими родами случилась более чем полторы сотни лет назад, но традиция есть традиция, особенно в Ратагайской Пуште...

Сварог покосился влево — как примерной жене и полагалось, Яна расположилась с левой стороны от мужа (слева, где сердце). Чтобы не нарушать традиции, ей пришлось сделать прическу знатной замужней женщины — две толстые косы кольцами по обеим сторонам головы — но это никак не могло испортить ей настроения, наоборот — женщине всегда интересно пощеголять с новой прической. Она весело и непринужденно беседовала с одним из вождей — и выглядела как нельзя более довольной жизнью. Что вовсе не было дипломатическим притворством — она пребывала в совершеннейшем восторге от всего пережитого здесь за три дня. Ратагайцы в грязь лицом не ударили, получился суший вихрь увеселений: несколько пиров, не столь пышных, как сегодняшних, скачки, джигитовка, охоты, танцы женщин в старинных нарядах... Великолепный получился отдых, сказала она Сварогу этой ночью. Он, конечно, поддакнул.

Вот только для него не было покоя, стоило смежить веки и уснуть. Всякий раз в конце концов повторялось одно и то же: он шагал в солнечный день по живописной чащобе, выходил к мосту — а там его поджидала белая волчица, можно бы так сказать, нежно улыбавшаяся навстречу.

И начинался кошмар — он стоял, не в силах ни шевельнуться, ни проснуться, ни изменить что-то, а перед ним разворачивались зрелища одно грязнее другого, вроде того, когда Яна на какой-то деревенской ярмарке оказалась в руках трех сельских стражников. И всегда это больше походило на реальность, чем на кошмарный сон — обилие деталей, каких во сне обычно не бывает, полное внутреннее убеждение, что все это происходит наяву, исчезавшее только с пробуждением...

Еще несколько раз в его кошмарах присутствовала Яна — то в роли пленницы на захваченном пиратами корабле, то крестьянской девушкой, затащенной в амбар налетевшими на село вражескими солдатами. Отвратительнее всего оказался кошмар о подземных пещерах, куда Яна пришла в облике девушки-воина, но оказалась побеждена обитавшими там оборотнями, заявившими с хохотом, что благородно отпустят ее живой, но сначала опозорят, как только можно. Продолжалось это долго, а мерзостнее всего оказалось то, что оборотни, на все лады тешившие грязную фантазию, представляли то в людском облике, то в волчьем, то в виде мохнатых человекоподобных тварей...

Этим не ограничилось. Кошмаров иногда наваливалось по два-три за ночь, это были столь же грязные сцены насилия, только вместо Яны оказывались Канилла, Томи, Вердиана, Аурика, а однажды и Маргиленна Дино. Иногда долго и изощренно пытали его соратников — Интагара, Брейсингема, Баглю, Гарайлу, других земных сподвижников и ребят из Бравой Компании. Однажды горела и рушилась красавица Латерана, по которой продвигалась орда каких-то карликов в черных доспехах, с факелами, горевшими странным сиреневым пламенем, от которого каменные дворцы вспыхивали, как соломенные хижины.

И всякий раз он не в состоянии был проснуться. И всякий раз чувствовал себя разбитым еще долго — хотя обычно к обеду отпускало. Прилетевшая к нему на несколько дней Яна это, как и следовало ожидать, за-

метила, немножко встревожилась, но Сварог довольно убедительно преподнес ей полуправду: его и в самом деле мучают ночные кошмары (в суть он не вдавался), но врачи заранее предупредили, что так и будет, что это — неизбежное следствие некоторых процедур, после которых он в конце концов станет бодрым, свежим и полностью излеченным от всех своих умственных болячек. И ему будет неприятно, если она станет обсуждать это с врачами. Он был достаточно убедителен, и Яна, к счастью, поверила.

Он вовсе не собирался оставаться барашком на бойне и отчаянно искал выход. На четвертый день, когда Яна улетела на Талар, он отправился к доктору Латроку и рассказал все. Доктор отнесся к этому очень серьезно, около часа Сварога исследовали с помощью очередной хитрой аппаратуры (хорошо еще, действовавшей исключительно бесконтактно). Потом он без возражений согласился на предложение доктора поставить у него в спальне какой-то аппаратик, изучавший бы его мозг во время сна.

Аппаратик там простоял три ночи. После чего доктор Латрок (с хорошо скрытым, но все же безусловным присутствующим недоумением, даже некоторой растерянностью) развел руками: медицина бессильна. В дебри заковыристых медицинских терминов он углубляться не будет, Сварог их все равно не поймет (Сварог угрюмо кивнул), объяснит, как умеет: они не нашли ровным счетом ничего необычного, выходявшего бы за рамки медицинской науки и ее долгого опыта. Все показатели мозговой деятельности Сварога соответствуют показателям человека, который спит и видит сны. Проникать в содержание снов наука пока что не научилась.

Латрок оставался приверженцем Ее Величества Науки, исключавшей все, что в научные рамки не уместилось. Ну, разумеется, учитывая специфику этого мира, где существовала не только наука: он признался, что приглашал специалиста из Мистериора, и тот всю

третью ночь просидел в гостиной — но по своей линии ничего не обнаружил. Наука была бессильна, официальная магия была бессильна — а кошмары навевались каждую ночь с назойливостью и неутомимностью кредитора, преследующего неисправного должника.

И все же, все же... Доктор Латрок не сказал ничего конкретного, но все же, с точки зрения чистой науки, позволил чуточку еретическую выходку: посмотрев на Сварога как-то странно, обронил:

— Конечно, наука наукой, а суждения Мистериора сомнению не подвергаются, но, по моему сугубо личному мнению, иногда нужно пускать в ход абсолютно все...

И больше ничего не сказал. Но Сварог и так понял его прекрасно.

Сам уже нисколько не верил, что это его собственные кошмары, не сомневался, что они приходят и з в н е — он слышал краем уха и от Грельфи, и от боевых монахов, что в старые времена иные черные колдуны владели умением нав е д е н и я снов. Впрочем, таким же искусством владели и белые — только насылали на человека какие-то д о б р ы е сны: возвращавшие душевный покой, исцелявшие от каких-то гнетущих дум, неотвязного горя. Вот только и о тех, и о других давненько ничего не слышно — многие колдовские практики, и черные, и белые, исчезли сами по себе, примеров предостаточно.

Но все же это была н и т о ч к а. Вернувшись через десять дней в Латерану, Сварог, если можно так выразиться, всеми десятью пальцами ударил по клавишам другого пульта. Поставил на ноги всех, кто мог в этом разбираться: отца Алкеса, Анраха, боевых монахов трех Братств, киларна Гилема, после смерти Грельфи возглавившего ее осиротевшее ведомство. Вспомнив о иных каталаунских старичках и старушках, связался с отцом Груком и поставил перед ним ту же задачу.

На сутки остался в Латеране, а когда Канцлер напомнил о запланированной поездке с Яной в Ратагайскую Пушту, выговорил себе еще день в Латеране, бесцеремонно соврав, что у него объявились неотложные земные дела, в которых без его присутствия не обойтись, и это не имеет ничего общего с «синдромом штурвала», от которого, врачи ручаются, его в «Лазурной бухте» полностью избавили. В детали он вдаваться не будет, это чисто его проблемы, Канцлеру совершенно ненужные (в какой-то мере это истине соответствовало). Канцлер, судя по всему, поверил.

Два дня оказались потраченными впустую. Все до одного задействованные люди, словно сговорившись (чего быть никак не могло), твердили одно и то же: да, бытовали такие умения в старину, но о них давненько уже и не слыхивали. Давно уже для такого выдумали специальное определение: «усопшая магия». Конечно, говорили они, нельзя ручаться, что то или иное умение, числившееся по ведомству «усопших», не всплывет неожиданно вновь, яркий чему пример — недавняя история с белинами. Однако никто из них (включая привезенных отцом Груком двух каталаунских б а б о к), проведя ночь в непосредственной близости от спальни Сварога во дворце, не обнаружили сопутствовавшей бы наведенным кошмарам специфической магии.

Он почему-то не мог себя заставить обратиться к Яне. Не мог, и все. То ли подсознательно считал, что и Древний Ветер ничем не поможет, то ли... Он еще не использовал п о с л е д н ю ю возможность.

Вот она, последняя возможность, разместившаяся, если разделить круг ковра подобно картушке компаса, градусам в тридцати от него, справа. Крепкий старик, одеждой ничем не выделявшийся среди остальных, разве что на груди располагался своего рода гильдейский знак — серебряная цепочка с дюжиной же литых серебряных подвесок в виде птиц, разнообразных предметов, звериных голов, пары-тройки непонятных символов.

Почтенный Барзай, тот самый шаман, как-то отправивший Сварога на неведомые Тропы, где Сварог встретил загадочную Бади Магадаль, Заблудившуюся Всадницу, показавшую ему бьющие от Радианта синие лучи. Тогда он еще не знал всего о старике. Барзай, как выяснилось, оказался не просто обычным шаманом, двоюродным дедушкой Баруты — персоной гораздо более высокопоставленной, главным шаманом рода Алых Чепраков, переводя на земные церковные мерки, чем-то вроде кардинала или архиепископа (у шаманов, ему объяснили, есть своя иерархическая лесенка из нескольких ступенек, в зависимости от числа умений и силы. Барзай стоял на самой верхней). Выслушав Сварога и нисколько не удивившись, сказал то же самое, что и его, если можно так выразиться, коллеги по профессии: действительно, было такое умение, но давненько уж исчезло, как многие другие. Однако, в отличие от коллег, мысль свою продолжил: в нашем мире ничего нельзя считать исчезнувшим навсегда, так что он за парочку ночей посоветуется с равными себе и отошедшими от дел стариками, так что выяснит все точно. На что у него должны были уйти прошлая ночь и сегодняшняя. Сварог не стал спрашивать, каким именно образом Барзай собирается за две ночи посоветоваться со знающими людьми по всей Ратагайской Пуште, — в секреты шаманов лучше не лезть, если они тебя непосредственно не касаются. Возможно, ратагайцы из его охраны нисколько не ввали, рассказывая, что сильные шаманы вроде Барзая способны за ночь обежать или облететь всю Пушту в облике филина или дикого пса — конечно, не простого филина и не простого пса. Шаманы — дело тонкое, никто как-то не стремится их изучать с научных позиций, кропотливо отделяя правду от сказок. Вот и мэтр Анрах сказал об этом как-то: «Не надо без нужды лезть к тому, что тебе не вредит...»

Ну что же, посмотрим... Увы, поганные кошмары не отпускали и здесь, а этой ночью навестил самый, пожалуй, отвратительный. Снова тропинка в чащобе, вол-

чица на мосту, ее, черти б ее взяли, не ж н а я улыбка. А потом — покойный бескрайний луг под солнечным безоблачным небом. И лучше бы это оказалась какая-нибудь грязная каморка с полудюжиной гогочущих скотов...

Там были Яна и белая волчица. Сначала обнаженная Яна, распростертая в невысокой зеленой траве с маленькими сиреневыми цветочками, лежала неподвижно, никак не сопротивляясь всему, что с ней происходило, а та, медленно водя языком по ее телу, временами оглядывалась на Сварога уже не то чтобы с нежной, а словно бы победной улыбкой. Потом голова волчицы надолго задержалась меж вздрагивающих бедер Яны, потом волчица встала над ее лицом, Яна положила ладони на ее задние лапы, вцепилась пальцами в белоснежную густую шерсть, казавшуюся старательно расчесанной...

Самое мерзкое в этом кошмаре было то, что на сей раз Яна не выглядела жертвой насилия, не звала Сварога на помощь (как иногда бывало). Ей все это н р а в и л о с ь. Она лежала, полускрыв глаза, и на губах блуждала прекрасно Сварогу знакомая удовлетворенная улыбка, постанывала и легонько вскрикивала, опять-таки насквозь знакомо, обеими руками глядя голову волчицы...

Когда он проснулся, прекрасно понял, в который раз, что приходило очередное мерзкое наваждение, не имевшее с реальностью ничего общего, — но в этот раз на душе остался особенно поганый осадок. Как всегда, в первую очередь оттого, что кошмары казались кусочком настоящей жизни. Словами не передать, как страстно хотелось добраться до того, кто все это затеял — а ведь за всем этим кто-то стоял, никаких сомнений, наваждения не берутся из ниоткуда и не приходят сами по себе...

Если и Барзай ничем не поможет, придется даже пересилить себя и рассказать Яне... а если и она окажется бессильной? Где и как искать в и н о в н и к а? Если так будет продолжаться достаточно долго, с ума он, конеч-

но, не сойдет, медицина не допустит, но крыша чуточку съедет. Латрок старался это скрыть, но выглядел крайне озабоченным — как и остальные его собеседники на земле, посвященные в эту тайну, один Барзай ухитрялся сохранять свойственную ратагайцам (особенно их шаманам) индейскую невозмутимость, но и у него в глубине умных и всегда чуточку печальных глаз что-то таилось, позволявшее судить, что невозмутимость старика — напускная...

Спohватившись, в ы н ы р н у в из тягостных раздумий, он поднял вслед за тамадой серебряную чашу, по ободку покрытую чуточку грубоватой старинной чеканкой, — фамильное родовое серебро, появившееся лишь при приеме особо почетных гостей. Когда ее ухитрился наполнить время от времени бесшумно возникавший за плечом прислужник (для почетных гостей эту роль всегда играл кто-то из младших сыновей вождя), Сварог не заметил — слишком глубоко ушел в себя. Хорошо еще, что никто этого не понял, даже Яна, с удовольствием пригубившая темно-багровый ставленный мед, из бочки, пролежавшей в земле не менее четверти века — как и в старину на Руси, его готовили из меда диких пчел и ягодных соков, выдерживали десятилетиями.

Сварог мысленно ухмыльнулся — Яна наверняка не вникала слишком глубоко в ратагайскую историю и древние обычаи. Ну, а он-то многое знал, опять-таки от Баруты и других телохранителей. Иногда, когда выдавался свободный вечер, он собирал ратагайцев в одной из каминных, выставлял лучшее вино и парутройку часов слушал их рассказы — и повествования о прошлой и нынешней жизни, и всевозможные легенды. Иногда ратагайцы с этим выступали в Ассамблее Боярышника, где всегда имели большой успех — как и не раз там появлявшиеся самые натуральные фогороши, под музыку которых танцевали ратагайские танцы (никто Сварога об этом не просил, но он однажды подписал указ, обязывавший власти на местах и по-

лицию беспощадно преследовать и сажать куда следует фальшивых бродячих музыкантов, ради немалых денег выдававших себя за фогорошей — а всем настоящим выдал королевские привилегии). Как ему доложили вскоре, ратагайцы это встретили с нешуточным одобрением, в первую очередь настоящие фогороши, уже сочинившие в его честь парочку баллад и одну о Яне, предусмотрительно — а вдруг король обидится? — не назвав ее по имени и поименовав Лесной Красавицей, прекрасной охотницей из каталаунских чащоб. Сварог и не подумал обижаться — как и Яна, когда балладу однажды послушала на очередном вечере в «Медвежьей берлоге».

Так вот, Яна наверняка знать не знала, что когда-то эти чаши для почетных пиров ратагайские мастера делали из окованных золотом и серебром черепов врагов — особенно могучих и опасных, победить которых было честью для любого богатыря. Это был не позор, а, наоборот, уважение к достойному противнику. И обычай этот был распространен, выражаясь казенно, во всех слоях общества, среди воинов или их потомков. Разве что люди небогатые обходились медью, бронзой или оловом. Вышел этот обычай из употребления относительно недавно, лет триста назад, в последние годы независимого Ратагайского королевства — однако Сварог знал, что все до единой чаши до сих пор хранятся в сундуках среди прочих фамильных реликвий.

Если уж мысли переметнулись к этнографии, Яна наверняка не знала и о том, что означали символы на груди вождей. Что-то похожее на гланские золотые цепи с подвесками трех видов, означавшими ту или иную степень дворянства. Ратагайская знать тоже обладала своими титулами, делившимися на четыре степени. А «знаками различия» были золотые подвески на золотых цепях — очень похожие то ли на кисти художников без деревяшки, то ли на опрокинутое вверх ногами пламя костра. Четыре степени: семь знаков, пять, три, один. Семь — у родовых вождей и сыновей и близких

родственников, одна — выражаясь принятыми в прочих королевствах терминами — у рядового дворянства. В некоторых случаях можно было шагнуть и на ступеньку вверх, а то и на две: Барута не так давно получил три «кисти» вместо одной исключительно за то, что руководил ратагайскими телохранителями Сварога.

Это и в самом деле были с и м в о л ы — появившиеся примерно в те же годы, когда отправились в сундуки чаши из черепов. А до того вместо них в обиходе были выкрашенные в красный цвет скальпы врагов — опять-таки достойных. Такова уж ратагайская история — иные старинные обычаи были напрочь лишены благостности...

Что ж, прекрасный получился отдых. После пиршества предстояла еще охота на уток на заповедных озерах, где охотилась ратагайская знать, — в любые времена, в любом месте, несмотря на традиции и установления, знать себе такие райские уголки обязательно устраивала: запретные для посторонних леса королевской охоты в Англии, уголья русских, австро-венгерских и германских императоров, «охотничьи хозяйства» товарища Брежнева... да и сам Сварог не без греха — в каждом его королевстве найдется парочка заповедных лесов королевской охоты — достались от предшественников, а он сохранил традицию. Еще из насквозь практических соображений: право несколько дней охотиться в королевских лесах было наградой для придворных, высших государственных чинов и генералов. А такие награды король должен сохранять, благо обходятся они гораздо дешевле, чем пожалования земель или золота...

Сам он выбирался на охоту раз в сто лет, когда этого требовали какие-то церемониалы. На все летающее не охотился вообще, как-то не лежала душа. Зато Яна, заядлая охотница на всякую бегающую и летающую дичь, будет в восторге. Вот и хорошо, отдохнет по полной программе. Он сам тоже чувствовал бы себя прекрасно, если бы не проклятые сны...

Что ж, оставалось запастись терпением на какие-нибудь сутки. Он передал через Каниллу должные инструкции Интагару — и все то время, что они с Яной провели здесь, по-прежнему кипела бурная деятельность: подчиненные отца Алкеса, киларма Гилема и боевые монахи перетряхивали свои архивы, рылся в фолиантах мэтр Анрах, а сама Канилла, благодаря полученным с новой должностью допускам, начала поиск в компьютерных сетях спецслужб Империи. Сварог и на сей раз не постеснялся через Велордеран залезть в архивы Кабинета Канцлера — пользы дела для, в хорошем стиле Брагерта и Каниллы.

Не может такого быть, чтобы нигде не отыскалось упоминаний о н а в е д е н н ы х снах. Если вычерпать архивы до дна...

Он поднял голову, услышав среди веселого гомона определенно посторонний звук — заполошный конский топот. С восходной стороны прямо к Главному Ковру вскачь неся всадник на рыжем коне, судя по одежде — из простых. Он скатился с коня уардов за двадцать (ближе верхом приближаться к месту, где сидели вожди, не позволял строгий этикет), не обращая внимания на водившего боками взмыленного жеребца (поводья тут же подхватили как из-под земли выросшие телохранители), побежал к ним. Склонившись к уху Гургаты, главы рода, самого старшего у Алых Чепраков, зашептал что-то — и шептал недолго. Потом, повинувшись небрежному жесту вождя, поклонился и пошел к своему коню.

Несмотря на всю индейскую невозмутимость, в глазах Гургаты читалось нешуточное удивление.

— Странные вести, ваше величество, — сказал он, оборачиваясь к Сварогу. — Гонец доложил, что прямо к нам направляется Бади Магадаль. Если она не свернет с пути, вскоре будет здесь — а не похоже, что она собирается сворачивать, скачет «полетом ворона»...

То же самое удивление отразилось на лицах всех, кто сидел за Главным Ковром, не исключая и Яны: она прекрасно знала, о ком идет речь, Сварог ей о За-

блудившейся Всаднице рассказал сразу после поездки на Тропы. Он подозревал, что и его собственная физиономия образцом бесстрастия служить никак не может: по авторитетному объяснению Барзая, Бади Магадаль, сколько люди ее помнят, никогда не объявлялась среди многолюдства. Всегда ее видели в местах глухих, где стояли два-три шатра табунщиков, охотников или рыбаков. И никто ее не боялся, потому что никогда никому не сделала зла. Наоборот, если принимала приглашение разделить трапезу у костра, это считалось хорошим предзнаменованием. Ходили еще слухи, что она порой крутит недолгие романы со степными красавцами — и Барзай говорил, что не всегда это сказки. Но то, что она объявилась при таком многолюдстве, — вещь неслыханная...

— И что вы намерены делать, тилерн* Гургата? — спросил Сварог с любопытством.

— Ничего, государь, — пожал вождь плечами. — Никто не знает, действует ли на нее здешнее оружие. Потому что никто в нее никогда не стрелял и не пытался ударить саблей — зачем? Вреда от нее никакого, а польза иногда бывала — то заблудившегося в степи малого ребенка отыскать поможет, прежде чем до него доберутся волки, то посоветует зелья, чтобы остановить падеж ягнят... Люди к ней спокойно относятся. Хотя мы знаем, почет и уважение токаму** Барзаю, — он коротко поклонился помянутому, — что она не просто человек, это дела не меняет. Посмотрим, с чем приехала, ведь первый раз такое лет за двести с тех пор, как она объявилась...

— Вот она! — воскликнул кто-то.

Теперь и Сварог видел всадника на высоком гнедом коне, уже скакавшего коротким галопом по широкому проходу меж ковров. Скоро можно было уже рассмотреть, что это не всадник, а всадница. И слышать стук копыт — за ней словно бы катилась волна

---

* Тилерн — вождь рода.

** Токам — почтительное обращение к сильному шаману.

тишины, расположившиеся на коврах ратагайцы замолкали при ее приближении и долго еще молча глядели вслед.

Вскоре она достигла того места, где спешился гонец — его легко было определить по взрытой копытами земле, там, где гонец на всем скаку осадил разогнавшегося рыжего. Натянула поводья, прыгнула с седла (ну да, подумал Сварог, она достаточно долго общалась с ратагайцами, чтобы узнать их обычаи), пошла прямо к ним, не особенно спеша, но и не медля. В точности такая, какой запомнилась Сварогу: темноглазая и светловолосая, совсем молодая красавица. И одежда та же: кафтан, отороченный незнакомым мехом, пятнистым, желто-черным, высокая шапка с такой же меховой оторочкой, с которой свисают на золотых цепочках затейливые подвески. На поясе из чеканных блях, похоже, серебряных — сабля с рукоятью из желтоватой кости, украшенной золотыми накладками и самоцветами и длинные узкие ножны столь же богато отделанного кинжала, разве что его рукоять выточена, такое впечатление, из янтаря. Над левым плечом — высокий сложный лук. На груди ожерелье из крупных неотшлифованных рубинов, браслеты и серьги в том же стиле. Сварог этих драгоценностей не помнил — скорее всего, не обратил внимания.

Она остановилась в шаге от ковра, смотрела словно бы выжидательно, словно не знала, как ее здесь встретят.

Гургата оказался на высоте: с непроницаемым лицом, будто они встречались что ни день, показал на ковер и произнес уже знакомую Сварогу фразу (означавшую здесь не только гостеприимство, но и расположение):

— Для странника всегда найдется место.

Он опустил слова «с чем бы странник ни пришел», которые на всякий случай добавляют, когда к ночному костру в степи подъезжает незнакомец (обычай требует допустить к костру и трапезе даже врагов, — а тот, в свою очередь, обязан принять гостеприимство и уехать,

ничем не выказав враждебности). Значит, врагом ее Гургата не считал — ну, резонно. Никаких враждебных поступков не следует ожидать от человека, оказавшегося в одиночестве посреди нескольких тысяч членов рода, — если рассуждать с сугубо практической точки зрения. Даже если у нежданного гостя есть какие-то неизвестные способности, обычному человеку не свойственные. В конце концов, здесь не менее двух десятков токамов, и Барзай выглядит совершенно спокойным...

Бади коротко поклонился:

— Благодарю за честь. Но я хотела бы прежде всего поговорить с королем... — и уставилась на Сварога красивыми карими глазищами.

Похоже, она чуточку волновалась.

— Его величество — полный хозяин здесь, — сказал Гургата столь же невозмутимо (но с непогасшим любопытством в глазах). — Все зависит от его желания. Я, скромный, не смею ни воспрепятствовать, ни советовать...

Сварог сел, поджав под себя ноги — черт, на этих коврах особенно не приосанишься... Спросил тем самым «милостивым королевским тоном», владение коим входило в круг его профессиональных обязанностей:

— Вы хотите мне что-то сказать, прекрасная всадница?

Далеко вокруг, на всем расстоянии, на котором их разговор могли слышать, воцарилось любопытное молчание — впрочем, распространившееся и гораздо дальше.

Расстегнув пояс с саблей и кинжалом, Бади повесила его на шею, защелкнула массивную пряжку в виде оскаленной головы зверя неизвестной породы. Сняла шапку и держала ее на отлете в левой руке, а правую приложила к сердцу. Звонко произнесла, словно чеканила неизвестную формулу — судя по лицам окружающих, неизвестную не только Сварогу, но и всем остальным:

— Отдаю себя под вашу могучую длань душой и телом, обещаю верность и преданность.

Больше всего это походило на вассальную присягу — их на Таларе, если прикинуть, не менее двух дюжин разновидностей. Понятное дело, Сварог понятия не имел, как должен звучать надлежащий «отзыв» в тех неведомых местах, откуда она пришла. А потому, не особенно и раздумывая, постарался ответить в тон:

— Принимая вас под свою длань, полагаюсь на верность и преданность.

Наверняка в ее мире правильный ответ звучал как-то иначе — но Бади, судя по ее лицу, была вполне удовлетворена и таким, вновь застегнула пояс с оружием на тонкой талии, надела шапку, словно бы облегченно расслабившись. Сказала, будто нащупывая путь в густом тумане:

— Ясный король, простите мне незнание здешнего этикета... Я могу переговорить с вами наедине?

Сварог пытливо смотрел на нее. Барзай оказался совершенно прав — она не просто человек, а е щ е ч т о т о. Некие непонятные ему способности — но не таившие ни зла, ни черной магии. Он посмотрел на Яну, несомненно, пустившую в ход все свои умения, — и Яна чуть заметно кивнула.

— В таком случае — прошу, — сказал Сварог, встав на ноги и указывая ей на стоявший совсем неподалеку шатер из золотой парчи — не такой уж большой, круглый, с невысокой конической крышей, увешанный по окружности выкрашенными в ярко-алый цвет конскими хвостами. Еще одна старая традиция. Порой случалось, во время такого вот пиршества приходило какое-то неожиданное известие, требовавшее срочного обсуждения, — и вожди уединялись в этом шатре.

Бади послушно шла рядом. Когда им оставалось несколько шагов, неизвестно откуда вынырнул телохранитель, проворно поднял полог и опустил его за ними. Внутри было довольно светло — два немаленьких полога подняты и свернуты в трубочку, открывая квадраты импровизированных окон. Судя по коврам с подушками, шатер был рассчитан человек на десять.

И не рассчитан на аскетов — поодаль располагался ковер, уставленный блюдами с разными яствами, не требовавшими подогрева, и высокими чеканными узкогорлыми кувшинами, заткнутыми осмоленными пробками.

— Присаживайтесь, — сказал Сварог.

— Вы разрешаете сидеть в вашем присутствии?

— Разрешаю, — кивнул Сварог.

Ну вот, можно сделать кое-какие первоначальные выводы: откуда бы она ни пришла, там есть короли, подобие вассальной присяги, строгий этикет, обязывающий почтительно держаться с коронованными особами. Как там обстоит с благородным дворянством, неизвестно, но судя по богатой конской сбруе, одежде, дорогому оружию и драгоценностям, Бади — девушка не из простых. Ну, все это — второстепенные детали, которыми сейчас не стоит интересоваться. Найдутся вещи поважнее...

— Хотите что-нибудь? — спросил Сварог, указывая на богатый дастархан — да уж, не были аскетами ратайские вожди. Как любые вожди, впрочем, как бы они ни звались...

— Я вольна отказаться?

— Конечно, — сказал Сварог.

Бади устроилась на ковре гораздо с большей сноровкой и непринужденностью, чем Сварог. Ну, понятно — как бы там ни обстояло на ее неведомой родине, она много времени провела здесь, сживала и на богатых коврах, и на дешевых кошмах, так что успела привыкнуть.

— Я совсем не хочу есть, — пояснила Бади осторожным тоном, словно все время нащупывала дорожку в неизвестной трясине. — Меня совсем недавно угощали пастухи недалеко отсюда...

«Интересно, а как же ты находишь пропитание в обычное время?» — с любопытством подумал Сварог. Судя по рассказам Барзая, к кострам, где обедают или ужинают, ты подъезжаешь далеко не каждый день и даже не каждую неделю. Бываешь в каких-то других мирах, где тебя тоже охотно угощают? Охотишься на неведомых дорожках?

— Если это не противоречит каким-то установлениям, я бы попросила вина...

— Ничуть не противоречит, — ответил Сварог.

Взял ближайший кувшин (можно выбирать наугад, вождам пиркет не подают), привычно, поддев лезвием кинжала, выдернул засмоленную пробку, наполнил две глубоких чаши пенистым черным вином. Приняв с поклоном чашу, Бади отпила отнюдь не воробьиный глоток, что Сварогу понравилось: раз пьет вино — значит, наш человек...

— Как я понимаю, вы принесли присягу мне служить? — спросил он.

— Да, — сказала Бади. — А вы, как я понимаю, ее приняли? Значит, вы можете обращаться ко мне на «ты», как и надлежит сюзерену.

— Обязательно учту, — кивнул Сварог.

Ну что же, кое в чем их этикет не отличается от здешнего. И это хорошо: глуповато как-то обращаться на «вы» к девушке, с которой пьешь вино.

Бади отпила еще и спросила чуточку напряженно:

— Я должна буду стать вашей наложницей?

— А как ты сама к этому относишься? — усмехнулся Сварог.

— Без всякого восторга, признаться, — ответила Бади. — Но ведь так полагается, когда девушка просит покровительства у короля... Ничего не поделаешь.

— Успокойся, — сказал Сварог, подумав мимоходом: похоже, ее родину феминизм затронул гораздо меньше, чем таларские королевства. — У нас порядки другие. Никто не имеет права принуждать девушку, если она не хочет. Особенно если она из благородных... а ты ведь из благородных, Бади?

— Да. Я младшая алетесса с правом на герб без наверхия... — она чуточку грустно улыбнулась. — Вернее, б ы л а. Кто я теперь, давно уже непонятно... — и допила вино с умиротворенным видом человека, после долгих странствий отыскавшего надежный приют.

Сварог тут же налил ей еще. Не столько из гостеприимства, сколько из практических соображений: чуть захмелевшую девушку расспрашивать легче. Она выпила, не чинясь.

— Значит, мне совсем необязательно быть наложницей? — спросила она и тут же, чуть смутившись, воскликнула: — Ой, простите! Нельзя сомневаться в словах короля...

— Вот и не сомневайся, — сказал Сварог. — Говорю же, у нас девушек не принуждают... Итак. Ты попросила моего покровительства, и я его дал. Но возникают неизбежные вопросы, согласись. Что-то это да должно означать, и просьба довольно неожиданная... Что это все значит? Должны быть какие-то поводы, и серьезные, я полагаю...

Открыто глядя ему в глаза, Бади сказала:

— Я решила уйти с Троп и жить здесь. Навсегда.

— Именно здесь? — спросил Сварог, сделав широкий жест рукой.

— Нет, — мотнула головой Бади. — Только не здесь. Коли уж вы великодушно приняли меня под покровительство, быть может, не будет чрезмерной наглостью попросить, чтобы вы забрали меня отсюда? Туда, где вы живете? — она раздумянулась — вино оказало должное действие, явно раскрепостив язычок. — Здесь хорошие люди, они ко мне относятся без малейшей вражды... но вы не представляете, как я соскучилась по городам. Я росла и жила в одном из самых больших и красивых городов Аркатана, пусть и не в столице. В такие места, как эти, ездила только охотиться, — в ее голосе звучала неподдельная тоска. — Я очень скучаю по городам. Но сколько бы ни ездила по Тропам, где бы ни побывала, не только не могу отыскать Аркатан, но и попасть в города — ни в ваши, ни в другие. Всегда либо степи, либо чащобы, а то и снежные пустыни... Мне рассказывали о ваших городах, и у меня сложилось впечатление, что они даже больше и красивее аркатанских. Мало того, у вас есть многие интересные

вещи, которых в Аркатане нет. Но мне ни разу не удавалось попасть в города, та проклятая старая ведьма оказалась права...

Последняя фраза Сварога крайне заинтересовала, но он решил не торопиться, не отвлекаться на все побочное. Спросил с неподдельным любопытством:

— А разве ты не могла уехать из здешних мест в города?

— В прежнем состоянии — нет, — сказала Бади. — Долго объяснять, я вам как-нибудь расскажу подробно, если пожелаете. А вот теперь — можно. Я ушла с Троп. И стала самым обычным человеком. Вот теперь я могу отправиться куда угодно — но никогда больше не вернусь на Тропы...

Сварогу не почудилось в ее голосе особенной грусти. Отметил: чем-то это похоже на тот загадочный механизм, что действовал в отношении наяд и дриад: став людьми, они обязательно что-то утрачивают и никогда уже не могут вернуться назад... Вот тут в роли консультанта, пожалуй, не помешала бы бабушка Каниллы...

— Жалеешь о Тропах? — спросил он прямо.

— Нет, — ответила Бади, почти не задумываясь. — Я давно уже поняла, что мне не найти Аркатан. И давно обнаружила другое: за те дни, что я провожу на Тропах, в других мирах проходят долгие десятилетия, а то и столетия. Если и в Аркатане обстоит так же... Вернувшись в Антупай, я могу обнаружить, что и там прошли века. Что изменилось все — люди, города, жизнь, и меня не помнят и мои правнуки... — она грустно улыбнулась: — Ну, это я фигурально. У меня не может быть правнуков, потому что не было детей, я не успела выйти замуж... В общем, и Аркатан мне покажется совершенно чужим и незнакомым миром. Иногда, когда было особенно грустно и тоскливо, мне приходило в голову, что однажды я все же нашла Аркатан, но он так изменился за века, что я его попросту не узнала... вот я и решила о с т а н о в и т ь с я. Как вы думаете, я смогу у вас

жить обычной жизнью? Я знаю, у вас воюют. А я знаю военное дело, воевала два раза. Или у вас девушек не пускают на войну?

— Еще как пускают, — сказал Сварог. — Тебе что, нравится воевать?

— Не особенно. Но у отца не было сыновей, и на войну пришлось идти мне. Потом говорили, что я хорошо себя показала, но душа у меня к войне не лежит.

— Ничего, — сказал Сварог. — Придумаем тебе занятие.

Хотя... Совсем не обязательно придумывать ей какое-то з а н я т и е, подыскивать профессию — разве сама чем-нибудь особенно увлечется. Пойти по избитому пути. Любой земной король имеет право сделать хоть герцогом хоть свинопаса. А она к тому же дворянка — и не похоже, чтобы уклад жизни у нас и в ее загадочном Аркатане так уж отличался. Читает же Яна о трех мушкетерах и капитане Бладе, и ей почти все понятно. Выправить дворянскую грамоту, а то и титул дать, в департаменте дворцовых имуществ всегда найдется какое-нибудь выморочное именье, не богатое и не убогое. А там — Ассамблея Боярышника. Канилла будет только рада новой подопечной, особенно такой экзотической, как Бади Магадаль, опекать возьмется со всем усердием. В общем, не пропадет бывшая Заблудившаяся Всадница, удастся е е в с т р о и т ь в нашу жизнь без особых хлопот для нее и без всяких хлопот для нас. Да и ученым книжникам польза — тот же мэтр Анрах, верный старый сподвижник, Тропами страшно интересуется, да и другие тоже, но нет у них никакой конкретики. Ясно уже, что Тропы — это нечто вроде Древних Дорог, тропинки меж мирами, но о Тропах известно гораздо меньше, чем о Древних Дорогах.

Есть еще кое-что, что следует прояснить незамедлительно — Сварог не расслаблялся и о кое-каких своих умениях все это время не забывал...

— Послушай, Бади... — сказал он мягко, но непреклонно. — Давай с самого начала кое-что обговорим, уточним, установим... Нам еще долго жить вместе —

в хорошем смысле слова. А потому надо тебе заранее знать о некоторых моих привычках и ухватках. Поскольку тебе, скорее всего, быть в моем ближайшем окружении — по крайней мере, пока в жизни у тебя не появится какая-то определенность...

— Я вам благодарна... Конечно, хотелось бы побольше знать о вашем... норове. Когда находишься возле короля, это необходимо...

— Ну так вот, — сказал Сварог. — Чего я терпеть не могу — когда люди, оказавшиеся в некоем незримом круге, очерченном вокруг моей скромной персоны, что-то от меня утаивают. За исключением личной жизни, понятно, я в такие вещи не вмешиваюсь. Знаешь, у меня есть умение безошибочно определять, когда мне говорят правду, а когда лгут...

— Я вам пока что ни в чем не солгала! — воскликнула Бади.

— Верю, — сказал Сварог. — Потому что так и обстоит. Но ты у м о л ч а л а о чем-то, касающемся твоего ухода с Троп. Не все сказала. Было и еще что-то. Ведь так?

Бади на миг опустила бархатные ресницы, но тут же смело взглянула ему в лицо:

— Так. Была еще одна причина, может быть, самая серьезная. Чудища. На Тропах и раньше попадались всякие чудища, но очень редко. И мне всякий раз удавалось с ними справиться. А в последнее время прямо-таки н а х л ы н у л и новые. Прежде невиданные, и, что похуже, чуть ли не все для меня смертельно опасные. Ни с кем из них не удалось бы разделаться. Вот я и... ушла.

— Вот теперь говоришь чистую правду, — сказал Сварог. И кое-что для себя прикинул. — Ты предпочла словечко «ушла», а не «сбежала». Хотя уместнее всего, прости за откровенность, было бы «сбежала». И я, кажется, догадываюсь, почему. Ты привыкла считать себя непобедимой воительницей, хозяйкой Троп, а оказалось...

Бади строптиво сверкнула глазами:

— Как у вас все просто! — и продолжала тоном ниже, с некоторым смирением, которое ей давалось явно нелегко. — Простите, ваше величество... Мне никогда не приходилось общаться с королями, я не вполне представляю, как надо держаться. Меня однажды собирались представить ко двору, но я оттягивала под любыми предложениями...

— Почему? — серьезно спросил Сварог.

Не опуская глаз, Бади ответила:

— Потому что заранее прознала, что очень быстро стану королевской наложницей. А это меня категорически не привлекало, — вино все же действовало, старое, выдержанное, и в ее взгляде появилась некая хмельная лукавинка. — Если откровенно, ваше величество, я никогда не была недотрогой. У нас к этому относились довольно спокойно, если только девушки не вели себя вызывающе и держали все в тайне. У меня были... истории. И здесь тоже, не стану скрывать, все равно вы узнаете, я давно слышала, что обо мне порой сплетничают. Кто-то не удержал язык за зубами... В общем, я не лилейная роза. Но король... Если бы вы его видели... Чудовищно жирный, изрядно потасканный разгульной жизнью... И отказать королю было бы нельзя. Словом, я тянула, насколько удавалось, а потом случилось... э т о. И я угодила на Тропы.

Она говорила охотно, с изрядной откровенностью — но все же по-прежнему умалчивала о чем-то. Сварог решил не напирать: за этой скрытностью не таилось ничего опасного для окружающих и уж тем более ч е р н о г о, так что можно было и подождать. У нее совсем скоро появятся закадычные подруги, которые сумеют ее разговорить — и не только из обычного девичьего любопытства...

— Ну да, можно сказать, что я сбежала, — сказала Бади грустно. — А можно сказать, что — отступила. Ваше величество... Коли уж, как вы сами сказали, собираетесь взять меня в ближний круг, мне нужно знать

заранее, как с вами держаться. О вас мне много рассказывали здесь... правда, когда мы встретились тогда на Тропах, я не знала, что вы — это вы. Такого умения у меня нет... О вас говорят, что вы строги, но справедливы и ничуть не спесивы...

— Ну, как бы я себя охарактеризовал... — задумчиво протянул Сварог. — Я иногда сатрап, что греха таить, но вот самодуром, смею думать, никогда не был. И уж чего терпеть не могу — когда лстыивые придворные хо-луи обоого пола взвешивают каждое словечко, пытаются угадать, как сказать только то, что мне придется по вкусу. Это две разных категории людей — придворные и ближний круг. Вот люди из ближнего округа как раз разговаривают со мной довольно откровенно — конечно, с глазу на глаз, нужно же соблюдать некий этикет. Ну как, я более-менее объяснил?

— Да, я немножко понимаю... значит, с глазу на глаз вы не обижаетесь на откровенность? Вот честно вам скажу: я гордая и строптивая, я и в прежней жизни была такой, а уж после того, как столько времени провела на Тропах...

— Ничего страшного, Бади, — ухмыльнулся Сварог. — Мне как раз нравятся гордые и строптивные девушки — в хорошем смысле слова. В первую очередь из-за того, что они не лстыят и не заискивают. И предавать не умеют.

— Вы меня обнадежили, ваше величество... Позвольте в таком случае и мне чуточку побыть откровенной? О, не выходя за рамки... У вас немало сильных умений, я вижу, хотя и не всегда могу некоторые понять. У меня тоже есть с в о и умения. Пусть слабее, чем ваши. И я вижу: вы оказываете мне милости не вовсе уж бескорыстно. Что-то вам от меня нужно. Я, понятно, не о постели, я уже поняла, что вы не лгали насчет того, что наложницы вам не нужны... Здесь что-то другое. Чего-то вы все же хотите. О, будьте уверены! — она подняла узкую ладонь. — Это у меня не вызывает ни неприятия, ни малейшего осуждения, я все понимаю.

Невероятно редко король кому-то благодетельствует с о в е р ш е н н о бескорыстно. Не потому, что он корыстный по характеру, а потому что он — король. И обязан во всем искать выгоды, отнюдь не для себя лично...

Умница, подумал Сварог. Приживется она у меня, точно.

— Позвольте тогда уж прямо спросить: чего вы от меня хотите? Я даже в некоторой растерянности: коли уж речь не идет о постели, и не представляю, чем я для вас интересна...

Не было смысла кривить душой.

— Это просто, — сказал Сварог. — Видишь ли, з д е с ь ничего не знают о Тропах. Мои ученые книжники ими очень интересуются, да и мне не мешало бы знать — как-никак из м о е г о королевства можно попадать на Тропы. В общем, могла бы ты мне сделать небольшое одолжение: написать подробно все, что знаешь о Тропах, о своих... странствиях? Я так прикидываю, это заняло бы от силы неделю. И после этого ты была бы свободна от всех и всяческих одолжений. Или... Или есть какие-то запреты, и тебе нельзя ничего рассказывать?

— Нет никаких запретов, — сказала Бади. — Потому что у Троп нет х о з я и н а, который мог бы запреты накладывать. Просто... — она чуть смущенно отвела взгляд. — Просто я не умею писать. Совсем. Читаю попечатному, по-рукописному, если написано разборчиво, умею считать, а вот писать... Могу поставить свое имя, и все. Понимаете, у нас девушек этому не принято учить, даже самых благородных, исключение — только для королевской фамилии. Меня бы читать и считать тоже не учили бы, но у отца не было наследника-сына. Но даже в таких случаях писать девушку не учат, считается, ей это ни к чему — у благородных всегда есть секретари и писцы, а простолюдинкам попросту не полагается...

— Ну, никаких проблем, — сказал Сварог. — Писцов у меня достаточно, иногда бездельем маются... Что, если я к тебе приставлю парочку, из тех, что владеют

скорописью. Это такое умение, ты наверняка не знаешь, с помощью одного-двух значков записать слово, иногда длинное.

— Нет, у нас ничего подобного не было...

— Ну как, согласна?

— Конечно, — безмятежно сказала Бади, с некоторым намеком поглядывая на кувшин. Сварог наполнил ее чашу, и себя, любимого, не забыл.

— Можно еще один откровенный вопрос? Если я буду в вашем ближнем кругу, ваша супруга не станет ко мне ревновать? Не хотелось бы сталкиваться с ревностью королевы, в особенности если для нее нет никаких причин...

— Не станет, — заверил Сварог. — Попросту нет необходимости. У нее тоже есть... свои умения. Ну, вроде бы все обговорили? Пойдем к столу... тьфу ты, черт, к коврику? Коли ты, так сказать, персона, официально признанная приближенной к королю...

— Простите, ваше величество, а когда вы отсюда уезжаете?

— Завтра к полудню.

— Можно, я все это время посижу у вас в шатре... ну, конечно, не у вас, а в том, что вам благоугодно будет мне отвести?

— А причины? — не без любопытства спросил Сварог.

— Как вам объяснить... Я не люблю многолюдства. Почему-то не люблю, и все. Никаких страхов, мне просто... ну, словно бы очень неуютно.

— Интересно, как же ты тогда собираешься жить у меня в столице, — чуть озабоченно спросил Сварог. — Там, знаешь ли, многолюдно...

— Но это будет г о р о д с к о е многолюдье, — уверенно сказала Бади. — Не могу объяснить, но это совсем другое...

— Как хочешь, — сказал Сварог. — Вот это — не мой шатер, но я попрошу, чтобы тебе быстренько подыскали подходящий и позаботились, чтобы ты была не

голодна. Надеюсь, проедешь до него пару-тройку лиг без внутренних терзаний? Мой лагерь здесь недалеко, и не такой уж он многочисленный, я сюда не брал никакой свиты и прочих дармоедов.

— Конечно, доеду, — повеселев, кивнула Бади. — Нет никаких страхов, мне просто неудобно в здешнем многолюдстве, вот и все...

— Ну, тогда отдыхай, — сказал Сварог. — Я сейчас распоряжусь.

Он вышел, отдал парочку приказаний тут же подскочившему Баруте и направился к своему месту за ковром. Едва он вновь устроился в позе «вольготно полулежа», Гургата поинтересовался, тщательно пряча эмоции:

— Государь, уж не означает ли все это, что она собирается остаться в нашем мире?

— Именно так, славный тилерн, — сказал Сварог.

— И вы забираете ее к себе?

— Вы хотели бы, чтобы она осталась у вас? — небрежно спросил Сварог.

— Наоборот, — сказал тилерн с промелькнувшим в глазах облегчением. — Возникли бы некоторые... сложности. К ней всегда относились хорошо... но раньше она появлялась очень редко и бывала в нашем мире недолго. А вот останься она у нас навсегда... Обязательно возникли бы некоторые сложности. Она не таит никакой угрозы, но она — н е п о н я т н а я. А непонятного люди нигде не любят. Ее непременно нужно было бы принять в один из родов, потому что определять в «степные бродяги» вроде бы не за что... Но мне думается, многие не согласились бы. Из-за той самой ее непонятности.

— Никаких сложностей, тилерн, — сказал Сварог. — Я ее забираю в Латерану, так что не будет у вас никакой головной боли...

Яна оглянулась на шатер из золотой парчи с неприкрытым любопытством. Тем самым, извечным женским. Наверняка ей хотелось подольше пообщаться со столь загадочной особой, но приходилось соблюдать этикет, оставаться за ковром.

...Уже смеркалось, и костер пылал ярко. Рядом с ним горели крупные, раскаленные угли, под которыми запекались в глине утки. С точки зрения Сварога, это и была самая приятная часть утиной охоты — дожидаться, когда поспеет дичь. Ну не любил он охотиться на все летающее, что поделаться...

Зато Яна, по лицу видно, полулежала у костра в самом прекрасном расположении духа. Чуть поодаль расположились Барута и пятеро его людей. Изредка доносилось тихое пофыркивание — кони паслись совсем неподалеку, в небе уже затеплились первые звезды, и далеко простиралась покойная степная тишина, пахнувшая разными травами, разве что на озере, в полулуге, иногда слышались голоса припозднившихся уток.

И никакого многолюдства, столь неприятного Бади. Это на волков или степных антилоп, диких быков охотятся большими кавалькадами, часто с немаленькими сворами гончаков. А на уток ходят такими вот маленькими группами. Объявись здесь многолюдная охота, утки быстро переполошились бы и подались всем скопом переждать опасное время где-нибудь подальше.

Сварог без всяких мыслей смотрел на пляшущее пламя. К его превеликой радости, охота осталась позади. До сих пор по всему Талару на уток и прочих птиц охотились с луками и стрелами, молчаливо осуждая тех косоруких лентяев, что пользовались ружьями. Это Яна из лука стреляла великолепно, так что ее богатую добычу собирали оба егеря и все четыре собаки, приученные вплавь доставать подбитых уток из воды. Сварог из лука попал бы в лучшем случае в мамонта уардов этак с пятнадцати, не дальше. А в две минуты обзавестись должным умением посредством магии ларов он и не подумал: среди охотников Империи такое считалось неспортивным. Так что он, порой ругаясь под нос, несколько часов бродил по отведенному ему немаленькому участку берега, иногда по колено в воде забираясь в камыши — чтобы было хоть какое-то разнообразие. Пару раз подворачивался случай даже с его неумением

подстрелить все же дичину — очень уж близко оказались утки. Но они плавали в камышах, а бить птицу на воде считалось опять-таки неспортивно — только влет. И от егеря, и от собаки он отказался, небрежным тоном пояснив Баруте, что магией подтянет к берегу подбитую утку почище собаки. Барута посмотрел с уважением и не спорил.

Зато в той стороне, куда пошла Яна, то и дело слышалось отчаянное хлопанье крыльев, шум падения в воду сбитой на лету утки, азартный визг собак, всплески, когда они без команды кидались в воду. Королева Хелльстада азартно радовалась жизни — вот и прекрасно, давненько не охотилась, а забаву эту очень любит. Да к тому же последнее время выглядит чуточку осунувшейся, словно усталой — хотя не было никаких серьезных дел и забот, даже мелких...

В конце концов от скуки, ближе к вечеру, Сварог расстрелял весь колчан по ближайшим камышинам — и даже один раз ухитрился попасть в коричневую шишку — точности ради, располагавшуюся от него уярдах в пяти. Единственный его успех на охоте. Душа прямо-таки возликовала, когда с наступлением сумерек раздался звук охотничьего рога, трубившего охотникам сбор. Будь он не коронованной особой, наверняка был бы встречен шутливыми насмешками, когда вернулся с пустыми руками, но с его величеством, конечно, никто не смел так поступить, все притворились, будто так и надо, разве что Яна не удержалась от быстрого смешливого взгляда. Вспомнив классику, Сварог решил, что непременно ее накажет. Нынче же ночью.

Как и остальные, он уже несколько раз с нетерпением поглядывал на широкий круг рдеющих углей, уже превратившихся в темные комочки с прозрачно-розовой сердцевинкой. Яна — самая здесь опытная в утиной охоте, следует признать, — этим не ограничилась: два раза с нескрываемым намеком поглядывала на самого Баруту. Тот оставался невозмутим, притворяясь, будто ничего не замечает вокруг, покуливает

себе гнутую трубочку в серебре, глядя в пламя. Здесь не было ничего от пресловутого ратагайского мужского превосходства — скорее уж от кулинарного. Барута с большими на то основаниями считал себя искусным мастером в приготовлении всевозможной охотничьей добычи всеми известными способами — и не любил, когда его торопили, а уж советов не стерпел бы ни от кого на свете.

Так что приятное нетерпение затягивалось. Все было готово — кожаные походные тарелки, бурдючки с вином, мешок со свежесвеженным хлебом и мешок с пучками разнообразной зелени (среди которой Сварог в свое время с самыми разными смешанными чувствами обнаружил черемшу, в точности такую, как на Земле, — оказалось, ее и в Ратагайской Пуште знатоки хороших мест собирали мешками. С тех пор она прочно прописалась на дворцовой кухне Латеранского дворца). Хорошо еще, что от покоившихся под углями в толстом слое глины утиных тушек не исходило ни малейшего запаха, иначе еще труднее было бы дожидаться, когда глина треснет под ударом обушка заседельного топорика.

Совсем рядом шумно всхрапнула лошадь, и Сварог невольно отпрянул в сторону костра. На него надвинулась высокая темная тень, но не наступила, конечно, осталась совсем рядом. Кони — и заводной, нагруженный добычей Яны — сбились в тесную кучку, вздрагивая всем телом, так и теснясь поближе к людям, порой ржали жалобно и тоненько, как жеребята, очень испуганные жеребята...

Собаки вели себя еще беспокойнее — бросились к людям, жались, лезли на колени, прятали морды под лапами расстегнутых кожаных камзолов, поскуливая так, что, казалось, плачут, скребли землю задними лапами, напирая. Яна вскочила на ноги — еще немного, и не особенно крупная собака ее опрокинула бы наземь, так напирала...

Яна и вскрикнула первой:

— Это еще что такое?

Все поднялись, глядя в ту сторону, — справа, на равнине, словно плыло над самой травой облачко бледного, тусклого света, приближавшееся со скоростью идущей неспешной рысью лошади. Оно было довольно близко, двигалось по прямой, проходившей не так уж далеко от костра, словно бы рассыпаясь на части самой разной формы...

Один из егерей вдруг вскрикнул и, прижимая к лицу шапку с меховой оторочкой, упал ничком, словно стараясь вжаться в землю, исчезнуть. Точно так же рухнули наземь и двое других.

Барута, вмиг выхватив из ножен саблю, сделал шаг вперед, заслоняя Сварога с Яной — и так же, чуть запоздав, поступили оба его племянника. В их позах была упрямая готовность драться насмерть, но Сварог отчетливо видел, что клинки чуть-чуть подрагивают — ну конечно не сами по себе, чуточку дрожат держащие их руки...

Потом он увидел все четко. Жуткая кавалькада той же неспешной рысцой двигалась мимо них уярдах в ста.

Впереди клином летели птицы — вернее, скелеты больших птиц, почему-то показавшихся филинами. Ажурные крылья, белоснежные кости, неизвестно как скрепленные меж собой, взмахивали размеренно, в пустых глазницах неярко горели красные огни. Бесшумный полет существ, знающих свою цель. Непонятно было, откуда исходит свет, никак нельзя сказать, что филины светились изнутри, — но были прекрасно видны в ночи и на таком расстоянии.

Как и размеренно выбрасывавший ноги шедший иноходью скелет громадного высокого коня — оскаленный череп, тусклые алые огоньки в глазницах... на нем сидел, сидело...

Сидело непонятное существо, все в черной спутанной шерсти — кривые конечности, нижние с ловкостью опытного наездника сжимают конские ребра, верхние, согнутые в локтях, располагаются так, словно держат невидимые поводья, мешкообразное туловище, голова

бугром, над которой торчат высокие косматые уши, лица — морды! — не рассмотреть, только светятся алым глаза-плошки...

Следом на конских скелетах пониже такие же, косматые и корявые, разве что пощуплее. А вокруг — темного окраса волки с человеческими головами, вернее, их карикатурным подобием: слишком острые уши, рты больше напоминают клювы, зубы похожи скорее на клыки, кривые и желтые. Чуть опомнившись, стряхнув некое оцепенение, Сварог попытался понять, что он видит. Никакого стрельчатого ореола острых черных лучей, иногда безошибочно указывающего на нечисть соответствующего цвета. Но это было Зло. Причем Зло не призрачное, а принадлежавшее реальности. Вот и все, что сказали ему должные умения...

Все эти создания двигались почти бесшумно, но кое-какие звуки все же долетали — легонькое поскрипывание трущихся друг о друга костей, негромкий стук копыт по земле, мягкое шлепанье волчьих лап. Никто из них не повернул голову в сторону замерших у костра людей, ничем не дал понять, что видит — или чувствует — их присутствие. Жуткая кавалькада на рысях проплывала мимо, равнодушная ко всему окружающему, от них веяло не только злом, но и неким безграничным презрением ко всему живому, напоминавшим дурной запах...

Сварог, как замороженный, медленно поворачивал голову, неотрывно глядя вслед. Бледный свет давно растаял вдали, а он все смотрел, не в силах очнуться от неизвестного наваждения. На спине угнездился неприятный холодок, ноздрями он все еще вбирал густой запах презрения, превосходившего силой все обычные человеческие чувства, рука, оказалось, намертво стиснула эфес меча...

Опомнился наконец. Оглянулся. Яна стояла ближе всех к нему, тоже глядя в ту сторону, куда неспешно удалилась жуткая кавалькада — но оцепенелой не казалась ничуть, и ее волосы (на охоте, вдали от многолюдства

и этикета, она с удовольствием распускала косы, которые вообще-то не особенно любила) словно бы трепал легкий ветерок — хотя вокруг стояло полное безветрие.

Барута тоже словно бы освободился от наваждения. Бросил саблю в ножны (что, отметил Сварог, удалось только со второй попытки, первый раз ратагаец не попал концом клинка в ножны и едва не поранил левую руку). Вытащил из кармана мешочек наподобие кисета, распустил завязки и, прищептывая что-то, высыпал горсть содержимого в высокое, спокойное пламя костра. Резко запахло горелыми травами и паленой шерстью, наверняка волчьей, входившей в состав многих здешних зелий-оберегов. Сварог не видел особого страха на его лице — но вот нешуточная озабоченность...

— Что? — спросил он, глядя на Яну.

Она сделала гримаску без всякой тревоги на лице:

— Очень древнее Зло. Похоже, из того, что водилось до начала времен. Там и сям до сих пор попадаетеся, пусть и редко...

Сварог и это давно знал. «До начала времен» означало — до того времени, как на Таларе появились с Сильваны люди, невообразимо далекие предки и ларов, и жителей земли.

— Я бы с ним справилась, — сказала Яна уверенно. — Конечно, не без труда, но все равно было бы легче, чем с той тварью из Саваджо...

Барута, пряча в карман мешочек, угрюмо сказал:

— Простите на дерзком слове, государыня, не вы одна, кто может с ним справиться, хоть людей таких во все не несметно...

— Барлай? — спросил Сварог, вспомнив кое-какие описания из рассказов самих ратагайцев.

— Барлай, чтоб ему во сне волка увидеть. Давненько не показывался, тварь корявая...

Лицо его было прямо-таки горестным. Барлай, Сварог помнил, несмотря на жуткий вид его кавалькады, был все же нечистью м е л к о й. И вредил по мелочам, скорее уж — пакостил. Уманивал ночной порой неосто-

рожно вышедших из шатров, несмотря на все запреты, детей, пропадавших потом бесследно, насылал мор на жеребят, «уводил в землю» водопойные ручьи, одним словом, был чем-то вроде вредного типа с коммунальной кухни, втихомолку подбрасывавшего соседям в суп дохлых мышей и прочий мусор. Имелось несколько надежных заклинаний и снадобий, способных его отогнать — заклинаниями владели немногие, а вот снадобья имелись чуть ли не у всех степняков.

Вот только, опять-таки по идущему из глубины веков убеждению, появление Барлая не в одиночку, а в окружении всей своей свиты означало предвестие беды. Б о л ь ш о й б е д ы. Как всегда и бывает, никто не вел научной статистики, но у б е ж д е н и е держалось исстари...

Словно прочитав его мысли, Барута тяжело вздохнул:

— Беда идет. Б о л ь ш а я беда. Хуже всего, что он молчал, и его прислужнички тоже. Лучше уж хохотали бы. Хохот, говорят те, кто слышал, мерзопакостный, словно кошке под хвост перец запихали — простите, государыня, на хамском слове, — но когда он молчит, это и значит, что идет большая беда... — моментально вдруг преобразившись, он подскочил к лежавшим ничком егерям, пнул ближайшего и яростно закричал: — Встать, бабы! Вы мужчины или нет? У вас на поясе сабли или веретена бабские?

Егеря зашевелились и стали неторопливо подниматься, отворачивая лица от разъяренного старшего. Сварог явственно слышал, как один пробормотал:

— Толку-то от сабли, если Барлай, да еще со свитой...

— Поговори еще! — рявкнул Барута. — Вещи соберите, живо! Скачем отсюда так, словно волки со всего света за нами гонятся! — повернулся к Сварогу с Яной, резко сменил тон. — Простите великодушно, что я так раскомандовался. Только никак не годится оставаться там, где Барлай проехал. Большого несчастья не будет, а мелкие могут нацепляться, как на пса в репейных зарослях... Оно никому не надо...

— Конечно, — сказал Сварог. — Тут уж тебе виднее. Он и сам не остался бы, кусок в горло не полез бы после этого зрелища и все еще, казалось, витавшего в воздухе липкого запаха презрения. Плунуть бы и растереть это презрение, возникшее явно из лишней спеси мохнатого чудища, не ощущайся оно явственно обонянием, как дурной запах...

Барута, обернувшись к своим, вновь рывкнул:

— И угли разгребите, достаньте уток! В мешок и к седлу! Я бы и свою охотничью добычу этому корявому не оставил... Пусть не думает, будто всех до смерти перепугал!

— А что, если его выследить и прикончить? — спросила Яна. — Я бы смогла.

— Кто ж сомневается, — ответил Барута хмуро. — Много чего вы можете, я уж убедился. Только, по моему скромному разумению, не след бы вам ручки пачкать. Не ваше это дело — по степи за нечистью гоняться. Изведи его — Бабка-Хихикалка останется, Черный Сусел — да мало ли погани? А главное-то что? — сказал он, уставясь себе под ноги. — Догони вы его и пусти клочками по степи со всей его сворой — грядущую беду это не отведет. Показался же... Он же не сам большие беды насылает, мелок для такого, он предвещает. Так-то бы, исходи беды от него, давно бы кто-нибудь прикончил, шаманов вот взять... Как в давние времена Перека-ти-Крыса прикончили, когда точно стало ясно, что беды он именно что насылает... Прикажете в седла?..

Не особенно и раздумывая, Сварог кивнул:

— В седла!

...Жизнью ратагайского шамана во многом руководит свод неписанных правил, берущих начало, как о самых разных вещах принято говорить, «с начала времен». Шаман не имеет права не то что владеть, а и прикасаться к золоту, серебру и самоцветам. Не обязан ходить в рубище, жить в нищете и питаться сухой корочкой — но и богатства ему не полагается, скота следует иметь ровно столько, сколько нужно для нормального пропитания

(конкретных запретов на еду и питье нет, но умеренность соблюдать следует). Аскетизм, в чем-то подобный монашескому, особенно братии из «нищенствующих» орденов. С одним существенным отличием — шаману дозволено и семью заводить, и род продолжать. Способностей своих он лишится (говорят разное, одни — что всех, другие — что большей части, самих шаманов расспрашивать на этот счет никто пока не осмелился), если будет неписанные правила не соблюдать. Тут опять разнбой: некоторые считают, что — сразу и бесповоротно, другие — что бывают сначала предупреждения.

В общем, Сварог, все это давно знавший, нисколько не удивился, придя к шатру Барзая — скромному, едва ли не дерюгой крытому, хоть и стоявшему неподалеку от роскошных, огромных и богатых шатров тилерна, вождей и знати.

Костерок весело горел под старинным чугунным котелком-треножником на высоких затейливых подставках, но вода для чая еще не вскипела. Опустившись на кошму по другую сторону треножника, Сварог, хотя и постарался не показать виду, удивился не на шутку: Барзай за то недолгое время, что они не виделись, изрядно изменился, и не к лучшему. Вчера он ничуть не выглядел изможденным — а сейчас исхудал так, словно голодал пару недель на необитаемом острове: кафтан висел на нем мешком, кожа на лице обтягивала кости, державшие мешочек с чаем пальцы казались иссохшими птичьими лапами. Но выглядел он бодрым, движения — энергичными, как встарь.

Вода закипала, и Сварог помалкивал — во время столь важного дела, как приготовление чая, говорить не полагается, ни о важных и серьезных вещах, ни тем более о пустяках. Терпеливо дождался, когда вода вскипела, заклокотала пузырями. Барзай горстью высыпал чай, водя ладонью по кругу, приговаривая под нос что-то необходимое, накрыл котелок литой чугунной крышкой, словно бы фыркнул на огонь — и костер погас так, словно на него выплеснули ведро воды.

— Ну вот, скоро будет добрый чай, — сказал Барзай. — Я слышал, удачная была охота?

Сварог кивнул:

— Я лучник никудышный, так что попросту бродил у озера. Жене очень понравилось.

— Чем бы молодежь ни тешилась... — философски сказал Барзай. — И слышал я еще, Барлая видели, погань степную? Давненько не объявлялся, с последнего раза годы прошли...

— А знает кто-нибудь, что за беду он на этот раз сулит? — спросил Сварог тихо.

Шаман мотнул головой:

— Никто никогда не знал, так уж с начала времен повелось. Одно можно сказать: беда б у д е т. И вовсе не обязательно, что она коснется Пушты. Тут бывает по-всякому: иногда Барлай беду сулит тому месту, где показывается, а иногда — тем, кто его видел. Это все знают. Ты бы поберегся. И жене поберечься посоветуй.

— К а к? — спросил Сварог.

— А вот этого никто не знает. Не зная беды, не знаешь, как и уберечься. С оглядкой живи. Будь ты ратагайцем, я бы сказал: поводья держи крепко, не расслабляй рук. А так... Ногу ставь осторожно, никуда не спеши очертя голову, на рожон не лезь. Туманно сказано, я понимаю, но иначе не получается, не посетуй... Иногда видится, как на ладони, а иногда в тумане бредешь, сам толком не понимаешь, что и видишь. Ага, доспело... — он снял крышку с котелка, поварешкой на короткой ручке наполнил глубокие деревянные чашки и подал одну Сварогу. Усмехнулся: — Что смотришь? Плохо выгляжу, да, тут уж никуда не денешься...

— Что-то неладно? — тихо спросил Сварог.

— Да не волнуйся ты, — рассмеялся шаман без тени наигрыша. — Все ладно, не бери в голову. Это не беда, а, как учено выражается твоя женушка-красавица, последствия. Пришлось не только со многими п о в и д а т ь с я, но и т е н и двух могучих

шаманов вызвать, порасспросить. А такое даром не проходит. В п и в а е т силы, и душевные, и телесные. Тут главное — вовремя перестать, не переусердствовать. С иными молодыми случалось: горячие были, не хватило ума вовремя остановиться — вот и находили потом в степи у семи костров скелет, обтянутый кожей, покинутый жизнью... Мы, старики, осторожнее, ч е р т у видим. Ничего, завтра провожу тебя — и п о п р а в л ю с ь. Уеду на пару дней подальше в степь, зарежут мне молодые двух баранов, буду варить и есть, пока все не съем, кости не высосу, травяные настои буду пить на воде из семи ключей. Вернусь, каким был. Так что не беспокойся ты за меня, мой конь еще много подков износит...

Сварог облегченно вздохнул про себя. Ведь это ради н е г о старый шаман старался, шел на какие-то нешуточные испытания. Случись с ним что, долго корил бы себя. Хорошо, что все обошлось...

Барзай заговорил веско, деловито:

— Т е н и пришлось вызывать для расспросов, потому что очень уж давно Белая Волчица не появлялась. О том, что долго не дает о себе знать, иногда понемногу забываешь и живешь, не принимая в расчет. Понимаешь?

— Прекрасно понимаю, — кивнул Сварог.

Еще бы ему не понимать... Сам совсем недавно остался в живых едва ли не чудом, прошел на шаг от смерти оттого, что как раз понемногу забыл о том, что давненько не давало о себе знать...

— Белая Волчица — несомненное Зло, — продолжал Барзай. — Никогда она не сделала ничего доброго с тех пор, как ее помнят, а помнят ее с начала времен. Вот только чем дальше, тем реже появлялась, пока не сгинула совсем. Думали — навсегда, оказалось — нет. По-разному случается: иногда что-то пропадает навсегда, иногда только думают так, а оно вдруг возвращается. Насмотрелся я в жизни и того, и другого. Тебе случалось?

— Случалось, — сказал Сварог. — А что она творила?

— Нельзя сказать, чтобы много всякого-разнообразного, — сказал шаман. — Любила сбивать одиноких путников с дороги в полносемелие, напускать на табуны волчьи стаи, посылать волков уносить малых детей, да много чего она волков заставляла проделывать. С незапамятных времен считается, что она и есть Царица Волков. Всех. И обычных зверей, и волков-оборотней. Известно, что и сама порой оборачивалась человеком. Прекрасной девушкой, не отличить от человека, только глаза оставались волчьего цвета... хотя иные считают, не всегда. Вот только те, кто видел, какого цвета у нее глаза в облике девушки, никому уже ничего не могли рассказать... — он жестко усмехнулся: — Многие сходятся на том, что иные привычки у нее все же ничем от людских не отличаются. Были случаи, когда заморачивала и уводила за собой в степь мужчин покрасивее и помоложе. И никто живым не возвращался. Считают, было и похуже — в волчьем облике уводила девушек извращенной забавы ради. Они тоже не возвращались. И всякий раз, когда находили тела — а обычно находили, — сразу было ясно, что тут постарался не обычный волк. Всегда горло было особым образом перервано, и ни следа других укусов — а ведь когда человека задерет обычный волк, это всякий раз бывает по-разному, по-своему. И тела тех, кого она уводила, ни один другой зверь уже не трогал — хотя с покойниками, оказавшимися в звериных местах, получается совершенно иначе. Словно она з н а к оставляла, чтобы не было сомнений, кто постарался. И запрет какой-то накладывала, не только для волков обязательный, но и для степных крыс и прочих падальщиков.

— А есть против нее какие-нибудь... с р е д с т в а? — спросил Сварог.

— Нет, — сказал шаман уверенно. — Ни заклинаний, ни зелий. Потому-то ее и боялись испокон веков гораздо больше любой другой степной нечисти. Хорошо, что появлялась она редко. П р и с т а н ь она к людям, как репей к собачьему хвосту, могла бы, чего доброго, и вовсе

род людской истребить. Некоторые так считали, и не самые глупые люди, немало знавшие. Только она то ли не может постоянно обитать в нашем мире, то ли нет у нее такого намерения — истребить человеческий род под корень. Приезжал тут ко мне один городской книжник — наш, ратагайский. Говорили о многом, и он однажды подумал вслух: а что, если наш мир для нее — как заповедные королевские леса, где владыки охотятся? Короли ведь в свои заповедные леса не сказать чтобы особенно часто ездят, даже те, кто на охоте подвинут...

— И что? — почти шепотом спросил Сварог.

— Ну, что... — пожал шаман плечами. — Мысль, конечно, интересная... вот только доказать ее нельзя. У самой Белой Волчицы спрашивать — дураков нет, даже среди ученых книжников, которые готовы руку дать на отсечение, лишь бы доискаться до той или иной правды. Дети малые... От самого по себе обладания истиной сплошь и рядом не бывает никакой пользы, а вот вред случается, и нешуточный, иногда и не только для самого обладателя...

Сварог сидел, как на иголках, — ждал, когда шаман перейдет к главному, ради которого Сварог к нему и обратился. Все, что он пока что услышал, было интересно, но в его собственные невзгоды никакой ясности не вносило. О своих ночных кошмарах он Барзаю рассказал все, не опуская самых неприятных подробностей. Это было все равно что рассказывать свои беды хорошему врачу, и даже более — шаман кое в чем превосходил и имперских врачей, хотя грамоты не знал совершенно. Не в грамотности дело, и не в ней сила, как сплошь и рядом выясняется...

— Что тебе еще сказать? — продолжал Барзай. — Белая Волчица — не только ратагайская беда. Тот книжник говорил, что она появлялась по всему Талару, и даже на островах.

— Я знаю, — кивнул Сварог. — Еще в Каталауне слышал что-то похожее, но тогда не стал вдаваться в расспросы — кто же знал, что все так обернется... Расска-

зали целый ворох местных легенд и страшных сказок, и Белая Волчица среди них промелькнула — но я обо всем этом и думать забыл: никакого это не имело тогда отношения к моим обычным делам и хлопотам... Но когда все это началось, уже не медлил. Перед тем, как уехать сюда, к вам, поручил своим книжникам переписать все, что у них о Белой Волчице найдется. Они у меня люди старательные, за четыре дня могли что-то откопать...

— Хорошо бы так, — сказал шаман. — Наши умения за наши пределы не выходят, исключительно к нашей жизни относятся. Мне самому книжная грамота попросту ни к чему, но понимаю, что вам, городским, она очень нужна. Каждому свое. Хорошо бы нашли что-то... — он глянул на Сварога, усмехнулся: — Но тебя ведь в первую голову совсем д р у г о е интересует? Ерзаешь, будто у тебя ежики под кошмой...

— Жизнь заставляет, — с вымученной усмешкой сказал Сварог. — Уж сколько времени это меня колотит, а я до сих пор не понимаю ничегошеньки...

— Ну что же... С н ы... — произнес Барзай с непонятной интонацией, — Белая Волчица еще и тем известна, что н а с ы л а е т с н ы. И не обязательно такие, какими тебя д о н и м а е т... А в том, что это именно она тебя донимает, у меня полная уверенность. Очень уж точно ты ее ухватки описал. Да, всякий раз и начинается с явления Белой Волчицы на мосту... И человек, которого п р и д а в и л о кошмаром, ничего сам не способен сделать, ничему помешать, ни на что повлиять — остается оцепенелым очевидцем...

— З а ч е м? — спросил Сварог. — Почему она именно ко мне прицепилась? Что ей вообще нужно, чего добиться хочет?

Барзай негромко, невесело рассмеялся:

— Ну и вопросы... Ни на один никто из людей не ответит. Только сама Белая Волчица — но на людской памяти такого еще не случалось, чтобы она на вопросы отвечала, а если и случалось, те,

кто ответы слышал, живым не объявлялся. — Он помолчал и задумчиво произнес: — Может быть, ей и н у ж н о что-то. Кое-кто считал, что Царица Волков — слишком сильная с у щ н о с т ь, чтобы пробавляться разными мелкими пакостями. Это Черный Сусел прост, как кол для шатра, да и Барлай, если подумать, мелок. А вот Белая Волчица, многие считают, ох как не мелка. Только все это у них чистой воды ч у т ь е, а знания нет.

— Ну, на чутье порой тоже можно полагаться, — сказал Сварог. — Я давно убедился.

— Кто бы спорил... Только чутье без знаний ни на какие вопросы ответа не даст... Слышал я, очень давно: иные полагают, что есть у нее какая-то цель, и не из мелких. Только это опять-таки чутье без знаний... Это хорошо, что ты настропалил своих книжников. Вдруг и найдут что. Не настолько мы тут спесивы, чтобы полагать, будто только мы — пуп мира, и только наши знания — полные и лучшие. Соображаю прекрасно, что совсем не так обстоит. Да нигде вообще нет полного знания и книги, в которой найдутся все ответы на все вопросы. Много про такую книгу ходит сказок с незапамятных времен, вот только никто ее не видел, и крепко сомневаюсь, что она на свете есть...

— Я тоже, — мрачно сказал Сварог.

— И еще говорят некоторые, что она ищет что-то. Что и зачем — кто бы знал... Одно тебе могу сказать со всей уверенностью, а уж верить или нет — дело твое. Прицепилась к тебе именно что Белая Волчица, Царица Волков.

— И никакой защиты нет? — тихо спросил Сварог.

— У н а с — нет, — сказал шаман, как отрезал. — Я бы знал... Ходили разные сказки — про некие заклинания, про то, что ее, встретив, можно убить саблей, к лезвию которой приклеен пятилепестковый клевер... и тому подобные рассказы. Некоторые даже отправлялись испытать это на деле. Но поскольку ни один

живым не вернулся, сказки все... Сам я полагаю, что средство есть. Тут не чутье, тут другое. Против всякого Зла непременно рано или поздно находилось средство. Не встречалось Зла, с которым человек не смог бы справиться. У тебя, часом, не было случая в этом убедиться?

— Бывало кое-что... — сказал Сварог. — Только где ж искать...

— Ищи, — убежденно сказал шаман. — Для твоей же пользы. Бывало, она такими снами людей до смерти или безумия доводила. Много всяких историй об этом можно рассказать, но чутье мне подсказывает, что тебе это неинтересно.

— Неинтересно, — подумав, сказал Сварог. — Мне не детали нужны, а с у т ь, какая-то истина. Какие-то ответы. Во всех этих историях наверняка ничего подобного нет? Вот видишь... Так что неинтересны они мне.

— Вот что еще, может, и пригодится, — сказал Барзай. — В историях о ней, и достоверных, и не очень, подозрительно часто упоминается м е с т о, откуда она приходит. Ледяные края за дальними морями. И в рассказах знающих людей, и в откровенных сказках то же самое повторяется: ледяные края за дальними морями. Оттого некоторые ее еще зовут Снежной Волчицей, но это гораздо менее употребительно, чем два других прозвания.

— Подожди-ка! — сказал Сварог. — В нашем мире есть только одно место, которое можно так назвать. Действительно, ледяные края за дальними морями. Это...

— Да знаю я, — сказал Барзай. — Диори это место называется. Остров Диори. Мы хоть и степные, но не дикари, как нас некоторые сторонние горожане обзывают. Знаем кое-что о нашем мире. И никто уже не полагает, как считали в старину, что Талар — плоский и стоит на спине громадного быка. И свои книжники в наших городах есть, и грамотные люди в степи, которые читают книги, — в последнее время много такой молодежи появилось. Конечно, из знати — из тех, кто учен грамоте и может себе позволить

самому не заниматься хозяйством. Что до меня... Такие уж мои дела, что грамота мне не нужна, иначе еще в молодости ею занялся бы. Я, понимаешь ли, плоть от плоти с т е п и, меня из нее не вырвать. Потому и не нужна мне грамота. Но кое-какое представление о нашем мире имею. Даже видел в городе у троюродного внука эти, как их... карты. У него отец как раз в книжники подался, в городе осел, вот и внук... И накрепко я запомнил все, что видел, все, что он мне рассказывал. Остров Диори, да. Место, где почти никто не бывал, — это уж вы там сами у себя разбирайтесь, почему так обстоит... Я о другом. Вовсе не обязательно, что эти «ледяные края за далекими морями» принадлежат н а ш е м у миру. Вовсе не обязательно, — повторил он. — Бади Магадаль как-то говорила одному человеку, что пришла из города Семи Золотых Башен. В этом городе, видишь ли, крепостная стена оснащена семью башнями, и крыши у них позолоченные — такая у кого-то из тамошних королей была причуда, из тех, которые не так уж и трудно исполнить. Я так полагаю, Бади не лжет. Зачем ей? Есть где-то город Семи Золотых Башен, откуда Бади Магадаль и пришла, — вот только в каких-то неведомых иных мирах. Так и с Белой Волчицей может быть, эти ледяные края за далекими морями вовсе не обязательно лежат в н а ш е м мире...

— Вовсе не обязательно... — кивнул Сварог. — И вовсе не обязательно, что сны на меня наводит Белая Волчица — если она не выдумка сказочников. Это может оказаться кто угодно, о чем существовании ни я, ни вы раньше не подозревали.

Барзай кивнул:

— Ничего нельзя говорить уверенно. Мы же не всеведущие и не всезнающие. Думается мне, всезнающих и всеведущих никогда не было. Есть пределы для человеческих умений...

Какое-то время они молчали, прихлебывали чай с травами. Стояла тишина, нарушавшаяся лишь ночны-

ми звуками мирного лагеря — поодаль похрапывали кони, далеко в степи пронзительно вскрикивал луговой ястреб, наверняка охотившийся на мелкую живность, ту, что днем прячется и выходит с темнотой. Да в одном из недалеких шатров продолжалась затянувшаяся пирушка — отчетливо слышно было, как там звенели чары и несколько пьяных голосов недурно выводили какую-то незнакомую балладу — вполголоса, чтобы не нарушать покой короля, то есть его скромной персоны.

Выплеснув опивки в костер, как полагалось, Сварог задал вопрос, который давно собирался задать кому-нибудь из степных шаманов:

— Почтенный Барзай... А не умеет ли кто-то из в а ш и х* проникать в прошлое? Если не в истинной плоти, то хотя бы р а з у м о м. Смогли же вы отправить меня на Тропы...

— Это разные вещи, — сказал шаман, нисколько не промедлив. — Тропы и Время. На Тропы умеют проникать даже молодые, едва приобщившиеся к Степному Знанию. Это нетрудно. Это и люди иногда могут, не только колдуны и шаманы. Твоя жена, например, умеет, хотя и не способна объяснить толком, что именно умеет, не знает, что это путь на Тропы. А вот прошлое... Оно закрыто для Разума. Ходят только разговоры, что есть Места, откуда можно туда попасть, но толком никто не знает. Говорят еще, когда-то таких Мест было немало, но потом они закрылись...

Он замолчал и стал сосредоточенно наполнять чашки. Сварог ощутил легкое разочарование — з д е с ь тоже ничем помочь не могли. От всех, с кем довелось беседовать, он слышал одно: силой Разума в прошлое попасть невозможно. Есть такие Места... но никто не знает, как их искать.

— И самое важное, пожалуй, — сказал шаман. — Говорят, в незапамятные времена в степи обитало племя людей-волков.

— Оборотни? — спросил Сварог.

— Нет, что-то другое. Сейчас уже никто не знает, что они были. Не просто люди, способные порой превращаться в волков, как каталаунские тигры умеют превращаться в людей. Что-то совсем другое. Но одно знали точно: это Зло, идущее из невообразимой глубины веков. Как Снежная Волчица. Говорят, она и была их королевой. Вот именно про них и говорили — что они насылают сны, пока не опутают разум человека окончательно, и он уходит с ними. Что иногда это можно было увидеть заранее — верней, увидеть, что у человека волк за спиной. Значит, о н и его уже взяли в плен. Они, говорят, и с к а л и.

— Кого? — тихо спросил Сварог.

— Разные люди называли по-разному. Но все говорили, о ком шла речь. О девушке, которая может родить от такого волка ребенка, который обрушит этот мир, и мир станет совершенно другим, люди уже не будут хозяевами, а иные твердили, что людей не остается вообще. И в старые времена... — он жестко усмехнулся. — В старые времена девушку, у которой за спиной видели волка, сразу же убивали. Не из жестокости, ты должен понимать. Чтобы сохранить наш мир. Ты знаешь, несколько лет назад к нам прилетал ваш книжник. Из Империи. Он в степи прожил два месяца, объездил много мест, собрал предания, легенды, сказки. Есть у вас и такие. Он ничем не интересовался, только людьми-волками и Королевой Волков. Я с ним тоже говорил.

— Как его звали? — спросил Сварог.

Он слышал о таких людях — книжники Империи, интересовавшиеся земной стариной. Их было мало, но они были. Может быть, это ниточка.

— Лорд Нольтер. Он был молодой, но очень толковый. И кое-чему мог учиться у наших шаманов — а такое редко случается. Земля и облака — разные миры, далеко не каждый житель небес может овладеть земными знаниями. Нольтер мог. Потому его и принимали у нас очень хорошо, помимо о б ы ч н о г о гостеприимства. Он обещал вернуться, но так никогда и не вернулся.

Молодой? Совсем хорошо, есть все шансы, в поисках ответов Сварог готов был хвататься на любую соломинку...

— Это важно, — сказал шаман. — Это очень важно. Потому что у твоей жены в о л к з а с п и н о й.

— Что? — Сварог подался вперед.

— У нее волк за спиной, — совсем даже буднично сказал Барзай. — Я не мог ошибиться. Конечно, магия истончается, как старое сукно, ее становится все меньше из-за этих ваших придумок, которых прежде не было, — пароходы, самолеты, всякое прочее. Чем их больше, тем меньше в нашем мире остается магии. Но я видел волка у нее за спиной. Чем это кончится, сказать нельзя.

Нельзя сказать, что Сварог был ошарашен, — не то слово... Мир словно зашатался вокруг, теряя четкие очертания, стал зыбким, готовым в любую минуту... даже слова не подберешь, что могло случиться.

— Но у нее есть защита, — сказал он, не узнавая своего голоса. — Древний Ветер...

— Я знаю, — кивнул шаман. — Вот только то, что стоит за волчьей магией, древнее Древнего Ветра. И Древний Ветер может не защитить. Как заклинания на неуязвимость от пуль не могут защитить от стрелы. Потому что стрелы появились гораздо раньше...

— Что же делать? — спросил Сварог.

— Если бы я знал... Тебе придется искать самому. Любое Зло можно победить, если знать, как. Я бы и кровь, и жизнь отдал, чтобы тебе помочь, но не в силах... Одним, правда, могу помочь, хотя и не знаю, будет ли это помощь. Понимаешь, в старые времена люди умели определять, когда в сны человека вторгаются д р у г и е волки. Были такие бубенчики, они начинали звенеть, когда приходил волчий сон, — и некоторым удавалось вовремя защитить человека. Но это умение давно умерло. А вот бубенчики остались. Лежат где-то, по сундукам, как родовые реликвии. Когда я г о в о р и л с другими наподобие

меня, и с теньями, мы ведь встречались не в телесном облике. И договорились: когда вернемся в людскую плоть, начнем искать по всей Пуште. Вряд ли поиски займут много времени. Придумай способ, чтобы ты мог говорить со мной из-за облаков.

— Ну, это совсем нетрудно, — сказал Сварог. — Такие способы есть... Но как твои бубенчики смогут помочь?

— А вот этого я не знаю, — покачал головой Барзай. — Может, если они попадут в руки кого-то понимающего, он и сможет что-то подсказать. Может, в других местах такие люди еще остались. У нас их больше нет...

— Барзай, — сказал Сварог совсем тихо. — А у меня, случайно, нет за спиной волка? Я же тоже вижу эти проклятые сны, я рассказывал...

— Нет, — уверенно сказал Барзай. — Я бы видел. И потом, волки встают за спиной только у женщин. Их по-разному называли — Невеста Волка, Возлюбленная Волков... Только у женщин. Твои сны — это что-то другое. Ты им не нужен. Им никогда не нужны были мужчины... Они же не могут рожать, а тем нужна как раз женщина, способная родить человека-волка. То самое страшное существо, которое может обрушить мир...

Сварог усмехнулся, крепко подозревая, что со стороны его усмешка кажется вымученной:

— Ну, мир пока что не обрушился. И не похоже, что движется к этому. Так что не все так плохо...

— Может однажды и случится, — сказал Барзай. — Мне не так уж много осталось, а вот тебе, светлый король, жить гораздо дольше... Ни от чего не следует заrekаться.

— Пожалуй... — сказал Сварог. — Значит, эти люди-волки насылали сны?

— Да. Но далеко не сразу начали. Долго, очень долго жили как обычные люди, и только потом началось. Некоторые полагали, что сами они долго не становились веральфами... Так их звали, людей-

волков, — веральфы. Может быть, сначала э т о поразило немногих, понемногу распространялось в племени, как зараза, только гораздо медленнее, но настал момент, когда веральфами стали все. Вот тогда в соседних родах девушки и стали видеть волчьи сны, уходить к веральфам. Спихватились далеко не сразу, а когда спихватились, собрали шаманов. Так и выяснилось. — Он жестко усмехнулся, — Это сейчас даже у нас, когда нужна какая-то жестокость, иные на нее идут не сразу, начинают рассуждать, нельзя ли без нее обойтись. В старинные времена люди были незатейливее и решительнее. Три окрестных рода, в которых девушкам виделись волчьи сны, окружили то племя и вырезали там все живое. Может, кто-то из нынешних д о б р е н ь к и х и ужаснется, но иначе тогда было нельзя. Веральфы исчезли. Потом они, правда, появлялись, но редко и поодиночке, и шаманы очень быстро их выискивали. Есть умение их в и д е т ь. Знаешь что? Тебе такое умение тоже не помешало бы. Нольтер отчего-то считал, что веральфов немало и в городах. Сказал, как я и сам порой говорю: «Некоторые думают...» И потом уже я подумал: если так, в городах их отыскать гораздо сложнее. И умением владеет гораздо меньше людей, чем у нас, и уклад жизни там совсем другой. Это у нас насторожатся, если девушка вдруг вздумает уйти в соседний род, к молодому человеку, с которым раньше никак не могла встречаться, а в городах об этом не задумываются, там ведь парни и девушки встречаются иначе, чем в степи. Если Нольтер прав, меня это пугает, понимаешь?

Кажется, Сварог понимал. Конечно, и в городах приличные девушки, какого бы происхождения они ни были, все же ограничены в своей свободе — но гораздо меньше, чем в степи. Никто ничего не заподозрит. Есть множество вполне приличных увеселений, на которых молодые люди встречаются и знакомятся. А как иначе искать женихов и невест?

— Говорили еще: веральфом можно родиться, а можно и стать. Женщина-веральф даже от обычных мужчин рождает только веральфов, мужчина-веральф и от обычных женщин плодит подобных себе.

— Но ведь они вроде бы ничем себя не... проявили по отношению к окружающему миру? — сказал Сварог. — Ничем не вредят, ничего не предпринимают.

— Мы об этом тоже говорили с Нольтером. Когда он услышал от меня о Невесте Волков, подумал и сказал: а если они просто ж д у т? Плодятся и ждут, когда наконец родится тот, кто обрушит мир? Я не знаю, прав ли он, но в этом был резон... Была... как это у вас говорят? Логика. Плодятся и ждут. А ж д у щ е е зло еще опаснее. Потому что никак себя не проявляет. До поры до времени... Вот я и думаю: тебе никак не помешает умение видеть веральфов, оно сохранилось. — Он усмехнулся. — Королю такое особенно необходимо. Веральфом может оказаться кто-то из твоих верных придворных... и однажды всадит кинжал в спину.

Сварог тоже усмехнулся:

— Ну, все так устроено, что мне очень трудно всадить железо в спину... Но умение и в самом деле не помешало бы. Если они живут и в городах... Собственно, почему бы им там не жить? Это волкооборотень часто привлекает внимание соседей — он ведь каждое полносемье непременно скидывается зверем и отправляется на охоту. А таким вот, ничем не привлекающих внимания... Трудно это умение получить?

— Т е б е — легче легкого, — сказал Барзай. — С у м е н и я м и... и с людьми, видишь ли, бывает по-разному. Есть люди, которых и самый могучий шаман не может ничему научить, хоть сто лет он учи. Отторгается любая магия от такого человека, как камень от стены отскакивает. Другим приходится проходить долгие и сложные обряды. А ты у ж е обладаешь умением видеть за обликом прикинувшейся челове-

ком твари ее истинную сущность. Тебе гораздо легче. Еще одно умение тебе можно просто п е р е д а т ь. Как на конской ярмарке уздечку купленной лошади из рук в руки передают. Вот прямо сейчас...

...До его шатра было совсем недалеко, и Сварог неторопливо дошел за пару минут. Полный Семел стоял в зените, тени от людей, коней и шатров протянулись резкие, угольно-черные, плавал горьковатый запах степных трав, и неподалеку покрикивали ночные птицы... Перед его шатром лежал большой ковер. Давно уже знакомый со степным этикетом, Сварог присел на его краешек и вытянул ноги в траву. Вокруг шатра с крайне бдительным видом прохаживалось не менее дюжины тех самых младших сыновей, державших руки на рукоятях сабель. Никто не опасался, что какой-нибудь супостат покусится на короля с королевой посреди россыпи лагерей Алых Чепраков — просто-напросто и этого требовал этикет. Двое ближайших проворно подошли к Сварогу и, опустившись на одно колено, ловко стянули с него сапоги. Угодничества в этом не было ни капли — ратагайцы этой черты характера лишены напрочь, самый бедный табунщик не снимает шапки, стоя перед вождями рода. Снова этикет. И нешуточная привилегия для этих юнцов. Проживи они еще хоть сто лет, всегда останутся теми, кто разувал короля. А те, что прохаживаются вокруг шатра, — теми, кто однажды охранял короля в его шатре.

Сварог встал, благосклонно склонил голову. Последнюю вечернюю сигарету он решил не доставать — за несколько часов у костра Барзая истребил их изрядно, пришлось пополнять портсигар.

Один из юношей произнес традиционное пожелание:

— Чтобы вам, государь, волка во сне не увидеть.

— Благодарю, гуланы*, — сказал Сварог и ответил столь же традиционно: — И вам тоже.

* Гулан — «парень» (ратагайский диалектизм).

И не стоило им знать, что король каждую ночь как раз и видит во сне волка — волчицу, если точнее, но какая разница? И эта клятая белоснежная зверюга всякий раз служит чем-то вроде Говоруна Занавеса* из земного театра — вот только пьесы у нее насквозь непотребные. И нет никаких сомнений, что и сегодня одарит очередной мерзостью: как во все прошлые ночи, проведенные им в Ратагайской Пусте...

Так, разумеется, и оказалось. И, проснувшись утром гораздо раньше безмятежно спавшей с улыбкой на губах Яны, дымя первой утренней сигаретой, подумал, что нынешнее ночное наваждение, пожалуй, отвратительнее всех. Все предшествующие были вымышленными, постановочными, как сказали бы киношники, насквозь придуманными. А сегодня ночью неизвестный недруг (а кто же он еще?) показал кусочек прошлой жизни, не такой уж и далекий по времени, который забыть бы напрочь...

Неприглядная история неприятной гнусности, в которую Яна, ни о чем не подозревая, вляпалась тогда на Сильване. Полное впечатление, что у неведомого «режиссера-постановщика» под рукой лежит один из самых секретных отчетов спецслужб Империи. Сначала игривые забавы после отхода ко сну в девичьей спальне, со столь же юными, но чертовски развращенными балеринками. Потом задняя комнатка, где Яна под смешки и перемигивания оставшихся в спальне балеринок платила очередной проигрыш сразу трем юным потаскунам — сначала неторопливая, с выдумкой «игра на флейте», потом опять-таки всякие забавы, где Яну порой ублажали сразу трое. И, наконец, ночь, проведенная Яной в спальне герцога Наргела, усыпанной множеством золотистых лилий — символом беззаветной любви, тщательно подобранными декорациями для

---

* По старинной театральной традиции перед тем, как распахнется занавес, Говорун Занавеса в причудливом костюме кратко рассказывает, о чем будет пьеса. Увидит ли зритель комедию, трагедию или любовную историю (а то и смесь того и другого).

пущего воздействия на неопытную девчонку, таявшую от потока нежных романтических словес, позволившую многое и с собой проделать, и самой выполнявшей желания герцога — правда, до некоей черты, которую она так и не переступила.

Но самым отвратительным было даже не то, что Яна делала и позволяла с ней делать, — то, что на сей раз она была и с к р е н н е й. Подумать невозможно, чтобы в реальной жизни она с неподдельной пылкостью занималась извращенной любовью с волчицей и получала от этого неподдельное удовольствие — а здесь (вернее, т о г д а) ей и самом деле крайне приятно было все происходящее, как о том безжалостно свидетельствовал отчет, где цитировались ее собственные признания принцу Элвару...

Какое-то время он изощрялся в мысленной брани неведомо в чей адрес — и представлял себе с большим удовольствием, что сделает с неведомым затейником, попадись тот ему в руки. Потом эмоции (совершенно бесполезные, как прекрасно понимал Сварог) схлынули, и пришла насквозь д е л о в а я мысль. Вот только обдумывать ее стало некогда — проснулась Яна, потянулась к нему, сонная, с затуманенными глазами, улыбкой на губах, потянулась к нему обеими руками...

Правда, время серьезно подумать кое над чем подвернулось вскоре после пышного завтрака с предводителями родов, во время церемонии, которую можно было, подумав, называть «прощальным парадом». Сварог с Яной стояли на ковре у входа в шатер на вершине невысокого холмика, а вокруг него часа два крутила «карусель» многотысячная конница Алых Чепраков, разодетых во все лучшее, с обнаженными саблями, на конях в прадедовской дорогой сбруе. Сварог давным-давно (не первый год на троне, господа мои) овладел и этим королевским искусством: стоять величественно, сохраняя на лице приличествующую моменту торжественность, смесь величавости, ума и серьезности — а

самому тем временем обдумывать разные текущие дела. Благо никаких речей от него не требовалось — разве только время от времени милостиво помахивать рукой, что он и проделывал на автомате.

Итак, сон нынешней ночи, в отличие от всех прежних, — кусочек прошлой реальности. Откуда-то насылатель снов должен был это прошлое знать. Вот только откуда? Все антланские участники тех событий, все старательно совращавшие Яну плясицы и плясуны, а также, для полной секретности и надежности, все до одного служители, служанки и прочая обслуга того поместья — в особой тюрьме на Сильване. Не за ржавой решеткой на охалке прелой соломы, в условиях гораздо более комфортных — но все равно, останутся там до конца жизни. Точно так же обстоит с лейб-медиком и еще примерно полусотней из числа благородных ларов — разве что сидят они еще более комфортно, в тюрьме Лорс. Его младшее высочество, принц крови, стоявший во главе всего дела, никогда не покинет роскошный замок, летающий над Сильваной. И строжайший присмотр за ними таков, что никто из них никогда не сможет ни получить весточки с воли, ни сам что-то туда передать. Но самое главное — никто из них не был очевидцем того, что с Яной происходило на Сильване.

Тогда? Узнав, что Сварог все же сумел с отчетом познакомиться, Канцлер убрал его из компьютеров, перевел в бумагу и положил (похоронил, можно сказать) в свой личный сейф, который мог открыть только он. Так что сразу отмечаем версию, по которой нашелся просмотренный спецслужбами компьютерный гений наподобие Элкона и смог повторить подвиг Золотых Обезьянов. И опять-таки, он не был бы очевидцем, а такой сон, Сварог отчего-то был твердо убежден, мог сотворить лишь очевидец, участник событий.

Вот тут откровенно упираешься в тупик. Из всех живущих сейчас в Империи одна только Яна, обладательница Древнего Ветра, умеет проникать в чужие

воспоминания. Остается одно: кто-то, обладавший незауряднейшим мастерством в неведомых прежде чернокнижных искусствах, проник в память Канцлера, или Сварога, или двух принцев, или двух составителей отчета (а больше ни одна живая душа его не читала) и выудил оттуда нужную информацию. После чего с тем же незауряднейшим искусством создал мастерскую «экранизацию» былых событий.

Нереально. Сварог в свое время интересовался многим, в том числе и этим. Ни один маг или чернокнижник, неважно, добрый или злой, не может проникнуть в память лара. Это можно сделать только с помощью медицинской аппаратуры Империи — но и то не иначе, как на не такое уж короткое время усадив «донора» перед довольно громоздкими агрегатами. Причем с его доброго согласия. Отпадает.

И утыкаешься в тупик. Прodelать такое нереально — но кто-то же смог?! Кому-то удалось то, что никому не должно утаться?

В конце концов Сварог понял, что не стоит и дальше ломать голову. Еще и потому, что — рано. Есть загадка, но нет у г р о з ы. Так что любая спешка и ломанье головы в одиночку — бессмысленны и нерациональны. Как только он окажется наверху, кончится предписанный ему Канцлером «бюллетень», и Сварог вновь займет все прежние посты. В его распоряжении будут и необозримая, доступная всем Библиотека, и богатейшие архивы спецслужб, и множество умных, верных, надежных помощников. В его руках вновь окажутся и восьмой департамент, и девятый стол, и Багряная Палата, и монашеские боевые Братства, равно как тайные полиции и прочие спецслужбы всех его королевств. И умница Интагар, и золотая голова мэтр Анрах, и еще многие. Нужно лишь немного потерпеть...

Так что еще с полчаса он стоял бездумно, глядя на лихую конницу. Потом с безоблачного неба стала неспешно опускаться вимана, на которой они с Яной сюда и прибыли, выполненная в виде небольшого,

но невероятно красивого и роскошного дворца — золотая кровля, искуснейшая резьба по камню, малахитовые плиты парадной лестницы с хрустальными перилами, барельефы тонкой работы и тому подобные архитектурные излишества. Эффектное было зрелище, устроенное специально для ратагайцев и полностью отвечавшее их представлениям о том, что могучий король должен в такой вот роскоши и обитать, чего бы это ни касалось.

С такой радостью Сварог возвращался за облака впервые в жизни.

КОЕ-ЧТО О ДРЕВНЕМ ЗЛЕ

Как и следовало ожидать, Канцлер все это время оставался невозмутим. Пока Сварог рассказывал (то сидя за столом, то вставая и неспешно расхаживая по комнате), занимал свое обычное место, изредка меняя позу, попыхивал гнутой трубочкой из корня гланского вереска и слушал очень внимательно, без тени равнодушия или нетерпения. Иногда он, проговорив: «Простите великодушно, отвлекусь на минутку», недолго играл пальцами по клавишам одного из своих четырех компьютеров. Сварог обратил внимание, что он задействовал все четыре — то, что выводил на экран, там и оставлял, два раза проглядывал бегло, два раза явно внимательно читал какой-то длинный текст.

— Ну вот, собственно, и все, — сказал Сварог, откинувшись в удобном кресле и с удовольствием доставая портсигар. — Что еще добавить? Сегодня ночью мне снилась та же пакость — Яна на охоте в Каталауне попадает в руки полудюжины «волчьих голов». Подробности позвольте опустить...

— Ну, разумеется. Итак... — Канцлер задумчиво повертел погасшую трубку. — Интересно, и весьма. Но, прежде всего, давайте для ясности уточним, з а ч е м вы

ко мне с этим пришли. У вас должна быть какая-то цель. Пожаловаться, поискать сочувствия? Исключено, не тот вы человек. Тогда?

— Проконсультироваться, узнать ваше мнение, — сказал Сварог. — Пожалуй, это лучшее определение — проконсультироваться. Я давным-давно глубоко вник в таларские дела, освоился в креслах руководителей обеих спецслужб, но все равно, я н е з д е ш н и й. Пришелец. Живу здесь не так уж много лет, а вы — всю жизнь. Ваш пост к тому же подразумевает владение огромным массивом информации — из которого мне не все доступно. Вот и решил прилететь к вам. Услышать ваше мнение, оно может оказаться полезным, и вообще... — Сварог неопределенно покрутил пальцами с сигаретой.

— И правильно сделали, — сказал Канцлер. — Поверьте, я это очень ценю — что вы пришли ко мне не по службе, частным образом посоветоваться в трудной жизненной ситуации. Что же... — он ненадолго задержал взгляд на одном из экранов, первом слева. — Я вас давно знаю, так что уверен: вы ведь не станете обижаться или сердиться, если услышите что-то для вас неприятное?

— Ну разумеется, не стану, — сказал Сварог. — Меня как раз интересует л ю б о е ваше мнение.

— Вот и прекрасно. Начнем со снов. Вас, может быть, удивит, но в медицине давно уже существует так называемый «психологический феномен я р к и х снов». Правда, лично я дал бы другое определение — ч е т к и х, но специалисты не станут меня, непрофессионала, слушать...

— Ага, — криво усмехнулся Сварог. — Первым делом в ход пошла психиатрия...

— П с и х о л о г и я, — твердо поправил Канцлер. — Психиатрия тоже присутствует, но играет чисто вспомогательную роль. Все обстоит в точности так, как вы рассказали: нереально четкие сны, превосходящие обычные обилием деталей, порой даже присутствуют осязательные ощущения и запахи. Встречается довольно редко, но встречается. К магии не имеет никакого отношения — не более чем продукт деятельности кон-

кретного человеческого мозга. Я в этом так хорошо ориентируюсь оттого, что последний случай произошел не просто два месяца назад — касался одного молодого сотрудника Марлока, работавшего над проектом, в равной мере нужным и Техниону, и моему Кабинету. Так что пришлось взять его под контроль. История такая. Работа была долгая, сложная, несколько раз казалось, что проект провалится — при том, что он о б я з а н был закончиться успехом. Человека ударило нешуточное нервное переутомление, чуть ли не нервное истощение. Выразилось это в том, что его з а м к н у л о на собственной жене, точнее, на снах с ее участием. Совершенно того же плана, которые описали вы. Ему каждую ночь снилось, что она тайком летает на землю, болтается там по дешевым кабакам-полуборделям, путается с первым встречным, а то и несколькими сразу. А он оказывается в роли зрителя, неспособного ни вмешаться, ни изменить что-то. В точности как вы. Причем никаким психическим расстройством или хотя бы отклонением это не сопровождалось. Просто сны. Он прекрасно понимал, что в реальности это невозможно по чисто техническим причинам — молодая жена, как многие, никогда не летала на землю. Она весь день проводит в маноре у него на глазах — а ночью ему снится, что она в этот день танцевала тоголаду на столе в фиарнолльском портовом кабаке, а потом трое пьяных морячков увлекли ее в заднюю комнату. Одно существенное отличие от ваших снов: в его снах всегда присутствовали только люди, никаких волков, оборотней и тому подобной публики. Короче говоря, он продержался неполных две недели. Потом сам отправился к медикам. Три недели провел на Сильване в «Лесной дубраве» — и там его исцелили полностью. И докопались до побудительных мотивов: он, случалось, безвылазно работал над проектом неделями, и понемногу возникло нечто вроде навязчивого состояния: ему стало казаться, что за время его отсутствия жена принимает любовника. Вот и вылилось это в сны.

— Полагаете, мне тоже следует отправиться в «Лесную дубраву»? — усмехнулся Сварог. — Или, скажем, опять в «Лазурную бухту»?

— Я не врач, — серьезно сказал Канцлер. — Не считаю себя вправе давать какие бы то ни было советы по медицинской части. Хотя, подозреваю, доктора именно это и посоветовали бы — мягко и настойчиво, как они это умеют. Не знаю. Хотя немного пофантазировать на эту тему стоит. — Он улыбнулся своей неподражаемой улыбочкой. — Знаете, у нас каждый второй — психиатр, а каждый первый совершенно точно знает, как управлять Империей лучше, чем недотепа-Канцлер и чурбаны-министры... Вы обещали не обижаться и не сердиться?

— Обещал, — сказал Сварог. — Валяйте.

— Побудительный мотив... — задумчиво произнес Канцлер. — Вот, скажем, такой... Вы ведь до сих пор не всегда храните верность Яне, хотя она-то верность хранит всегда. Подсознательные угрызания совести и послужили побудительным мотивом для таких вот снов. — Он поднял ладонь. — Не относитесь к моим словам слишком серьезно. Повторяю, я не врач, я просто попытался представить, какой побудительный мотив усмотрели бы врачи... А советовать вам отправиться в один из сильванских санаториев я не берусь по весьма веской причине: вы ведь говорили, что Латрок, когда вы к нему обратились, вам этого и не советовал вовсе?

— Не советовал, — сказал Сварог. — Договорились, что через недельку я опять к ним наведу, посмотрят, что произошло со снами за это время. Потом, может, и предложат, но пока что... — он усмехнулся. — Отпустили погулять на свободе, чтобы набрать побольше материала.

— Интересно, как они отнеслись к вашей версии, что это — н а в е д е н н ы е с н ы?

— С хорошо скрытым отторжением, как мне кажется, — сказал Сварог.

— Ну, не удивительно... Вы ведь наверняка не сидели сложа руки все эти три дня, после возвращения из Пушты?

— Конечно, нет, — сказал Сварог. — Сначала несколько часов занимался здешними архивами, потом полетел на землю и поднял на ноги всех: Багряную Палату, все три монашеских Братства, мэтра Анраха, а для пущей надежности — и тайную полицию, она ведь, как давным-давно сказано, ближе всех стоит к населению...

— И всех озадачили исключительно наведенными снами?

— Конечно, — сказал Сварог. — По-моему, это главное сейчас...

— И ничего не добились? Иначе непременно упомянули бы...

— Ничего, — вздохнул Сварог. — Все в один голос твердили: последние колдуны и колдуньи, умевшие навводить сны, исчезли лет дести назад — и трудами той же Багряной Палаты с Братствами, и в силу того самого закона... Который никто пока не сформулировал четко и не дал ему научного названия, но он, безусловно, действует: по каким-то неизвестным нам причинам число владеющих магией уменьшается и уменьшается. Конечно, нельзя ручаться, что исчезли абсолютно все. Где-нибудь в глухомани мог затаиться один, а то и несколько. И теперь выполз на свет, если строить версии — скажем, его подкупила Лавиния Лоранская, чтобы качественно помотать мне нервы. В точности так, как в свое время нам с Яной пытался помотать нервы Радиант — о чем Лавиния, конечно, не знает. Однако тот же отец Алкес такую версию решительно опроверг. Он сказал: никто никогда не слышал о колдуне, способном навести сны на человека, находящегося на другой планете. А у меня ведь все началось на Сильване... А п о с л е д о в а т ь за мной туда колдун с Талара не смог бы — вот этого отец Алкес не знает, а я знаю в силу должностей...

Канцлер понятливо кивнул. Чтобы колдуны и черные маги, которых припекло на Таларе, не смогли бежать на Сильвану (а сильванские, соответственно, на Талар), давно уже, с момента первых рейсов на межпланетные корабли для земного народа установили аппаратуру, надежно таких субъектов выявлявшую.

— В общем, все говорили одно: те, кто умел наводить колдовские сны, исчезли лет двести назад, — он вымученно усмехнулся. — Правда, тайная полиция кое-что добавила: в последующее время, когда на земле не знали точно, что таких колдунов больше не осталось, этот прием порой использовали против соперников в грызне придворных клик: обвиняли кого-нибудь в том, что он скрытый маг, навел на короля или королеву злые чары или злые сны. Ну, а у тайной полиции, как легко догадаться, всегда находились убедительные доказательства. Такая уж публика. Специфическая. Не сердитесь, Канцлер, но поставь я перед ними такую задачу, они бы в два счета доказали, что вы — затаившийся черный маг, сколотили на земле колдовскую банду, которая намеревается превратить меня в суслика, сжечь Латерану, воду в реках отравить. И свидетелей было бы предостаточно, и материальных улик...

— Ну, на что же тут обижаться? — спокойно сказал Канцлер. — Тайная полиция — контора и в самом деле весьма специфическая...

Сварог продолжал:

— А потом Интагар сказал, что эта практика исчезла лет сто назад. Отнюдь не по душевному благородству придворных интриганов или распространению прогресса и материализма. Просто, когда об этом от восьмого департамента узнал принц Диамер-Сонирил, страшно рассердился и заявил нечто вроде: в то время как изо всех сил стараются, чтобы черной магии на земле стало меньше, эти интриганы поддерживают в умах убеждение, что некоторые вымершие практики по-прежнему процветают. И распорядился немедленно пресечь, тогдашний глава Багряной Палаты приказ с

удовольствием выполнил. Пресекали эту практику остро и жестко. С тех пор прошло примерно полторы сотни лет, но никто больше о насылателях снов не слышал.

— Ну, в таком случае... — сказал Канцлер мягко. — Может быть, просто-напросто обратиться к врачам в тот срок, какой они назначили?

— Не думаю, — сказал Сварог. — У меня появились некоторые соображения. Хотите послушать?

— Еще бы!

— Я решил поставить нечто вроде эксперимента, — сказал Сварог. — Позавчера остался ночевать в Хелльстаде. И там этих клятых снов не было! Только самые обыкновенные. На Сильване сны были, в Империи и на земле приходят постоянно, а вот в Хелльстаде их не было!

Канцлер немного подумал, вертя в руке давно погасшую трубку.

— Марлок на это, пожалуй, ответил бы, что единственный факт ничего еще не доказывает, что нужна серия опытов.

— А что мне мешает эти опыты поставить? — сказал Сварог. — Скажем, ночью по такой системе: Империя-Латерана-Хелльстад, и повторяю это раза три. Если окончится с тем же результатом, Марлок не сможет ни к чему придаться — получит серию...

— Что-то в этом есть... — сказал Канцлер. — По крайней мере, эксперимент этот не отнимет ни малейших трудов и на ваши служебные дела не повлияет: ночью вы все равно спите, и не случилось пока что ничего, заставившего бы кого-то из нас бодрствовать и ночью. Что же, попробуйте. Это, безусловно, интересно. У вас есть еще какие-нибудь идеи?

— Не знаю, идея ли это, или что-то другое... — сказал Сварог. — Я о Белой Волчице, которая меня в эти сны, можно сказать, впускает регулярно и исправно, как вышколенный швейцар. Почему бы не предположить, что она существует в реальности и за всем этим стоит Королева Волков...

Канцлер рассмеялся — искренне, но нисколько не обидно.

— Вот это как раз и прекрасно показывает, что человек вы все же не з д е ш н и й, — сказал он. — Я как-то никогда не интересовался раньше, не видел нужды... В мире, откуда вы пришли, были книги, которые читал едва ли не каждый ребенок, а потом, подросши, отбрасывал навсегда и переключался на другие книги, более подходившие подростку, юноше, взрослому?

— Конечно, — сказал Сварог. — Превеликое множество. Почему — были? Они наверняка и сейчас есть... — он чуточку помрачнел. — Если только тот мир (он поймал себя на том, что уже не говорил «мой», его мир был здесь) не доигрался до ядерной войны...

— Вот видите. Вы читаете наши книги?

— Иногда, — сказал Сварог. — Очень редко. Времени нет на чтение — не то, так это, не там, так сям...

— И уж в детские, конечно, не заглядывали. А детей, читающих сказки, у вас нет — мне хочется думать, п о к а. Значит, все здешние сказки прошли мимо вас. А я в детстве увлекался, знаете ли. И, едва зашла речь о Королеве Волков, сразу вспомнил... Есть не такая уж тоненькая книжка, одна из любимых детских: «Медведь в золотой короне». Самое занятное, что сначала это был ученый труд, лет пятьсот назад написанный одним из книжников Ремиденума. Изложенный, конечно, замысловатым и напыщенным устным слогом, который не то что дети малые, но и мы с вами стали бы читать только по большой обязанности. Вам попадались на земле подобные трактаты?

— Много раз, — сказал Сварог. — Иногда по служебным делам приходилось в них копаться, а не просто слушать изложение от книжников. Ученый слог — это, действительно, такая засада... Но у них до сих пор полагается писать именно так — ради соблюдения «высокого духа истинной учености», понимаете ли...

— У наших ученых порой тоже, — фыркнул Канцлер. — Так вот в свое время эта книга попала в руки одному из наших видных педагогов — и по-настоящему

увлекла, он увидел в этом фолианте великолепное детское чтение. Изрядно его сократил, за счет длиннейших витиеватых фраз, которые порой можно заменить одним-единственным словом, переписал все живым, увлекательным языком, как раз доступным детям, — и с тех пор она остается одной из любимых детских книг, и не только для самых маленьких. — Он улыбнулся чуть смущенно. — Я в три года просил мамушку вырвать одну картинку, которой просто-напросто боялся — а годика через три уже попросил восстановить, тогда уже не пугался картинок с мифологическими чудищами. И дети у меня в свое время ее обожали... — Он словно расслабился на миг, взгляд приобрел некоторую мечтательность, затуманился, но быстро стал прежним Канцлером. — Мы отвлеклись... В общем, эта книга — полная энциклопедия всевозможных царей, королей и прочих верховных правителей животного мира. Медвежий Король, Тюлений, Король-Олень, Царь Каталаунских Тигров, Правитель Степных Антилоп, Жабья Царица, Лебединая, Царевна Жемчужниц, Принц Журавлей... Всего тридцать с чем-то мифологических персонажей. И о каждом — немало сказок. Некоторые сказки пришлось убрать из книги для самых маленьких — эротика, понимаете ли. Добрая половина этих властителей обоего пола умела принимать человеческий облик и заводила романы с людьми. Старинные сказочники из тех времен, когда сказки предназначались не для детей, а для взрослых, эти романы описывали очень откровенно. В вариант для подростков эти сказки вернули — но все равно чуточку урезав. Есть и полный текст, взрослый, опять-таки адаптированный нашими литераторами — знаете, есть люди, которые и в старости будут перечитывать любимые сказки детства, и не обязательно в старости...

— А подростки, особенно девочки, порой ухитрялись раздобыть насквозь взрослый вариант... — кивнул Сварог.

— Они и сейчас ухитряются, — с некоторой грустью сказал Канцлер. — Эти девчонки нынешние... Так вот, к чему я вас подвожу, попутно выкладывая побольше информации, которой вы не знали. Все без исключения помянутые в книге «короли», «королевы», «цари» и «царицы», на четырех лапах или крылатые, или плавающие — исключительно мифологические создания. Сказочные персонажи. Все. Это давным-давно установлено совершенно точно. И не только благодаря усилиям любознательных к н и ж н и к о в. Иные персоны, чертовски любознательные, обладали к тому же достаточно большими возможностями: парочка земных королей, титулованные дворяне и ученые лары, даже один император в старину. За последние тысячелетия было установлено совершенно точно: все персонажи, помянутые в книге, — мифологические, сказочные. Вот, кстати. Один пример касается непосредственно вас. На Таларе с незапамятных времен кружили рассказы, что в Хелльстаде обитает Змеиный Царь. Такой же исполинский змей, как прочие, но в золотой короне, и он гораздо умнее всех остальных. Внесете полную ясность, как король Хелльстада?

— Легко, — сказал Сварог. — Нет никакого Змеиноного Царя. Уж я бы знал... Только обычные глорхи, а они, если забыть о размерах, самые обычные змеи, лишь самую капельку умнее гадюк и ужей. Возможно, кто-то когда-то однажды прослышал, что в Хелльстаде обитает Лотан, отсюда и пошли сказки...

— Вот видите. Никаких «царей» и «королев» нет. Только обычные вожаки звериных стай — а у змей, некоторых видов птиц, у рыб и таких вожаков нет. Как нет их, кстати, у каталаунских тигров, силванских львов и медведей на обеих планетах...

— А Королева Волков здесь при чем? — спросил Сварог.

— А при том, что она тоже значится в книге. И рассказ о ней сопровождается типовым для многих ее «коллег» набором сказок, когда страшных, когда ли-

рических. Тех, в которых она оборачивается красивой девушкой и крутит любовь с молодыми пастухами или охотниками. Финал опять-таки стандартный, в зависимости, должно быть, от вкуса бывших сочинителей: либо кладом одарит, либо загрызет в конце концов или, по крайним мере, на всю оставшуюся жизнь в лютую тоску вгонит. Ну да, конечно, крестьяне в местах поглуше, каталаунские лесовики, охотники, не обязательно сельские, до сих пор в иных из этих персонажей всерьез верят. Как часть городских простолюдинов — в Крысиного Короля. Но мало ли во что люди верят... Верили до самых недавних пор, что в Ямурлаке обитают огненные птицы. В самом прямом смысле огненные — целиком сотканые из огня. Столько рассказней о них ходило... А потом ваши отряды прочесали Ямурлак, уничтожили всю нечисть, кроме пары-тройки окопавшихся в самых глухих уголках, — но вот огненных птиц, как мне известно, не встретили. Хотя среди верящих всерьез был король Урдино Смелый, три экспедиции в Ямурлак отправлял, денег потратил кучу и людей погубил немало. Правда, не любознательность им двигала — он, прагматик чистой воды, рассчитывал огненных птиц на войне использовать, услышал от кого-то, что они легко поддаются дрессировке — и загорелся. Но какая разница, что им двигало, если огненных птиц все равно нет? Если выдастся свободное время, прочитайте интереса ради «Медведя в золотой короне» — конечно, полный взрослый вариант. Сами убедитесь, что ваша Королева Волков ничем не отличается от других сказочных персонажей...

— А Белая Волчица? — спросил Сварог.

Канцлер поморщился прямо-таки страдальчески, словно ненароком откусил от целого лимона:

— Лорд Сварог... Простите за вульгарность, но какого рожна она вам сдалась? Да, есть и такая... точнее, ходят сказки и о такой. Но исключительно в Ратагайской Пуште, да и там не везде. Еще один из сугубо местных, второстепенных мифологических

персонажей, то есть, в отличие от других, прочно привязанных к какой-то конкретной местности. Она даже не попала в энциклопедию, как и несколько других. Хотя иные местные там есть. Например, о Медвежьем Короле говорят исключительно в Главе и больше нигде — хотя медведи на Харуме водятся не только в Главе. Царица-Щука — персонаж сказок и легенд главным образом полуночного побережья Харума — хотя щуки водятся практически во всех реках и прибрежных водах. Тюлений Король — мифологический герой главным образом островов, на континенте о нем если и знают, то исключительно благодаря рассказам моряков. Но они в энциклопедии есть — а вот Белой Волчицы нет. Очень уж незначительный персонаж. Сам не знаю, почему, но так уж повелось, что сложилась некая иерархия, словно у чиновников. Одни известны, а у самых темных и почитаемы — по всему Талару, другие, точнее, их известность не выходят за пределы какой-то области, иногда очень маленькой. Есть такая вовсе уж экзотическая фигура — Король Кузнечиков, с ним тоже связана своя горсточка легенд и сказок. Вот только известен он лишь в трех провинциях Полуденного Ронеро... Право же, почитайте книгу, не в свободное время, а при первом же удобном случае.

— Но Барзай мне говорил...

— Ну да, разумеется, Барзай... Единственный ваш источник информации о том, что Белая Волчица — реальное существо, умеющее в том числе и насылать сны. Так ведь?

— Ну, я и от других в Ратагайской Пуште кое-что слышал... точнее от ратагайцев моей охраны. Есть у них привычка вечерами собираться и рассказывать сказки, истории, всякую всячину. Я к ним иногда захожу на посиделки, когда есть свободное время, и Яна тоже. Интересно...

— Не спорю, — сказала Канцлер. — А вы никогда не задумывались, откуда ваши brave степные витязи почерпнули большую часть этих... историй? Да как

раз от таких, как Барзай. Согласитесь, вы все же мало и редко общались с колдовской публикой всех разновидностей. А я — не один год, вдумчиво и обстоятельно. В молодости, когда служил в восьмом департаменте, в «четверке»... ну, не вам же растолковывать, что это такое?

Сварог кивнул — он и сам прекрасно знал. Четвертый отдел одного из управлений как раз и занимался земными магами, колдунами, ведьмами, шаманами и тому подобными персонажами всех мастей, цветов и оттенков. Правда, учитывая, насколько в последнее время сократилось число магических проявлений... (которому какой-то умник успел дать ученое название «Отлив». Есть такая категория умников: моментально подберут чему угодно ученое название и устроятся, полагая, что этого достаточно). За время своего руководства Сварог сократил отдел наполовину (он, разумеется, никого не уволил, перевел в другие управления — Диаметр-Сонирил категорически восстал бы против увольнения, да еще такого массового). Да и те, что остались, иногда скучали от безделья...

— Одним словом, я прекрасно знаком с этой публикой, — продолжал Канцлер. — И провинциальные колдунцы, и шаманы всегда обожали примешивать к реальному знанию массу завлекательных выдумок. Не сказать, чтобы ради особенной выгоды, — просто традиция такая, идущая с незапамятных времен. Приличный шаман должен быть окружен прямо-таки облаком загадочного и таинственного...

— Он не врал, — сказал Сварог.

— А это еще ничего не означает, — сказал Канцлер. — Наша магия, следовало бы вам помнить, безошибочно определяет ложь, но бессильна, когда человек сам верит в то, что говорит. Кто-то мог историю о Белой Волчице рассказать Барзаю в годы ученичества, и он поверил наставнику — наставнику положено верить...

— А что вы думаете о веральфах?

— Ничего, — сказал Канцлер. — И не намерен забивать голову еще и этим. Потому что и здесь единственный источник — ваш Барзай. Называя вещи своими именами, третьеразрядный колдунец из захолустья, причем неграмотный. Городские, а частенько и деревенские колдуны хоть книги читают...

— И все же этот неграмотный колдунец показал мне дорогу на Тропы.

— И что это доказывает? Из того, что он умеет находить пути на Тропы, еще не означает автоматически, что он говорит правду, когда живописно повествует о Белой Волчице или веральфах. В жизни не слышал ни о каких веральфах, о них ничегошеньки нет ни в секретных архивах, ни в общедоступной Библиотеке. Вообще, знаете... Объективности ради я готов поверить, что когда-то что-то такое было. Нельзя исключать, что в старинные времена и впрямь существовало некое племя, которое можно назвать людьми-волками — но не оборотнями-волкодлаками, учтите разницу! Его и в самом деле могли начисто вырезать соседи, когда те их достали. В старинные времена встречалось многое, напроць исчезнувшее впоследствии, на эту тему есть обширнейшие материалы, сейчас представляющие лишь исторический интерес. Но и в относительно близкие к нам времена, и в нашей современности нет никаких упоминаний о чем-то, отдаленно хотя бы похожем на ваших веральфов... — он поднял ладонь. — Знаю, что вы скажете. Они никак себя не проявляют, потому их и не удастся найти... Вот только где доказательства? Может, они себя никак не проявляют как раз оттого, что их не существует? Конечно, и на это у вас найдется контрдовод. Вы можете сказать, что до определенного момента никак себя не проявляли ни заговор Брашери, ни Радиант, ни Черные Алхимики герцога Латери. Но это опять-таки не доказательство, это просто красивая фигура речи в дискуссии. Как бы вам поточнее обрисовать мою позицию... Я вовсе не намерен как-то на вас нападать и уж тем более насмехаться над всем,

что вы сказали. Еще и оттого, что прекрасно понимаю, почему вы ко мне пришли. Вы — быть может, сами это не вполне сознавая — хотели обкатать на мне все, что слышали. Прекрасно зная, что я в чем-то информированнее вас и, как вы сами сказали, в отличие от вас здешний, проживший в этом мире не несколько лет, а четыреста с половиной. Согласны?

— Пожалуй, — медленно сказал Сварог.

— И это хорошо, что вы так поступили, — сказал Канцлер. — Просто прекрасно, что наше общение не ограничивается официальными рамками. Ну что же. Вы хотели услышать мое мнение — вы его слышали. И убедились, что я вам не могу дать никакой дополнительной информации просто потому, что таковой не существует. Надеюсь, вы не обижаетесь и не сердитесь за такой оборот разговора?

— Конечно нет, Канцлер, — искренне сказал Сварог. — Пожалуй, я и в самом деле хотел что-то на вас обкатать. Меня только одно всерьез беспокоит: а что, если мы упустим какую-то серьезную угрозу, прежде себя не проявлявшую?

— Ага, — сказал Канцлер с ноткой веселости. — «Синдром Кристана» конечно. Не смущайтесь, им в легкой форме все когда-то переболели — и я в молодости, и даже, скажу по секрету, наш Марлок — воплощение рационализма и практицизма. Что вам на это ответить? Я всегда допускаю, что где-то рядом может таиться необнаруженная до сей поры серьезная опасность или угроза. Тем более что примеров хватало, и не только тех трех, что случились уже во времена вашего пребывания здесь. Бывали и прежде, до вас и даже до меня... В общем, я не жду угрозы. Я просто-напросто приучил себя спокойно ожидать, что рекомая угроза может возникнуть в любой момент. И если такой момент настанет, ударить всеми десятью пальцами по клавишам серьезнейших пультов. Но мне нужна защита. Хотя бы зыбкий след. Дайте мне хоть каплю конкретики. Но ведь у вас ее нет, и ваше молчание это подтверждает. Главная ошибка Кристана — та, что он чересчур уж под-

дался мысли «И все же что-то тут не так». Эта мысль полезна лишь в крайне умеренных дозах. Без конкретики она остается вредной абстракцией.

— И все же я проведу кое-какие расследования, — упрямо сказал Сварог. — Нынче же.

— Да Бога ради! — воскликнул Канцлер. — Кто вам будет запрещать или мешать? Лишь бы только это шло не в ущерб реальным делам.

— Можете быть уверены, — сказал Сварог. — Тем более что я и не обременен делами, которые нельзя было бы переложить на подчиненных. В поиски Дали я не способен внести ничего нового. В моих королевствах пока что не наблюдается ничего, способного доставить серьезные хлопоты. Так что вполне могу выделить время на частное, так сказать, расследование... в котором, честно предупреждаю, при нужде использую и подчиненные мне учреждения. Если вы будете против...

— То вы все равно украдкой будете привлекать свои служебные возможности, — усмехнулся Канцлер. — Успокойтесь, я не намерен вставлять вам палки в колеса. В конце концов, не раз случалось, что наши конторы тратили время и силы на проверку чего-то, оказавшегося очередной пустышкой. Как сказали бы купцы, неизбежные накладные расходы... Дерзайте, только в разумных пределах. Да, вот о чем я как-то забыл упомянуть, когда речь шла о капле конкретики... Вы говорили, что Барзай передал вам умение **у з н а в а т ь** веральфов?

— Он действительно **п е р е д а л**, — сказал Сварог. — Я почувствовал, что ко мне перешло **н е ч т о** — уж вы-то должны это ощущение знать.

— И как это выглядит на практике? Мы как-то обошли этот вопрос.

— В отличие от некоторых других умений, это не требуется **в к л ю ч а т ь** при необходимости, — сказал Сварог, вспомнив без труда наставления Барзая. — Оно всегда со мной. То есть, если можно так сказать, всегда включено. В любой момент я могу увидеть и опознать веральфа, если он мне попадется.

— Если... — протянул Канцлер вроде бы задумчиво, но в глубине его глаз определенно таились лукавые искорки. — Судя по всему, ни один не попался, иначе вы не умолчали бы?

— Не попался, — сказал Сварог, стараясь говорить нейтральным тоном. — Но я эти два дня, собственно, безвылазно просидел в Латеранском дворце — накопились текущие дела по всем королевствам, пришлось разгрести. Во всяком случае, среди всех, кого я видел во дворце — придворных, лакеев, чиновников, стражи, — веральфов не было...

Он на этом и оборвал, не стал говорить Канцлеру о своей задумке устроить, если можно так выразиться, облаву на веральфов в Латеране. Вполне возможно, вновь столкнулся бы с глубоко затаенной насмешкой во взгляде, а это было бы неприятно. Хотя другого способа выследить веральфов просто нет...

Вместо этого он сказал как мог беспечнее:

— В таком случае, разрешите откланяться? Мы, кажется, обо всем поговорили?

Судя по взгляду Канцлера, он держался того же мнения. Сварог уже встал было, потянулся за фуражкой (он собирался отсюда лететь в девятый стол), но в последний момент спохватился:

— Да, вот что еще... Канцлер, существуют ли какие-нибудь засекреченные материалы о Диори, с которыми я не могу ознакомиться даже при всех своих нынешних допусках?

— Никаких, — практически сразу ответил Канцлер, кажется, чуть удивленно (хотя с Канцлером никогда нельзя ни в чем быть уверенным). Только в тех архивах, для которых ваших допусков достаточно. Диори, собственно, никто никогда не занимался серьезно... А зачем они вам вдруг понадобились?

Чуть подумав, Сварог решил сказать чистую правду:

— Знаете, как это бывает, Канцлер... У меня есть гипотеза... шальная, я бы сказал. И до того, как я во всем разберусь, не хотелось бы о ней распространяться.

Иначе потом, если все же ошибся, буду чувствовать себя неловко. Так что я уж пока помолчу, хорошо?

— Как вам будет угодно, — непринужденно сказал Канцлер.

Но в его взгляде, показалось Сварогу, светилось нешуточное любопытство...

...Настроение Сварога никак нельзя было назвать скверным (не было к тому же особых причин), но — с м у р н ы м. А потому он на пару минут задержал брагант над манором девятого стола, наблюдая за происходящим внизу.

А происходящее внизу тешило душу любого профессионального военного: на плацу браво маршировала колонна человек из ста, в шеренге по четверо, держа равнение на застывшего, как монумент, в уставной стойке «смирно» коменданта, дирижировавшего приготовлениями к торжеству. Причем, как с чувством глубокого удовлетворения отметил Сварог, колонна никак не годилась для парада на московской Красной площади, но и на скопище неотесанных новобранцев уже не походила. Собственно, такую задачу он перед комендантом и поставил: научить маршировать хотя бы на твердую тройку.

В свое время он по какому-то капризу души сделал девятый стол, в отличие от восьмого департамента, сугубо гражданского, конторой довольно-таки милитаризованной. Не стал воспроизводить абсолютно все реалии жизни и быта военного учреждения, но кое-что ввел: мундиры, звания, кое-какие приближенные к военным регламенты, стиль общения начальства с подчиненными, подчиненных с начальством и меж собой. И чуточку строевой подготовки — для завершения картины. По его глубокому убеждению, это делало людей дисциплинированнее и ответственней, рождало здоровую конкуренцию, не имевшую ничего похожего на погоню за чинами и отличиями штатских канцеляристов. И до сих пор в этом убеждении не разуверился. Самое занятное, что все это

большинству сотрудников, поголовно пришедших к нему с «гражданки», откровенно нравилось — начиная с Бравой Компании, законно числившейся, несмотря на молодость, «отцами основателями», которым новички, как часто и повсеместно случается, стремились подражать во всем. Свою роль сыграло и то, что служащие девятого стола с самого начала были приравнены к гвардейцам — а посему чувствовали легонькое превосходство над коллегами из восьмого департамента и Кабинетов императрицы и Канцлера. Что опять-таки шло на пользу делу: «Господа гвардейцы, неужели мы в чем-то уступим этим штатским?» В некоторых случаях прекрасно действует, стимулируя ударную работу.

Ну, а маршировка на плацу имела существенный повод: через десять дней девятому столу исполнялось три года. Планировалось что-то вроде небольшого парада, который обещала принять Яна, — а поскольку такого никогда не случалось ни в одной из «братских контор», топавшие на плацу старались на совесть...

Сварог аккуратненько посадил брагант у одного из запасных выходов главного здания — как часто делал, обставляя прибытие поскромнее. Там и специальная посадочная площадка имелась — для тех, кто наведывался опять-таки без особой огласки.

Прошел в здание, кивая вскочившему дежурному в вестибюле, потом секретарю в приемной. Коридоры против обычного были пусты — в здании осталась только дежурная смена и те, кто был занят неотложными делами, а все остальные старательно надраивали плац.

Усевшись у себя в кабинете под парадным портретом Яны (сама она наедине с ним или близкими друзьями-подругами над этим портретом фыркала и называла его дурацким, но положение обязывает, законы наглядной агитации требуют. Парадных портретов и бюстов Сварога в его королевствах тоже немерено, и никуда от этого не денешься).

Первым делом просмотрел сводку. Не было ничего, требовавшего его немедленного личного вмешательства — разве что пару документов пришлось подмахнуть. И открылся простор для того самого частного расследования.

Он не стал копаться в Библиотеке и секретных архивах в надежде отыскать что-то новое о веральфах, наверняка ничего и не было, Канцлер не стал бы ему лгать. Сосредоточиться следовало в первую очередь на лорде Нольтере — с которым в ближайшее же время следует связаться, но сначала выяснить точно, что это за человек и что свершил, если свершил.

Для чего требовалось всего-навсего, нажав пару клавишей и введя пару-тройку команд, войти в общедоступную Гербовую книгу Геральдической коллегии, в тот раздел, где числятся все ныне живущие. Итак... Лорд Нольтер, герцог Баурен. Двадцати семи лет, холост, сведений о побочных земных детях нет. Лицей, точнее, Коллегиум Пера — то есть гуманитарий чистой воды. Потом... А потом интересно. Полный курс Ремиденума, факультет изящной словесности, судя по датам, в те же годы, что и Леверлин (да, Леверлин...), разве что двумя курсами Леверлина старше. Наверняка были знакомы. После Ремиденума, вернувшись в Империю, нигде не служил, но отнюдь не бездельничал — пять с половиной лет назад выпустил в Ремиденуме книгу «Тени в прибое» (для ученого труда название чересчур вольное, по старой традиции приличный ученый труд должен непременно носить название длиннее, в пару-тройку строк, изломленное высокопробным ученым канцеляритом). И уж никак не диссертация — все они, что бакалавров, что магистров, что профессоров, должны называться по тому же принципу. Так, книга в Библиотеке имеется. Ради экономии времени не стоит извлекать ее саму, достаточно просмотреть рецензии, аннотации и отзывы, благо имеются в большом количестве, пера как земных, так и имперских книжников — и те, и другие обожают писать друг на друга отзывы и рецензии.

Что у нас есть? Как водится, хватает и одобрительных, и ругательных. Но все сходятся в одном: это не научный труд, а документальная беллетристика, не лишенная завлекательности — наподобие книг Гонтора Корча или, скажем, Стювена Амборада. Приверженцы горних высей чистой науки на подобную литературу смотрят свысока и считают таким дешевым чтивом (что в Империи, что на земле), а вот не принадлежащий к ученому миру читатель штудировать с большим удовольствием (что в Империи, что на земле). Так, так... Нольтер три месяца провел на Стагаре, собирал материалы о тамошнем морском колдовстве, глубоко не копал, но вынес на свет Божий немало то забавных, то жутковатых историй, на которые никто до него не наткнулся. В точности как Гонтор Корч или Стювен Амборад. Потом надо будет почитать, когда выпадет свободная минутка — то, что ученые мужи сурово порицают как «поверхностность» и «потакание вкусам неразвитого читателя», обычно являет собой очень увлекательное чтение. Ничего удивительного, что автор такой книги потом отправился в Ратагайскую Пушту к тамошним книжникам и шаманам. Другое странно: что после этого новой книги так и не появилось, да и никакой другой тоже — а ведь, если шаманы его хорошо приняли (Барзай уверял, что хорошо), можно было собрать немало интересного, точно так же в поле зрения книжников прежде не попадавшего — не оттого, что кто-то секретил, а потому, что кому-то лень было копать глубоко, самому отправиться на Стагар или в Пушту, посидеть за стаканом вина в портовой таверне с рыбаками или матросами, за чайком у костра с шаманами.

Странно все же — почему за пять с небольшим лет — ни одной новой книги? «Тени в прибое», судя по датам, Нольтер закончил довольно быстро, за каких-то месяцев пять после возвращения со Стагара.

Ах да, последний снимок... Чем-то неуловимо напоминает Брагерта. Как и у того, на лице написано: парень умный, способный, дельный, но при всем при том изрядный шалопай и ветрогон. Тоже рыжий кстати.

У Сварога осталось стойкое убеждение, что однажды он с этим парнем уже пересекался где-то в реальности. Ломать голову не стоило, все решалось очень просто: Сварог просто-напросто в какой-то квадранс минуты пролистнул свою память, как листают книгу или ведут компьютерный поиск. Теоретически рассуждая, это умение может получить при желании каждый лар — а на практике им пользуются лишь ученые, спецслужбисты и государственные чиновники. Большинству, то есть светским бездельникам, это совершенно ни к чему, разве что некоторые его используют, чтобы составить обширный список анекдотов, светских сплетен или любовных побед во всех деталях — встречаются и такие экземпляры.

Ага! Ну конечно, Ремиденум. Тот день, когда они с Марой впервые там появились в поисках Леверлина. И Сварог, не зная точного адреса, обратился к первому попавшемуся студенту, который никуда не спешил, ни на факультет, ни в кабак — с рассеянным видом подпирал плечом старинный уличный фонарь.

Да, этот рыжий и был Нольтер...

— Граф Леверлин! — воздел он тогда глаза к небу. — Ваша милость, вы, конечно же, не похожи на сердитого кредитора из винной лавки, полицейского насчет вчерашней мочальной бороды, неведомо как выросшей у памятника королеве Боне, но не есть ли вы разгневанный отец благонаправной девицы вкупе с оною?

А Мара деловито осведомилась, не дать ли ему в глаз, заявив: ее, случалось, оскорбляли, но чтобы обзывать благонаправной девицей...

Тогда Нольтер понял, что люди это свои и дал точный адрес Леверлина — а Сварог отблагодарил его золотым ауреом на опохмелку. Тесен мир все же, тесен, так и было. Мара...

Эти воспоминания навели нешуточную тоску, и Сварог, опять-таки при помощи должного умения, отправив их поглубже в пучины сознания, вывел на экран номера видеофонов манора Нольтера.

Собственно говоря, таковой был один — судя по сопровождавшему его значку, принадлежавший дворецкому. Ничего удивительного: многие с достижением определенного возраста убирают свои личные номера из общего доступа, давая их только хорошим знакомым и близким друзьям. Тем более что в последнее время среди юнцов и девиц распространилась очередная глупая мода: блуждать по незнакомым личным номерам наугад в расчете на какое-нибудь интересное приключение или знакомство. Буквально две недели назад Яне пришлось одно такое интересное приключение разруливать: ветреная графинечка четырнадцати годков от роду таким вот образом наткнулась на сорокалетнего маркиза, известного дворцового потаскуна, тот моментально ухватил шанс, врубил все нешуточное обаяние — и парочка стала крутить вполне взрослую любовь. Кончилось все дуэлью маркиза со старшим братом девчонки, после которой медики маркиза штопали долго и старательно, да вдобавок жалобой отца-графа на высочайшее имя с требованием привлечь маркиза к ответу за соращение несовершеннолетних. И быть бы маркизу ушибленным именным указом Яны с требованием покинуть двор «на все время нашего правления» (обычная практика для таких случаев), но, к его счастью, ветреная девчонка впервые оказалась в его постели, когда ей стукнуло четырнадцать годочков и две недели — а совершеннолетием здесь (как и на земле) считались четырнадцать. Что, заметим в скобках, маркиза от дальнейших житейских сложностей вряд ли избавит: тот самый старший брат графинечки и двое двоюродных публично пообещали маркизу устроить веселую жизнь, заверив, что из дуэлей он теперь не вылезет — если только сам благоразумно не уберется на Сильвану и носу оттуда казать не будет...

На экране появился типичнейший дворецкий — импозантен и вальяжен, как дипломат или королевский церемониймейстер, благообразно непроницаемое

лицо обрамлено роскошными бакенбардами, непрерывной принадлежностью дворецкого, что в небесах, что на земле.

Видимо, он с первого взгляда опознал в Свароге лара — трудненько было бы не опознать, Сварог, как всегда на службе, пребывал в повседневном генеральском мундире, антланцам генеральские чины не положены, да и для гражданских есть не такой уж высокий потолок. Особым, свойственным, пожалуй, только дворецким, неподражаемым жестом склонил голову:

— Ваше небесное великолепие, господин генерал. Каттанет Тридцать первый, к вашим услугам...

— Лорд Сварог, граф Гэйр, — представился Сварог согласно этикету. — Любезный Каттанет, я хотел бы поговорить с лордом Нольтером.

На непроницаемо-благообразном лице на миг мелькнуло что-то непонятное:

— Боюсь, это невозможно, милорд...

— Герцога нет в маноре? — спросил Сварог.

Не мог же он умереть за те пару минут, что Сварог перестал просматривать страничку в Гербовой книге? Даже если и так, сведения об этом попали бы туда только через несколько часов...

— Милорд, герцога в о о б щ е нет в Империи. Его сиятельство пропал без вести на земле пять с лишним лет назад. О его судьбе до сих пор ничего не известно. Завершились поиски каким бы то ни было результатом, меня непременно поставили бы в известность, но этого до сегодняшнего дня так и не произошло...

Ну вот что можно было сказать в такой ситуации? Только то, что Сварог и сказал:

— Благодарю вас, любезный Каттанет. Я прощаюсь.

И отключился. Откинулся на спинку кресла, закурил, потом, не особенно и раздумывая, достал бутылку «Старого дуба» (комендант всегда ретиво заботился о бутылках в его шкафчике) и налил себе добрую стопку. В самом деле, испытанное средство в таких вот ситуациях. Когда есть над чем подумать.

Лары пропадали на земле без вести, конечно, не каждый месяц, но и чем-то уникальным такие исчезновения никак нельзя назвать. Бывает. За те годы, что восьмым департаментом руководил Сварог, таковых насчитывалось одиннадцать — десять мужчин и одна женщина. Поисками в таких случаях как раз и занимался один из отделов восьмого департамента, и по неписаному закону об отчетности любая информация по этим делам, пусть даже пустяковейшая, стояла на первом месте и докладывалась непосредственно Сварогу — речь как-никак шла о Высоких Господах Небес, чьи интересы превыше всего. Поиски непременно идут безостановочно — из тех же соображений. Пусть не удастся отыскать ни малейших следов — но группа, работающая по делу, продолжает заниматься исключительно этим.

Речь всегда шла об азартных авантюристах вроде Орка — как и Орк, по прибытии на землю никогда не регистрировавшихся в канцелярии наместника. А потому и искать было гораздо труднее — сплошь и рядом поиски начинались слишком поздно. Четырех — точнее, их останки — найти все же удалось, удалось даже разыскать убийц — в двух случаях это были завсегдатаи низкопробных притонов, по которым на свою голову любили шляться покойные в поисках сомнительных удовольствий. Причем оба раза «ночные портняжки» и не подозревали, к о м у всадили нож в спину, полагая, что наткнулись на очередного «фаршированного гуся», сиречь денежного лоха (какими оба покойника, собственно, и были). Третий оказался искателем кладов. Та компания отпетых мореходов, к которой он прибил, богатый клад на одном из островов в глубине Инбер Колбта таки нашла — иные карты кладов оказываются верными, подлинными, надежными. Вот только очень часто после находки ожесточенная дележка начинается тут же, с помощью холодняка и огнестрела — что и в данном случае произошло, число пайщиков-концессионеров враз сократилось на две трети, причем под

сокращение попал и прилетевший из-за облаков искатель приключений. Четвертый в компании отпетых молодчиков отправился в Иллюзор искать один из черных кладов короля Шелориса. Что там с ними произошло, так и останется неизвестным — но резни между ними на сей раз явно не случилось, они погибли как-то иначе, все семеро, по заверению исследовавших скелеты экспертов. Темная история, предельно загадочная, до сих пор висящая гирей на шее всех имперских спецслужб...

Что до остальных семерых — в их случае только касательно трех удалось найти не более чем с л е д ы — четкие, но открывавшиеся в никуда. Двое, с огромной долей вероятности, тоже подвернулись под руку «ночным портняжкам» — но не обнаружили ни виновников, ни останков. Третья, молодая баронесса, по уши влюбилась в ронерского дворянина старинного рода, но без гроша в кармане или клочка земли, изрядного авантюриста (впрочем, чуравшегося т я ж е л о й уголовщины) — и парочка словно в воздухе растаяла.

О четырех — ни слуху, ни духу, ни версий, ни тени версии, ни следа, ни намек на след... Стоп!

Сварог никогда не держал в б л и з к о й памяти имена этих одиннадцати — у него были более важные дела, считал он всегда со здоровым житейским цинизмом (точнее, по менталитету опытного полицейского, каким он, пожалуй, уже мог считаться). Никто никогда об этом не говорил вслух, но стоявшее на пару ступенек ниже него начальство восьмого департамента, по некоторым вполне достоверным данным, придерживалось той же точки зрения. Согласно тому же менталитету.

Стоп! Когда исчез Нольтер, Сварог у ж е руководил восьмым департаментом — хотя определенно недолго. Значит... А ни черта это не значит! Просмотрел в свое время документы — и отложил в долгий ящик, к остальным. Как со всеми одиннадцатью поступил. Никакой промашки или упущения по службе — вводивший его в свое время в курс дела генерал Гаури откровенно намекал, что и Гаудин поступал в точности так же. Потому

что, употребляя термин того мира, из которого Сварог пришел, речь шла о зауряднейшей б ы т о в у х е: никто из одиннадцати не интересовал ни одну спецслужбу при любой погоде, исчезновение всех не было связано с чем-то на земле, требовавшим о с о б о г о интереса означенных спецслужб.

В с е х?

Сварог ощутил себя гончаком, унюхавшим в спокойном лесном воздухе след волка или кабана. Или другого какого зверя. В общем, гончаком на тропе. Нольтер интересовался в первую очередь Белой Волчицей, если верить Барзаю — повелительницей веральфов. А почему бы Барзаю и не верить? И Нольтер пропал без вести. Совпадение или нет? А если нет? Если вспомнить реверена Гонзака и Гонтора Корча, о судьбе которых ничего конкретного неизвестно, но уже нельзя сомневаться, что оба наткнулись на тайны, которые сплошь и рядом убивают?

Паранойя, скажете вы? Говорите, кто ж вам мешает. Но для Сварога эта версия станет паранойей не раньше, чем твердо будет доказано обратное. Твердо, неопровержимо, железно. А пока — пляшет сердце по-за ребрами гопака... Любой опытный полицейский вам скажет, что интуиция и чутье в его нелегком и грязном ремесле играют огромную роль. Чтобы далеко не уходить, Интагара спросите...

Дальше было в чем-то совсем просто. Давно научившийся обращаться с архивами и текущими делами восьмого департамента, он очень быстро, даже не используя свои т я ж е л ы е коды, вывел на компьютер «дело Нольтера». Невеликое и небогатое, как еще три из одиннадцати. Процент девяносто информации относилось к первым после исчезновения месяцам (с остальными тремя обстояло, кстати, точно так же).

Точная дата, когда случилась п р о п а ж а, неизвестна. Разброс от нескольких дней до месяца. Он никогда не пропускал день рождения матери — но впервые не появился на очередном празднестве. Матушка, впро-

чем, забеспокоилась только через неделю — день в день с некоей молодой маркизой, с которой Нольтер, деликатно скажем, дружил в Империи и к назначенному числу не явился на свидание — чего, по словам маркизы, с ним никогда прежде не случалось. Обе женщины обратились в восьмой департамент — они знали, что Нольтер на земле. Тогда только и закрутилось...

Почему он не зарегистрировался в канцелярии Наместника в Снольдере, хотя всегда это делал по прибытии на землю (и при поездке на Стагар тоже)? Решительно непонятно. Единственный из одиннадцати, он занимался, можно сказать, респектабельным делом — не клады искал, собирал материал для очередной книги. Причем книги, не касавшейся никаких тем, числившихся в спецслужбах запретными для изучения как обитателями земли, так и ларами. Нажимаем пару клавишей, проводим короткий поиск... Нет Белой Волчицы в «Индексе запретных тем» — зато вот она, в одной из многочисленных энциклопедий доступной всем и каждому Библиотеки — короткая, как многие похожие, статейка, в переводе на печатную страницу — не более четверти, столько обычно и отводится всему малозначительному, третьестепенному, интересному лишь узким, как пролив Фойтер, специалистам...

Так, теперь розыскное дело...

Нольтер был персоной не значимой — всего-навсего обычный молодой гуманитарий, известный лишь одной-единственной книжкой, с научной точки зрения весьма легковесной. К тому же нигде не служил. Так что поиски проходили стандартно, рутинно — группу полевых агентов отправили в Гайлат, последний ратагайский город, откуда Нольтер связывался с матерью и своей девушкой.

Городов у ратагайцев дюжины три. Еще в те самые пресловутые «незапамятные времена», фигурирующие этаким абстракцией в сказках и легендах, два рода, Золотые Подковы и Лазоревые Перья, по неизвестным до сих пор историкам причинам полностью перешли на

городской образ жизни. Занялись ремеслами и торговлей, некоторые даже садоводством и огородничеством (но пахать и сеять не стал никто из них — у ратагайцев до сих пор считается неприличным для мужчины занятием хлеборобство).

Кстати, в те же времена (якобы) два обитавших неподалеку от морского побережья рода, Белые Плащи и Желтые Уздечки, по тем же непонятным причинам целиком подались в моряки и рыбаки, основав на берегу полдюжины городов и десятка три поселков.

Где город, там и полиция. Каковая имелаась и в ратагайских городах. Правда, криминальная обстановка была гораздо здоровее, чем по всему остальному Талару — из-за той самой специфики, по которой — все уроженцы Пушты друг другу родня, пусть даже в степени «нашему слесарю двоюродный забор». Так что, обворовывая чей-то дом или грабя запоздавшего прохожего, всегда можно нарваться если не на дальнего родственника, то на старинную кровную месть семьи. Хотя выродки, ни в грош не ставящие традиции и уклады, имеются везде.

Довольно быстро с помощью местной полиции агенты установили, что Нольтер в городе прожил три недели, снимал комнату в таверне «Конь и вольный ветер», как постоялец нареканий не вызывал, пил тихо и культурно (в кабачке при таверне, правда, сиживал вечерами, но свою меру знал и в буйствах не замечен). Пару раз на день-другой ездил в Пушту, для чего нанимал коня у хозяина таверны (куда конкретно и к кому, хозяин согласно этикету не расспрашивал). Много времени провел в городской библиотеке при ратуше.

Гайлат среди прочих ратагайских городов считался самым «ученым» — там, кроме обычных школ и ремесленных училищ, имелся еще выездной коллегium одного из снольдерских университетов. Таких «филиальчиков» хватало в провинции всех таларских королевств, главная задача в том, чтобы выискивать среди юных грамотеев перспективные и многообещающие

кадры. Что удавалось не так уж редко. Ну, а постоянное присутствие некоторого числа ученых столичных людей давным-давно привело к тому, что какой-то хваткий трактирщик, вовремя ухватив конъюнктуру, создал существующую и ныне таверну «Сова учености», своеобразный клуб, где собирались ученые, книжники и люди со схожими интересами. Нольтер и там бывал пару раз, но, по отзывам постоянных посетителей, ничем особенным не интересовался — так предпочитал поболтать о мелочах и пропустить стаканчик-другой в кругу своего рода собратьев по ремеслу, чем среди обычных посетителей «Коня и вольного ветра».

Помянутая библиотека была самой большой в Пуш-те — сотни три книг и рукописей, по тамошним меркам нешуточный очаг культуры. Вот там Нольтер по несколько часов сидел практически ежедневно — но ничем конкретным вроде бы не интересовался, просто методично изучал полки, на которых имелось немало раритетов.

Барзай ясно говорил, что Нольтер не один раз встречался с его дальним родственником, молодым гайлатским книжником, — но агенты восьмого департамента, судя по всему, на этот контакт Нольтера не вышли — в отчете не просто не было имени книжника, он вообще не упоминался.

Последняя конкретная информация, извлеченная из бумаг одной из пароходных компаний, гласила: в такой-то день такого-то года Нольтер в конторе означенного пароходства приобрел билет «дворянского» класса на пароход «Дева озера», идущий в Равену с шестью остановками в крупных городах, в том числе и Латеране. Билет приобрел до Равены.

Вот и все. Далее, как выражаются таларские сыщи-ки, «клок тумана» (здесьшний аналог понятиям «глухарь» и «висяк»). «Дева озера» очередной рейс привычным маршрутом завершила благополучно, без малейших происшествий. Вот только после выхода из конторы пароходства Нольтер словно бы раство-

ряется в воздухе. Нельзя даже быть уверенным, что он вообще поднялся на пароход. В конторе пароходства заносят в особую книгу имя пассажира, все данные его билета — и, с особенным прилежанием, полученную плату. На этом всякая отчетность кончается — что Сварог и сам прекрасно помнил по временам его путешествия с Марой в Равену на «Морском короле». Билеты придирчиво проверяют при посадке (их давным-давно научились подделывать, как любые другие бумаги, дабы пропутешествовать на халяву в роскошных условиях «дворянского» класса). И это — все. Никто на корабле не записывает имен сошедших на берег или поднявшихся на борт в очередном порту — всю эту канцелярщину оставляют береговым конторам. При желании любой пассажир может сойти в любом месте стоянки, гораздо раньше указанного в билете пункта назначения. Капитану просто-напросто доложат, что из такой-то каюты улетучился пассажир. Капитан пожмет плечами, скажет: «Его дело» — и пароход поплывет дальше. Тревогу поднимут только в том случае, если вдруг обнаружатся явные признаки преступления или самоубийства — скажем, пассажир пропал, а его багаж остался в неприкосновенности. Или пассажир исчез, но в его вещах явно рылся кто-то посторонний. Или обнаружатся следы крови. На каждом большом пароходе есть «корабельный полицейский», нечто вроде классического «детектива отеля» из американских детективов. Представитель этой достойной профессии с «Девы озера» был допрошен, но толку от него не оказалось никакого: если Нольтер и был на борту, он сыщику ничем не запомнился. К тому же оказалось, что за время рейса ни один пассажир ни в одном из промежуточных портов не покидал судно без предупреждения, оставив пустую каюту.

Поиски в шести портах стоянки и в Равене ничего не принесли, что было ясно с самого начала, — нет ни следов, ни зацепок. Был человек — и не стало человека...

Этот активный период следствия занял месяца три. А на протяжении пяти без малого лет царило сонное спокойствие. Нольтера внесли в соответствующие ориентировки, дававшиеся агентам на местах, — чем и ограничились. И никого не следовало за это упрекать — а что еще можно было сделать? Не заговорщик, не беглый каторжник, не преступник в розыске, обычный, ничем не примечательный, не нарушавший законов человек — таких, Сварог знал по опыту, искать труднее всего, практически нереально...

Познакомившись с тощеньким розыскным делом, состоявшим в основном из всевозможных проникнутых пессимизмом коротких справок (он немало таких успел изучить), Сварог, поразмыслив совсем недолго, все же отыскал, вполне возможно, полезную зацепку. В отличие от работавших тогда в Гайлате агентов он-то прекрасно знал имя гайлатского книжника, много общавшегося с Нольтером. Он и сейчас должен обитать в Гайлате — молод, Барзай говорил о нем, как о живом. Так что стоит нацелить на него руководителя поисковой группы — он сейчас наверняка по уши в других делах, но подобные случаи — исчезновение на земле благородного лара — срока давности не имеют, в архив не списываются, так и остаются «на балансе», пусть и в дальнем уголке компьютерной памяти, заменяющей дальнюю полку канцелярского шкафа былых времен. Нужно послать кого-нибудь в Гайлат. Вряд ли это наведет на след — но на страничку-другую досье увеличит. Вообще-то и Барзай в списке контактов Нольтера не числился — но Сварог собирался заниматься им сам и впредь, не передоверяя это департаментской мелюзге...

Вот уж как найти конкретного чиновника в своем департаменте, его не нужно было учить. За полминуты справился. Чиновник, разумеется, был на месте, как и подобает исправному служаке в середине рабочего дня (к тому же за эти пять лет он приподнялся по служебной лестнице настолько, чтобы самому без особой необходимости не отправляться в поле).

— Лорд Сварог, канцелярии инспектор граф Теруэйн...

Это было как удар «под душу». Не просто безмерно удивило — ошарашило. Но продолжалось пару мгновений — Сварог ничуть не растерялся и моментально врубил королевско-спецслужбистское умение быть непроницаемым, бесстрастным. Которое дается не магией, а жизненным опытом...

Его голос звучал совершенно спокойно:

— Здравствуйте, граф. У меня к вам небольшое дело...

— К вашим услугам, лорд Сварог.

Прозвучало это п р а в и л ь н о — без тени подобирастия, но с готовностью исполнить любое поручение. Ничем особенно не примечательный человек лет сорока на вид, если брать земные мерки, не красавец, но и не урод, лицо достаточно заурядное и неприметное, каким и надлежит обладать хорошему полевому агенту (с чего граф и начинал). Очень похоже, охватившей Сварога секундной оторопи он не заметил. Канцелярии инспектор — невелик чин, примерно соответствует армейскому капитану, а во время поисков Нольтера был гражданским лейтенантом, но в этом нет ничего странного: розыск людей калибра Нольтера как раз ведут не генералы и не полковники. Словом, можно бы считать, что все в порядке, но...

Перед Сварогом был веральф.

Все в точности так, как описал Барзай: выглядит самым обыкновенным человеком, вот только слабо светящаяся, бледно-голубая линия, начинаясь от середины плеч, очерчивает над головой нечто вроде высокого капюшона с закругленным, но не острым верхом и высокими ушами, крайне смахивающими на волчьи...

— Лорд Сварог? — уже чуточку вопросительно произнес человек по ту сторону экрана.

Приходилось перестраивать разговор полностью, с ходу выдумать что-то новое... Ага!

— У нас тут легонькие хлопоты, — сказал Сварог, чутьчку поморщившись, как и подобает большому начальнику, вынужденному отвлекаться на ненужные ему мелочи. — Пустяковые, но тем не менее... Это по поводу лорда Нольтера. Вы ведь в свое время руководили поисковой группой?

— Да, конечно. Но все поиски...

— Я знаю, — перебил Сварог. — Только что просмотрел розыскное дело. Видите ли, его почтенная матушка развила бурную деятельность. Бывает в подобных случаях, вы не хуже меня знаете... Никак не может поверить, что наши спецслужбы не в состоянии до сих пор отыскать ее сына. И не предпринимают к тому никаких усилий. Ну, та самая классическая логика непрофессионала, с которой вы тоже знакомы не хуже меня. Им вечно кажется: если бы на поиски бросили человек сто и послали бы целые эскадры орбиталов, поиски быстро увенчались бы успехом. И никак им не объяснишь, что порой единственный агент добивается успеха там, где бессильны сто человек и куча техники. Я ей чисто по-человечески сочувствую, но что же делать... Она уже была у Канцлера, у его высочества Диамер-Сонирила, в завершение, как и следовало ожидать, явилась ко мне. Пустяковые, но хлопоты... Не хотелось бы мне, чтобы она обращалась и к императрице, а этого вполне можно ожидать...

— Лорд Колланд? — скорее утвердительно произнес собеседник.

— Молодчина, — сказал Сварог, найдя в себе силы для доброжелательной улыбки. — Ну конечно же, Колланд...

Насчет герцогини он выдумал только что, никуда и ни к кому она не обращалась (что проверить этой твари не по рангу), но похожие случаи и в самом деле раньше бывали, родители и родственники пропавших без вести никак не могли смириться с бессилием восьмого департамента, заявлялись в высокие кабинеты, пару раз Яне прошения подавали — точнее, плохо замаскированные жалобы. Для таких случаев в качестве палочки-

выручалочки давно уже использовали лорда Колланда — виртуоз пера, мастер человеческой души. Если называть вещи своими именами, он всякий раз составлял не более чем отписки — но обширные, изложенные отнюдь не сухим канцелярским языком, этикие мини-трактаты, исполненные сочувствия и сожаления оттого, что сделать ничего невозможно. В изящных оборотах объяснял, почему поиски оказались бесполезны, почему «сотня агентов и туча орбиталов» точно так же окажутся бессильны. С душой писал человек. Еще случая не было, чтобы получившие его послание появлялись вторично.

— Конечно же, Колланд, — повторил Сварог. — Я с ним немедленно свяжусь, и он, как водится, запросит у вас розыскное дело, имейте в виду.

— Я все понял, лорд Сварог. Будет исполнено.

— Удачи, — сказал Сварог и отключился.

Откинувшись на спинку кресла, прикрыв глаза, старательно изгонял нешуточное возбуждение и особенно — бурную жажду деятельности. Душа просила жестких и немедленных действий: ударить по клавишам, объявить боевую тревогу, поднять в ружье кого-то, а еще лучше всех, кого только возможно, связаться с Канцлером, а то и с Яной...

В конце концов он эту яростную жажду действий поборол. Обдумав все трезво, понял, что ничего предпринимать не следует, потому что сделать он не способен и ч е г о. А то, что он сделать может, ровным счетом ничему не поможет. Сейчас. Пока он знает одно: веральфы и в самом деле существуют и даже, никем не узнанные и не выявленные, пребывают в Империи. Глупо думать, что эта тварь — уникам.

Окончательно приведя себя в состояние спокойной, жесткой деловитости, он нажал клавишу:

— Где сейчас Брагерт?

— На территории, господин директор, — ответил секретарь (слава Богу, не веральф!). — Примерно через квадранс собирается вылететь на землю согласно вашему приказу.

— Приказ чуточку меняется, — сказал Сварог. — Брагерта — немедленно ко мне на дополнительный инструктаж. Сколько у нас на дежурстве полевых агентов?

— Полная дежурная смена, пять человек.

— Троиш ко мне вместе с Брагертом, — распорядился Сварог.

И отключился, не дожидаясь бравого «Будет исполнено!» — и так знал, что секретарь все в точности исполнит.

Словами не передать, как он был благодарен Барзаю. Чуть-чуть не отправил с Брагертом Теруэйна, а чем это кончилось бы, остается только гадать. Быть может, кончиться могло совсем скверно. Бесследно исчезает человек, отправившийся на землю исключительно затем, чтобы разузнать все, что только удастся, о Белой Волчице, царице веральфов — и его поиски (безуспешные!) ведет как раз веральф. В совпадения что-то не верится. И если уж так обернулись дела, нужно немедленно подумать и о Барзае...

Он не чувствовал ни острой тревоги, ни растерянности. И уж никак не считал себя побежденным — схватка (а она неизбежна) просто-напросто еще и не началась. Главное, он убедился, что след реален, и вышел на этот след. А это сейчас многое значило...

МЕЛОДИЧНЫЙ ЗВОН СЕРЕБРА

— Сначала — бубенчики, — нетерпеливо сказал Сварог.

— Вот все, что у него было...

Брагерт выложил на стол три мелодично звякнувших шарика на длинных полосатых черно-бело-рыжих шнурках, сразу видно, плетеных из конского волоса. Сварог повертел в пальцах один, слушая все то же позвякивание. «Волчий бубенчик» величиной с крупный лесной орех, шарик с крестообразной прорезью на боку и круглым ушком. Тяжелый, совершенно черного цвета. Судя по весу и этой черноте — серебро, и очень старое, давным-давно сплошь покрывшееся патиной. А вот шнурки выглядят новехонькими, словно волосы для них надергали из конских хвостов если не сегодня, то вчера.

— Барзай говорит, вы сами все знаете, командир.

Сварог молча кивнул.

— Он только еще добавил, что чистить бубенчики ни в коем случае не следует, они должны оставаться, какими были. И добавил: возможно, они не просто зазвонят, а разбудят — мол, иногда случалось и такое. Но не ручается, что они могут о т о г н а т ь, говорит, такого раньше не бывало.

Как ни пытался рыжий ветрогон это скрыть, он сгорал от любопытства — наверное, как любой на его месте. Сварог усмехнулся:

— Брагерт, вы все узнаете. Когда придет время.. Без вас не обойдется. Надеюсь, сумеете потерпеть?

— Я все-таки не мальчишка, командир... Все понимаю.

— Вот и отлично, — проворчал Сварог. — А что с остальным?

Брагерт моментально стал серьезным, исчезли все эмоции, не имеющие отношения к делу. Тоже повзрослел в каком-то смысле, — подумал Сварог. Что ж, со мной быстро повзрослеешь...

— А что с остальным? — переспросил Сварог.

— Хозяин «Коня и вольного ветра» умер два года назад. Сын с дочерью трактирным делом заниматься не собирались и заведение продали. Новый хозяин Нольтера знать не знает — он два с лишним года назад переехал из другого города, так что прежде они встречаться не могли. Зато все трактирные слуги на месте, за исключением двух умерших — основательное ремесло, знаете ли, если условия подходят, за место годами держатся... Сначала они Нольтера не вспоминали, твердили, в общем, логично: столько народу проходит, несмотря на то, что заведение специфическое, для определенного круга людей. Я им тогда немножко освежил память «заклятием зеленого листа» — уж такие-то мелочи любой оперативник знает... Вспомнили. Все четверо показали одно и то же: Нольтер у них сидел почти каждый вечер — всегда в компании столичного книжника из Словия Сова — и описали его довольно выразительно.

Вот так, подумал Сварог. Сидел почти каждый вечер в компании одного конкретного человека. А в отчете Теруэйна значится нечто совершенно противоположное: сидел в кабачке всего пару раз, общался всякий раз с другими людьми.

— Мои парни отправились в «выездной коллегийум», — продолжал Брагерт, повинувшись жесту Сварога. — Там еще остались несколько человек со времен

Нольтера. И по описанию быстро определили, о ком идет речь: некий мэтр Касадай. Увы, он умер через пару недель после исчезновения Нольтера. Сердечный приступ. Вдова с детьми вернулась в Снольдер, и хоронить мужа в «этой глуши» не стала — увезла тело в свинцовом гробу в столицу. Касадай из дворян, маркиз, у них на одном из снольдерских кладбищ фамильный склеп...

— Так, — сказал Сварог чтобы хоть что-нибудь сказать. — А что с тем молодым книжником, с которым часто общался Нольтер?

— Нашли очень быстро, — сказал Брагерт. — После визита наших в «выездной коллегиум». Там его хорошо знали, знали, что он общается с Нольтером. Мэтр Баката. — Что-то голос у него был не особенно веселый. — Только вот ведь незадача, командир... Он погиб примерно через две недели после исчезновения Нольтера. Укусила бродячая собака в переулке, он не придавал значения, только сходил к лекарю перевязать ногу. А собака оказалась бешеной. Лекарства от бешенства, если помните, на земле нет. Конечно, в некоторых случаях, когда речь идет о каком-то нужном человеке, мы вмешиваемся — но после того, как получим соответствующий запрос. А никакого запроса не было...

Почему же тогда Барзай говорил о нем как о живом?

— Погодите минутку, Брагерт, — сказал Сварог.

И быстренько пролистал в памяти разговоры с шаманом. Нет, он ошибся. Шаман не говорил о дальнем родственнике как о живом. И не говорил, что тот мертв. Он просто-напросто у п о м и н а л о нем, без всяких уточнений, жив тот или мертв, — а остальное Сварог домыслил...

— И дальше?

— Ну, похоронили, а что же еще? Бешеная собака — явление нередкое. Когда все обнаружилось, полицейские ее искали, чтобы пристрелить, да и горожане были настороже. Но никто не знал, как она выглядела. Во всяком случае, больше она не появлялась — следующий бешеный пес в Гайлате объявился лишь через

год с лишним и выглядел так, что его сразу пристукнули... В общем, отработали все следы, на которые вы указывали. Увы, с начальником полиции поговорить не удалось.

Сварог криво улыбнулся:

— Брагерт, я сейчас, кажется, проявлю сверхчеловеческую проницательность... Уж не умер ли начальник полиции вскоре после исчезновения Нольтера?

— Именно, — сказал Брагерт без всякого удивления. — Недели через три. От удара. Ну, вы же знаете — земные медики под «удар» подверстывают и инфаркт, и инсульт. Медика мы нашли — ради вящей скрупулезности. Судя по тому, что узнали, скорее всего, именно инсульт — мужик был крупный, полнокровный, до того несколько раз жаловался на боли в голове, а однажды нога ненадолго отнималась. Так что перед тем, как идти к вам с отчетом, я проконсультировался с нашим врачом. Он сказал: гораздо более вероятен инсульт, чем инфаркт.

— Похоронили в городе?

— Конечно. Он местный, семейство там обитает с давних времен. Вот, собственно, и все.

— Понятно... Сколько вам и вашим ребятам потребовалось времени на полное расследование?

— Дайте прикинуть... Трактирные слуги нам все рассказали об этом мэтре Касадае уже примерно через час общения. Еще час с лишним ушел на «выездной коллегийум». Примерно столько же — на выяснение судьбы мэтра Бакаты. Меньше часа — на начальника полиции.

Часа четыре, быстренько прикинул Сварог. А вот Теруэйн, мастер своего ремесла, за три недели ничего отдаленно похожего не добился. Мало того, кое-что скрыл, а о трех смертях вообще умолчал. А ведь агенты у него были не из растяп — на розыски пропавших ларов не посылают растяп и новичков. Это опять-таки не совпадение и даже не след — это у л и к а... Бог ты мой, он же все там тщательно з а ч и с т и л! Оборвал все ниточки. Что до бешеной собаки... Известно же: не

то что Белая Волчица, с которой многое еще неясно, но и любой деревенский колдун, имеющий дело с волками, любой «волчий пастырь» способен легко и собаками управлять. И бешеную подогнать в два счета, лишь бы оказалась в пределах досягаемости у м е н я. На памяти Сварога такого не случалось, не было донесений откуда бы то ни было, «волчьи пастыри» помаленьку исчезают, как и другие р а з н о в и д н о с т и, — но в бумагах отца Алкеса есть материалы о людях, в старые времена отправленных на костер именно за такие проделки...

— Ну что же... — протянул Сварог. — Брагерт, у вас есть сейчас на шее что-нибудь серьезное, где без вас не обойдутся?

— Да нет. Только всякая рутина на Той Стороне.

— Отлично, — сказал Сварог. — Всю рутину побоку. Считайте, что я только что создал новую опергруппу и назначил вас ее начальником. Людей подберете по потребности, сколько понадобится. Техника — любая, опять-таки сколько понадобится. В общем, категория «Белый ноль». Берите только наших, из девятого стола. Задачи... Задачи не такие уж сложные. Нынче же ночью в лепешку разбейтесь, но в совершеннейшей тайне проведите три эксгумации. Детали уточнять?

— Не нужно, — сказал Брагерт. — Мэтр Касадай в Снольдере, мэтр Баката и начальник полиции Талерам — в Гайлате. Не такой ребус... Потом, конечно, провести анализы?

— Какие только возможно, — сказал Сварог. — Пусть наши эксперты проделают все, на что способны. Сейчас еще вечер. К рассвету все должно быть завершено, могилам выглядеть ненарушенными. И еще. Прежде отправьте к Барзаю парочку телохранителей. Помоложе, под видом очередных учеников. Пусть ни на шаг не отходят.

— А если заартачится? Своеобразный старичок...

— Я с ним поговорю нынче же, — сказал Сварог. — Думаю, удастся убедить.

— Чего им опасаться? Чего-то магического или вульгарной стрелы в спину?

— Честное слово, не знаю, — сказал Сварог. — А потому пусть на всякий случай опасаются в с е г о. По этой именно причине подберите не антланцев, а ларов. Которые сумеют защитить не только от стрелы или ножа в спину, но и от магического воздействия...

(В рамках н а ш и х умений, мысленно уточнил он исключительно для себя. У п р о т и в н и к а могут найтись и умения, против которых мы бессильны, но что уж тут подделаешь, главное — сделать все что в наших силах...)

— Может быть, Родрика привлечь? — спросил Брагерт. — Он сейчас в некотором простое, откровенно скучает. А такие дела он любит... и, что важнее, кое-какая практика имеется.

— Пусть будет Родрик, — кивнул Сварог. — Он парень хваткий. Ну, и второй — по вашему усмотрению, займитесь этим немедленно. А потом — ночная операция. Тут нам нужны чистой воды исполнители, так что берите любого подходящего... Все ясно?

— Конечно, командир. Разрешите идти?

— Идите, — сказал Сварог.

Брагерт встал из-за стола, но задержался на несколько секунд — ну конечно, в глазах опять зажглось неутолимое любопытство.

— Идите, — сказал Сварог без раздражения. — Я же сказал: когда следствие достигнет определенной стадии, вы одним из первых все узнаете. Пошевеливайтесь! Да, чуть не забыл! Родрик и второй, которого вы подберете, перед вылетом должны явиться ко мне для инструктажа. И все, кого вы отберете для... ночных дел — тоже. Вот теперь идите.

Любопытство в глазах Брагерта сменилось легким удивлением — ситуация и в самом деле была нестандартная. Крайне редко начальство полета Сварога зовет перед операцией на инструктаж всех рядовых участников, обычно это передоверяется руководителю группы.

Но так уж карта легла — Сварог должен был быть совершенно уверен, что среди отправленных на землю оперативников не затешется веральф. В интересах дела следует проверить и Родрика, надежнейшего парня. Тот случай, когда подозревать нужно всех, кроме себя. Ну, и конечно, тех, касаясь кого он уже знал, что они не веральфы — Брагерт, секретарь, еще несколько человек в Империи и на земле. И ведь нужно обязательно что-то придумать, чтобы проверить как можно больше людей. Проще всего с девятым столом — через три дня, на том самом торжественном юбилейном параде с участием Яны присутствовать будут все до единого. Нужно пораскинуть мозгами и придумать и для Империи, и для земли схожие массовые скопления людей. Никакая аппаратура тут не поможет — чтобы опознать веральфа, Сварог должен увидеть его своими глазами, и никак иначе...

Правда, было у этого умения одно полезное качество... Есть некоторое число умений и заклинаний (не особенно большое), которое любой владеющий ими может передать другому так же просто, как передать тарелку за столом — ну, разумеется, не простым прикосновением руки, нужно еще кое-что сопутствующее. Главное и единственное условие — тот, кому ты это передаешь, должен быть моложе тебя, иначе ничего не получится, да и тебя самого постигнут ощущения, переводя в область чисто физических категорий, сродни хорошему удару по скуле.

Умение видеть веральфов как раз из таких. Сварог давно уже собирался им поделиться — но, конечно, не раздавать направо-налево, как милостыню нищим в торжественный день, ограничиться несколькими ближайшими сподвижниками... и Яной, разумеется. Кто знает, где ей может попасться веральф, как совершенно неожиданно попался Сварогу в родном департаменте? Гаржаку, быть может. Канцлеру с Интагаром это умение тоже не помешало бы, но оба значительно старше Сварога, так что ничего не получится, а жаль...

Он зажал в пальцах все три трехцветных шнура из конского волоса и поднял бубенчики над столом. Они тихонько звякнули и умолкли. По какому-то мальчишескому побуждению захотелось ими позвенеть, но Сварог без труда сдержался: подобным вещам присущи самые разнообразные к а п р и з ы, Барзай ни о чем таком не предупреждал, но вдруг бубенчики не любят, когда их используют в качестве вульгарной забавы, впустую, как ребенок — погремушку? Он давно уже научился кое к чему относиться с уважением...

Положил бубенчики в боковой карман мундира, взял фуражку и вышел из кабинета. Путь до посадочной площадки оказался на свой лад благостным — и секретарь с комендантом, и дежурный веральфами не были (ну, это стало ясно, как только Сварог сегодня прилетел сюда), ни с полдюжины попавшихся навстречу сотрудников. Что вовсе не означало, что веральфы не просочились и к нему, как просочились в восьмой департамент, — Сварог ведь не разглядывал в с е х. Ничего, насчет девятого стола все выяснится во время парада. Веральфов среди людей обитает м н о г о, Барзай говорил — а после некоторых событий Барзаю Сварог верил всецело...

...Он постоял у роскошного королевского ложа, в слабеньком сиреневом свете почти притушенного карбамильского ночника разглядывая Яну. Она спала на спине, лицо спокойное, даже легкая улыбка на губах. Посмотрел вверх, туда, где в складках балдахина, на высоте локтей двух спрятал привязанные к серебряному кольцу бубенчики. Пустяковая задача для любого короля, у которого руки растут не из афедрона — проколоть шилом дырочку, примотать кольцо серебряной провололочкой...

Он не сомневался: если вновь придет в о л ч и й сон (а других с определенного времени и не бывало, исключая проведенную в Хелльстаде ночь), бубенчики обязательно зазвенят. И что потом? Да просто-напросто неопровержимо подтвердится еще одно утверждение Барзая и не более того. Даже если Сварог и проснется (Барзай

говорил, что иногда просыпаются), придется уснуть вновь. И снова появится мост, а на мосту — волчица, прицепившаяся, как репей к песьему хвосту. И снова зазвенят колокольчики...

А что, если они вдобавок разбудят Яну? Она всегда спала крепко, но все ли мы знаем о ратагайской магии? Придается давать объяснения — а Сварог до сих пор не решился с ней о своих навязчивых снах, приходящих со стороны, поговорить. Он никогда и ничего от нее не скрывал (ну, разве что Вердиану), к тому же сны его ни-сколечко перед Яной не виноватили — а вот поди ж ты, духу не хватало, и все тут...

Он тихонько прошел в соседнюю комнату, в свой маленький кабинет, присел за стол, выкрутил шпенек карбамильской лампы на полную яркость и придвинул к себе тоненькую папку в стандартной канцелярской картонной обложке, кроме герба Багряной Палаты украшенную еще и знаком высшей степени секретности. Но удивляться худобе папки не следовало: Сварог сам попросил отца Алкеса в дебри времен не углубляться, захватить только текущее тысячелетие.

Отчет был, если можно так выразиться, меланхолический. По неизвестным причинам, в которые никто не вникал (и не собирался, такое впечатление, вникать), чародейское ремесло наведения снов стало стремительно клониться к упадку еще лет за сто до нынешнего «магического кризиса» — причем без всяких усилий заинтересованных учреждений, словно бы само по себе. Больше всего это походило на внезапно вспыхнувшую эпидемию «овечьей вертячки» — от которой, если не спохватиться вовремя и не принять должных мер, вымирали и тысячные отары. Словно повернули некий выключатель — и ремесло насылателей снов стало ис-таивать, словно льдинка на жарком солнце или золото в кошельке кутилы.

Случались лишь, как выразился бы ученый (что имперский, что земной), «отдельные проявления». В сущности, довольно несерьезные — как и прежде, в период

расцвета ремесла. Некий беззастенчивый дворянин из Латераны, очередной охотник за богатым приданым, стал насылать на девицу, не питавшую к нему большой симпатии и замуж за него не собиравшуюся, хорошо подобранную серию снов, благодаря которым богатая красавица должна была к нему воспылать чувствами и ответить на очередное предложение согласием. Некий штурман большого речного парохода, стремясь занять место капитана, стал «показывать» тому жуткие сны, состоявшие сплошь из кораблекрушения судна, всякий раз по вине капитана. Некий купец, чтобы напакостить своему крайне суеверному конкуренту... ну, этот сам ремеслом не владел, но нанял умельца. И конкуренту стали что ни ночь являться в кошмарах жуткие ведьмы, предрекавшие неминуемый крах его очередных торговых начинаний. И так далее, в том же духе. Как это называлось когда-то в советской литературе? Ага, мелкотемье...

Отец Алкес педантично отметил: всякий раз затеи «насылателей» успеха не приносили. Дворянина, штурмана и купца вовремя вычислили и взяли за шиворот. В нескольких других случаях, когда подобные мелко-травчатые замыслы все же кончились удачей, виновных опять-таки выловили довольно быстро. Всегда склонный к объективности отец Алкес написал еще: нельзя исключать, что некоторые случаи так и не были раскрыты, оставшись Багряной Палате неизвестными. Сварог моментально вспомнил цитату любимого автора: «Так ведь про тех, кто не попадается, мы не знаем». Ага, вот именно...

Все вышеописанное — дела давно минувших дней. За все время, что отец Алкес служил в Багряной Палате, поднявшись от рядового сыщика до ее главы, свидетелем (но не самовидцем) был один-единственный раз. И снова — история зауряднейшая, скучная бытовуха. Один зажиточный крестьянин-фригольдер хотел приобрести у второго соседний с его землями кусок, причем с речкой, где собирался устроить

водяную мельницу. Сосед по так и не названным причинам уперся и расставаться с землицей, несмотря на солидную предложенную цену, ни за что не желал. Мечтавший о карьере мельника, оказалось, владел оставшимся от дедов-прадедов умением наводить сны. Долго не подворачивалось случая это умение применить — но теперь... В ночных кошмарах к упрямому соседу стали чуть ли не рядами и колоннами заявляться лешие, утопленники, деревенские ведьмы и прочая мелкая нечисть, убеждавшая, что спорная землица — проклятая, а потому от нее следует избавиться как можно быстрее, пока черед бед и несчастий не обрушилась в первую очередь даже не на самого крестьянина, а на его любимых чад и домочадцев. Вот только в округе отыскался кое-кто посильнее — сельский дедушка, белый колдун, в два счета определивший, откуда ноги растут у страшных снов...

О с о б ы м репрессиям никто из помянутых не подвергся: ремесло наведения снов среди черной магии не числилось, проходило по гораздо более мягкой статье: «Чародейские умения, к черной магии не относящиеся, но безусловно способные при зловредном направлении ума привнести окружающим духовный либо телесный вред». Так что все «насылатели» отделались, в общем, легко, получили от трех до пяти лет заключения в монастыре «со строгим содержанием». Не санаторий, конечно, но и никак не каторжная тюрьма: заключение в келье под замком, но с ежедневными прогулками по двору, никаких кандалов — и обязанность посещать все монастырские богослужения с непременно покаянием перед братией после каждого.

К сожалению, одержимого мечтами о водяной мельнице уже ни о чем не спросишь: дело происходило двадцать восемь лет назад, а не состоявшемуся мельнику уже тогда перевалило изрядно за сорок. Отмотав срок, он долго жил в селе тише воды ниже травы и помер естественной смертью года три назад. В общем, ни

малейших следов и зацепок отец Алкес не дал — а кроме того, все, о чем он написал, не имело ничего общего с волками, как волшебными, так и обычными. Еще одна пустышка. Есть опасения, что...

Рука так и застыла на дочитанной до конца, но не хлопнутой папке. Сварог замер в кресле.

За чуточку не прикрытой до конца дверью кабинета, в спальне отчетливо раздавался мелодичный серебряный звон. Трезвонили бубенчики все громче и громче, звучали уже едва ли не крохотным набатом наподобие того, каким колокола, что в городе, что в деревне, собирают народ на пожар.

Сварог одним прыжком оказался в спальне. Вывернул ночник поярче. Бубенчики надрывались, как пожарные колокола, если огонь, охвативший один дом, стал перекидываться на соседние. В голове крутилось что-то бессмысленное.

Яна открыла затуманенные сном глаза, сделав непонятную гримаску, приподнялась, потом села в постели. Понемногу ее взгляд становился все более осмысленным — проснулась окончательно. Бубенчики перестали трезвонить, умолкли, но Сварог все еще пребывал в некотором ошеломлении. Он и подумать не мог...

Яна опомнилась первой:

— Что это за трезвон? — бросила быстрый взгляд на складки балдахина. — Здесь явно какая-то магия, правда, белая... Что ты тут устроил, могу я узнать?

Обретя наконец некоторую решительность, Сварог присел на край роскошной постели, в пышные киртенальские кружева, спросил напрямик:

— Яночка, что тебе сейчас снилось?

Ему показалось, что Яна чуточку покраснела?

— Всякие глупости... опять...

За последнее слово он и ухватился:

— О п я т ь? А до того что снилось? — и продолжал утвердительно: — Всяческая похабщина, да? То тебя скопом насилует орава подонков в самых разных ситуациях, то выглядит еще гнуснее...

— Откуда ты знаешь? — недоуменно воскликнула Яна. — Даже я не умею проникать в чужие сны, не слышала, чтобы кто-то это умел...

— А вот теперь, очень похоже, отыскался такой искусник, — сказал Сварог. — Точнее, искусница. Тебя всякий раз встречала белая волчица на горбатом мостике, да? (Глаза Яны вовсе уж покруглели от удивления.)

— Нет, но откуда ты...

— Да потому, что мне который день снится всякое непотребство, — сказал Сварог. — В первую очередь с твоим участием, хотя случались и другие сюжеты... — он плюхнулся на постель, обнял Яну за теплые плечи, притянул к себе и, вот странно, улыбнулся, как был уверен, б л а ж е н н о. — В каком-то смысле, ты не поверишь, это прекрасно, Вита. Если нам обоим снится нечто похожее, значит, я не сошел с ума, как втихомолку опасался. Значит, есть чей-то умысел, и есть противник. А любой противник хорош тем, что его можно прикончить, как сказал мне когда-то один сержант Вольных Топоров...

— Тебе... тоже? — Яна прижималась щекой к его щеке, и ее сердце, он чувствовал, билось учащенно.

— А я о чем? Самая пора поговорить спокойно и обстоятельно, тебе не кажется? Или спать хочешь?

— Какой тут сон! — сердито бросила Яна. — Конечно, надо поговорить, коли уж такое дело... Только не в постели же, иначе какая-то нотка несерьезности будет, мне отчего-то кажется...

Она слезла с постели, завязала золотистый халатик пояском с кистями, босиком прошла по коврам к столу с двумя низкими креслами в углу. Пока Сварог туда дошел, на столике уже появился большой кофейник синего с золотисто-коричневыми разводами черодалевского фарфора, пузатые чашки — основательные, не те изящные наперсточки, что предписаны этикетом для иных торжественных приемов. Сварога обогнал портсигар Яны, летевший с ночного столика. Плюхнувшись в кресло, он вытащил свой — тот, что без кавычек.

Наполнив чашки благоуханной, почти черной жидкостью, Яна одним махом осушила свою до половины, словно возчик, вошедший в тепло и уют таверны после долгой поездки в холодную ночь (въедливой точности ради, для простого возчика кофе был недостижимым господским деликатесом, в отличие от простецкого чая, которым тешили брюхо все сословия). Закурила и улыбнулась Сварогу почти спокойно:

— Я думаю, ты эту кашу в каком-то смысле заварил, тебе и начинать... Согласен?

— Отчего же нет? — пожал он плечами. — К тому же я, похоже, знаю чуточку больше, чем ты...

Станный в каком-то смысле был разговор: в роскошной королевской спальне (малой, правда, вы еще большую не видели), за дорогим сервизом одного из лучших на Таларе заводов, под дым лучших сигарет, какие не всякому земному королю доступны, самым чуть ли не обыденным тоном шел разговор о предельно странных вещах, никогда прежде не дававших знать о себе чудесах — есть сильнеешие подозрения, очень и очень недобрых...

Поначалу все протекало несколько нескладно — оба частили, перепрыгивали с одного на другое, иногда перебивали друг друга. Но понемногу наладился нормальный деловой разговор: и опыт таковых у них имелся, и оба были привычны к разным головоломным и загадочным неожиданностям...

О б щ и м и у них оказалась примерно половина снов: в первую очередь все до единого те, в которых на глазах Сварога с Яной занимались разнузданными и развратными утехами и всевозможные подонки рода человеческого (включая те сцены из прошлого, происходившие на Сильване), и оборотни, и Белая Волчица (Яна и об этом рассказала, потупясь и пунцовея). В этих снах Яны всегда присутствовал Сварог — в качестве зрителя, всякий раз откровенно любовавшегося зрелищем.

Другая половина в чем-то отличалась: Яне никогда не снилось, как насилуют ее подруг и пытаются ее

друзей и соратников. А в чем-то и походила: разве что вместо горящей Латераны, по которой валила орава непонятных уродцев с факелами, Яна видела пылающий Келл Инир: из сотен окон рвется золотисто-багровое пламя, пылают штандарты на башнях и сами башни, поднимая высокие снопы искр, рушатся черепичные кровли, деревья в парке горят, как свечки — и вокруг гигантского пожарища с радостным верещанием носятся какие-то странные существа, больше всего похожие на пылающих обезьян, ничуть не озабоченных тем, что они пылают, играют в чехарду, пляшут коло, совсем как люди в Латеране в новогодние праздники, кувыркаются, видно, что им чертовски радостно. Пылающие маноры один за другим валятся на землю, словно перезрелые груши с ветки, которую как следует трянули. Горит Роменталь, в котором гибнет принц Элвар, выгорает помпезнейшее здание Канцелярии Земных Дел, где в одном из залов мечется принц Диамер-Сонирил, не в силах найти выхода из подступившего со всех сторон пламени. Посреди какой-то вымощенной булыжником площади горят на костре, на вершине высокой поленницы привязанные к столбу Канцлер и молодая красивая блондинка. Все сны Яны — чертовски реалистичные, с ощущениями и запахами, в точности как ночные кошмары Сварога.

— И знаешь, что самое скверное? — сказала Яна, не поднимая глаз. — Когда эта тварь, Белая Волчица, со мной все это проделывала, мне это н р а в и л о с ь. Очень. Потом, когда просыпалась, трясло от этой мерзости, чуть не тошнило, но во сне-то мне все нравилось — и то, что она со мной делала, и то, чем я отвечала...

— Наваждение, — хмуро сказал Сварог. — В том еще морок и заключался, чтобы внушить: это тебе нравится...

— Да я сама так же думаю... И все равно противно. И что ты предпринял? Судя по этим колокольчикам, ты сложа руки не сидел...

Сварог рассказал о том, что ему у д а л о с ь принять. Рассказ получился не таким уж долгим. Правда, порадовало то, что Яна, обдумав услышанное, не нашла ни промахов, ни изъянов ни в том, что он сделал, ни в его планах на будущее. Согласилась: он сделал все, что мог, а что до планов — ей добавить нечего. Они даже чуточку посмеялись, пусть и невесело, когда обнаружилось, что оба промолчали о происходящем с ними, если разобраться, по схожим причинам: некое уязвленное самолюбие людей, в некоторых смыслах весьма могущественных: императрица, владеющая Древним Ветром, и король королей с его магическими умениями, в первую очередь хельстадскими.

— А я ведь пыталась первое время з а с л о н и т ь с я Древним Ветром, — призналась Яна. — Только ничего не получалось: она самую сильную защиту пробивала.

— Выходит, я в лучшем положении, — угрюмо сказал Сварог. — Вот хельстадскую защиту эта тварь пробить не в состоянии. Хорошо, допустим, она представляет какое-то невероятно древнее Зло, которое гораздо старше Древнего Ветра. Но Хельстад-то по меркам Большой Истории — сущий младенец. Открывается огромный простор для догадок, гаданий и фантазий... которым, сразу говорю, я не намерен заниматься. Потому что получится сплошная игра ума, от которой, есть сильные подозрения, практической выгоды не будет.

— Может, ты и правильно рассуждаешь... Что нам остается, Стас, ты уже обдумывал?

— Конечно, — сказал Сварог. — И старательно. Может, я и уязвлю чуточку твое гордое самолюбие, но, сдается мне, тебе не остается н и ч е г о. Древний Ветер, ты сама говоришь, против этой твари бессилен. А ничего другого у тебя нет.

— Иными словами, — бледно улыбнулась Яна, — я в данном случае — бесполезная боевая единица?

— Яночка, тысячу раз прости, но так и выходит, — сделав над собой некоторое усилие, сказал Сварог. — Не обижаешься?

— Ох, Стас, какой ты... — поморщилась она. — Я гордая и самолюбивая, сам прекрасно знаешь, но никогда это не доводила до абсурда. В конце концов, я оказалась бессильной и перед Багряной Звездой, и перед Радиантом, и в парочке других случаев — но в уныние из-за этого как-то не обрушилась. Ты у нас — другое дело. Ты всегда отлично справлялся. Значит, тебе опять мир и спасать.

— Да мы привычные, если Родина требует... — проворчал Сварог. — Скажу тебе по совести: не очень-то мне и нравится мир спасать. Такое порой муторное, а иногда и рвущее душу напополам занятие, кто бы знал... Но ведь куда не денешься... Значит, ты мои планы одобряешь?

— Те, про которые уже слышала — полностью, — сказала Яна убежденно. — А все будущие, какие еще тебе придут в голову — заранее. Как я понимаю, мне придется в случае чего взять на себя Канцлера? Если ты и дальше будешь действовать, как мне только что рассказывал, рано или поздно он что-то за меня и сделает. И в лучшем случае будет рваться принять участие. Из тех же самых гордыни и самолюбия, не позволяющих ему остаться в стороне от такого дела. Я-то его знаю гораздо дольше, чем ты...

— Ну, я тоже его более-менее изучил, — проворчал Сварог. — Как, впрочем, и он — меня, будем к нему справедливы...

— Ну вот. А в худшем случае он может приняться мешать. Я и такого оборота дел не исключаю.

— Я тоже, — мрачно признался Сварог.

— Ну, тут уж я... — Яна, очаровательно улыбаясь, сделала узкими изящными ладонями такое движение, словно ласково и где-то даже нежно брала кого-то за глотку. — Уж против меня ему ни за что не сыграть... Хорошо. В качестве боевой единицы

я не гожусь. Но в роли внезапного полка* выступить смогу, как ты думаешь?

— Еще как сможешь, — кивнул Сварог.

— Приятно знать, что я все же на что-то гожусь... — она смотрела с некоторым лукавством: — Стас, а мои соображения ты сможешь выслушать? По-моему, я тоже имею право их высказывать: как-никак дело касается, если верить некоторым источникам, и твоих королевств, и моей империи... Вообще, будущего всего мира, пусть и звучит высокопарно...

— Готов любые выслушать, — сказал Сварог. — Уж в уме-то я тебе никогда не отказывал, наоборот...

— Спасибо, милый, — засмеялась Яна и стала очень серьезной. — Итак, от чего нам надлежит танцевать? Будем исходить из того, что против нас — не абстрактное Зло, а некое конкретное его олицетворение. Что Белая Волчица, как оказалось, — не мифологический персонаж, а вполне реальное существо. Пока что все, что произошло, к этой версии подталкивает, а противоречащих данных нет. Согласен?

— Согласен, — сказал Сварог. — Еще и оттого, что конкретное олицетворение и реальное существо всегда можно почествовать топором по башке. А вот с абстрактным злом это как-то труднее проделать...

— Ты поосторожнее, — прямо-таки с материнской заботой сказала Яна. — Я о топоре. Ты совсем недавно уже взялся махать Топором, не продумав все, как следует. И чем кончилось? Если бы не хельстадская мантия, об иных свойствах которой ты и понятия не имел...

— Ошибки у каждого бывают... — пробормотал Сварог чуть смущенно — крыть было нечем.

— Едем дальше, — сказала Яна. — Кое-какие рассказы о Белой Волчице оказались чистейшей правдой, — она показала подбородком на постель. — Бубенчики эти шаманские взять... Рассуждая логически, отсюда выте-

---

* «Внезапный полк» — примерно то же, что в старину на Руси «засадный», укрытая неподалеку от поля битвы воинская часть, в тяжелый момент внезапным ударом решающая исход боя.

кает: правдой могут оказаться и другие сведения о Белой Волчице, до которых ты пока не добрался. Может, отыщется что-то, что поможет с ней разделаться. В этом мире нет никого и ничего не уязвимо... Согласен?

— Согласен, — сказал Сварог. — Единственный путь — искать дальше, другого просто нет. Вот если бы точно знать, с кем мы имеем дело, привязать Белую Волчицу к чему-то конкретному... Знаешь, я попытался. Хочешь послушать?

— Еще бы!

— Ну, тогда я буду рассуждать вслух, — сказал Сварог. — Конечно, я могу и ошибаться, случалось со мной и такое, но другой гипотезы все равно нет...

И он стал рассуждать вслух.

Имеется один-единственный убедительный кандидат на роль Древнего Зла, с которым не способен справиться и Древний Ветер, потому что Зло старше Ветра, а в магических практиках старшинство порой играет большую роль... Итак, Изначальные. Сведения о которых до сих пор скуднейшие. В секретных архивах нет ничего, чего бы не было в общем доступе. Ими попросту никто не занимается, ни в Империи, ни на земле — с незапамятных времен. Кое-что мы знаем точно, пусть и немного. Изначальные населяли Талар в древние времена. Из некоторых источников можно сделать вывод, что они либо мало чем отличались от людей, либо не отличались вовсе. Вот только магия у них была какая-то своеобразная, судя по всему — исключительно черная. Потом на Таларе появились наши предки. Устоявшееся представление — что это произошло двадцать тысяч лет назад. Вот только этому не особенно верится. Мне давно уже объяснили книжники: выражение «двадцать тысяч лет назад» — такая же расхожая формула для мифов, легенд и сказок, как «до начала времен», «во времена, когда времени не было», и полудюжина подобных. Может быть, число больно уж круглое, оттого так и вышло. И Дорану мастерили его Доспех двадцать тысяч

лет назад, и Шугута-Семь-Мечей двадцать тысяч лет назад геройствовал, и могучий маг Шаалы, белый маг, воспитывал принца Люциара и его рыцарей. Легенды обо всех троих, при всей их обширности и противоречивости, сходятся в одном: ни один из троих никогда не встречался с двумя другими и никак с ними не связан. Ладно, точность датировок — не то, над чем сейчас нужно ломать голову... Наши предки пришли отсюда с Сильваны. Очень интересный вопрос — каким образом? Они тогда не то что межпланетных кораблей, вообще металлов не знали. Некоторые считают, что в седой древности меж планетами существовали некие тропы, и в немалом количестве, так что перейти по ним с одной на другую было не труднее, чем сходить в соседнюю деревню. Потом по каким-то неизвестным причинам тропы то ли исчезли совсем, то ли стали недоступны любому желающему. Ну, и это не та тема, над которой следует ломать голову... Наши предки не ограничились захватом какой-то части территории — начали методично и упорно завоевывать всю планету. Некоторые считают, что войны при этом шли и обыкновенные, и магические. Никаких подробностей мы не знаем, разве что пару-тройку раз упоминаются места битв, надо полагать, особенно крупных — вот только эти названия решительно ни к чему нельзя привязать. Сколько продолжалась война — неизвестно, тут разброс от нескольких десятков до нескольких сотен лет. В одном все сходятся: после того, как наши взяли и дотла сожгли столицу Изначальных Девейн-Горт, Изначальные исчезли. Одни считают, что они ушли в какие-то другие миры — по тем самым тропам. Другие полагают, что наши предки попросту вырезали Изначальных, всех до одного, от мала до велика. Уверены, что этим и объясняется то неприкрытое забвение, в которое Изначальных погрузили — никто, как я говорил, ими не занимается, археологических раскопок никогда не велось — в отличие, например, от Черных Кладов легендарного короля Шелориса, которые искали не только авантюри-

сты, но и вполне серьезные историки с археологами. Но Шелорис-то — ч е л о в е к. А Изначальные... Полагают: признать, что наши далекие предки вырезали население целой планеты, не делает им чести и порочит их память, а потому лучше уж особенно не интересоваться этой историей. В конце концов, не впервые случается, что о каких-то неблагоприятных деяниях предков стараются умалчивать — ради вящего благолепия. А здесь — хладнокровное уничтожение всего населения планеты. Борьбой с черной магией этого не объяснишь — никто никогда не слышал, чтобы черными магами было население в с е й планеты. Или хотя бы одной страны. Есть много легенд о Черных Царствах — но и тогда не утверждалось, что в с е их жители были черными магами. Тема интересная, я готов согласиться, что в этой версии что-то есть, но сейчас и не до этого...

Что было дальше? Как ни удивительно, до нашего времени сохранилось около восьмидесяти книг и документов Изначальных. Научная их ценность, правда, равна нулю — в основном скучные, сухо изложенные хроники о событиях, случившихся до прихода наших предков. Очень напоминают наши летописи — битвы, казни заговорщиков, смерть королей, мятежи... Но все — без подробностей, а потому они ученым и неинтересны. Географических имен и просто имен много — но их опять-таки не к чему привязать. Еще — хозяйственные документы, вовсе уж непроходимо скучные — расходы на какие-то стройки, книги торговцев. Были еще и магические книги Изначальных — но к ним издавна относились, как к ядовитым змеям, старались побыстрее сжечь. Я сам однажды держал в руках такую книгу — и з н а ю щ и е люди ее быстренько сожгли, за что я на них не в претензии. Даже земные черные маги магических книг Изначальных отчего-то сторонились. Даже Мистериор не стал ими заниматься, и никто внятно не объяснил, почему. Сжигают — и все. Что еще? Одно время язык Изначальных был тайным языком алхимиков, а лет триста назад на земле возникла глупая мода:

дворяне его учили, чтобы слуги и низшие сословия не могли понимать их разговоры. Занятно, но лары этому не препятствовали. В те самые незапамятные времена кто-то составил обширный словарь языка Изначальных, совершенно непонятно — зачем. Очень многое, едва ли не все наследие Изначальных исчезло — а словарь остался...

Он замолчал и подлил себе кофе — в глотке чуточку пересохло. Воспользовавшись короткой паузой, Яна сказала:

— Собственно говоря, ты изложил знания об Изначальных, которыми у нас располагали, пока мы с тобой не побывали на Той Стороне...

— Да, я так и замышлял, — сказал Сварог. — Та Сторона... От Анеллы Сабиташ мы с тобой, согласишься, не узнали практически ничего полезного об Изначальных. Только то, что Керуани о них думали — на основании неизвестно каких выводов. В точности как в том письме Анеллы, что я нашел в номере Горонеро, — он прикрыл глаза, освежая память, негромко процитировал: «Я не верю, что Изначальные мертвы, для этого они были слишком коварны. Они спят... или уже проснулись? А то и не все спали... И мы расплатимся за предков-завоевателей». Она высказала то, что они все думали — ну, с вариациями. Одни полагали, что Изначальные где-то спят в ожидании своего часа — наподобие персонажей из легенд наших предков. И однажды проснутся, когда наступит благоприятное для них время, чтобы поквитаться за далекое прошлое. Другие считали, что Изначальные до сих пор — то есть в их времена — каким-то образом таятся среди людей, опять-таки в ожидании часа расплаты. Ни те, ни другие ни на какие конкретные аргументы не опирались. Широко распространенное убеждение, и не более того. А иные широко распространенные убеждения оказываются в конце концов вымыслом или пустышкой. Да что там далеко ходить... С самими Керуани так и вышло. Их тысячелетиями считали тайным братством могучих магов — а они ока-

зались всего-навсего таким кружком по интересам, людьми с узким кругом слабеньких магических способностей, нечто вроде земных Ассамблей...

— Позволь, я разок перебую? Анелла сказала... Точнее, я от нее узнала, что кое-кто из них пытался искать Изначальных, затаившихся среди людей.

— Прекрасно помню, — кивнул Сварог. — А еще помню, что она сама призналась: поиски ни к чему не привели. Почему, она, похоже, и сама не знала... подзреваю, оттого, что Керуани не представляли точно, как именно следует искать. Или опирались на источники, оказавшиеся не более чем баснословием... Вот и все новое, что мы от Анеллы узнали. А теперь... У меня хватало времени, чтобы неспешно и обстоятельно поломать над всем этим голову. Разработать кое-какие соображения, версии и гипотезы... Тебе не кажется, что веральфы как нельзя лучше подходят на роль затаившихся среди людей Изначальных? Ну, а в реальности веральфов я больше не сомневаюсь...

— Но ведь полной уверенности нет? — подумав, спросила Яна.

— Нет, — кивнул Сварог. — Тот случай, когда ни подтвердить, ни опровергнуть. Но кандидатура интересная, верно? Затаились и ждут своего часа...

— Тысячелетиями?

— А что мы знаем об Изначальных? Самую малость, чуточку больше, чем ничего... В конце концов, какая разница, кто они такие? Я не Марлок, да и ты тоже. Нам их не в лаборатории изучать — выяснить, как можно с ними бороться. А драться с ними придется. Тебе, госпожа императрица, приятно, что среди твоих подданных таятся... вот такие?

— Наоборот, — сказала Яна.

— Вот то-то, — сказал Сварог. — В общем... Я не берусь с уверенностью утверждать, что веральфы — затаившиеся Изначальные... да мне уверенность и не нужна. Мне нужно одно: слабое место противника. Все остальное — по боку. Но вот в то, что Белая Волчица —

их королева, царица, правительница, я, кажется, начинаю верить всерьез. В первую очередь оттого, что так говорит Барзай — а слишком многое из того, о чем он говорил, оказалось правдой. Хотя... Мне и тут глубоко наплевать, кто она такая. Мне нужно знать, как ее победить, и все... Остальное приложится. Ты что-то спросить хотела?

— Ну, не то чтобы спросить... — сказала Яна. — Ты мне можешь передать умение видеть веральфов? Я ведь моложе тебя. Уж мне, — она улыбнулась не особенно и весело, — такое умение необходимо. Буду точно знать, кто рядом...

— Никаких проблем, — сказал Сварог. — Дело совершенно нехитрое. Давай-ка ручку нежную... Лучше левую.

— А почему левую?

— Потому что она ближе к сердцу, — сказал Сварог. — Так Барзай сказал — а точнее объяснить не смог, с колдунами бывает...

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ВОЛКОВ

Впервые его в о л ч и й сон начался совершенно иначе, чем все предыдущие. Не было ни поляны, ни моста — он вдруг обнаружил, что неспешно шагает по лесу, отчего-то совершенно точно зная, куда ему идти.

Лес оказался странным, в каких он в жизни не бывал: кустарника нигде не видно, трава под ногами невысокая и словно бы слегка пружинившая, бледно-зеленая. Ни единого цветка, деревья стоят довольно редко, они тоже предельно странные: чуточку похожи на сосны или пальмы — толстый и высокий голый ствол, лишь на самой верхушке — густая, почти круглая крона из длинных тускло-серебристых листьев. Ни единого звука не доносится: ни щебетанья птиц, ни писка мелких зверюшек, а о том, что он не оглох, свидетельствует лишь тихий шелест странной травы под ногами.

И эти деревья... Такое впечатление, что это и не деревья вовсе. Чуть морщинистая кора, казалось, из толстого мутноватого стекла, а под ней медленно переливаются, струятся от корней к вершине и обратно потоки словно бы тяжелого бледно-сиреневого дыма, переплетаясь, сплетаясь порой в причудливые неспешные завихрения, омутки, водовороты, то сливаясь в единый поток, то разбиваясь на множество мелких ручейков, то

обгонявших друг друга, то текущих слаженно; Сварог не мог остановиться и рассмотреть их как следует — и в этот раз он был лишен возможности двигаться по собственному хотению. Та же чужая воля, что и в прошлых снах, заставляла его шагать и шагать неизвестно куда.

И мир вокруг был странным — мир без теней. Мало того, что в таком редколесье непременно можно было бы увидеть солнце — но его не было. Он не мог даже определить, что над головой — не просто небо и низкие облака, скорее уж нечто цвета вылинявшей синей материи, казавшееся то повисшим совсем невысоко, то невероятно далеким. И не было теней — ни от деревьев, ни от него самого, ничто здесь не отбрасывало тень. Если обратиться к обычным меркам его собственного мира, невозможно было определить время дня — с равным успехом это могли оказаться и первые сумерки, и рассвет.

Пожалуй, все-таки сумерки — он стал замечать, что вокруг определенно темнеет, словно невидимое солнце давно закатилось за горизонт и близится ночь. Да, так и есть — темнеет. Он шагал и шагал — еще можно было рассмотреть путь, траву под ногами. Бледно-сиреневые потоки на глазах обретали яркость — чем темнее вокруг, тем сильнее они мерцали тусклым гнилушечьим цветом, наливались неяркими сиянием. И все так же лениво струились, вихрились, сплетались...

Стало гораздо темнее, когда впереди показалось нечто, больше всего напоминавшее пламя костра, — и было уже совсем темно, когда Сварог вышел, неизвестно откуда это зная, к своей цели.

Он стоял на краю широкой, но неглубокой котловины, более всего напомнившей формой суповую тарелку. Выложенные серым тесаным камнем широкие уступы плавно спускались почти правильным амфитеатром к центру котловины, где чернел непонятный предмет, длинный и высокий, и горел костер. Повсюду лежали волки — в спокойных позах, вытянув передние лапы, вывалив языки, глядя вниз, как один. Особого внимания

на Сварога они не обратили — ближайшие повернули к нему головы, равнодушно присмотрелись и тут же отвернулись, вперив взгляды в огонь, тонким лепестком отражавшийся в их янтарно-желтых глазах.

Меж ними оставалось много свободного пространства, и Сварог, выбрав путь, стал спускаться вниз, нисколечко не торопясь. Волки, мимо которых он проходил, держались все так же равнодушно — иные косились мельком и отворачивались, а иные и вовсе не обращали внимания. И не понять — то ли он в их глазах совершеннейшее ничтожество, не стоящее внимания, то ли он здесь свой, и его появление не вызывает ни малейших эмоций.

Чем ниже он спускался, тем больше удавалось рассмотреть внизу. Костер, как и лес, как и весь этот неведомый мир, был странным — высотой не менее чем в три человеческих роста, походивший скорее на цветок, круглый внизу и плавно сужавшийся вверху, он казался словно бы и не п л а м е н е м, а чем-то вроде тех потоков, что заполняли стволы деревьев. Разве что, в отличие от них, не струился, лишь временами чуть заметно колыхались языки неяркого ало-золотистого огня, чуть расходясь в стороны и вновь смыкаясь в нечто, напоминавшее исполинский красивый цветок. Ни единой искорки от него не отлетало. И непонятно, что его поддерживало — он горел в неглубокой каменной чаше, где не видно ни полешка, ни ветки. Даже совсем маленькому костерку, не говоря уж об этом высоком огне, полагалось бы отбрасывать тени всего, находившегося к нему близко, — но не было теней.

Загадочный предмет оказался огромной статуей на высоком в четыре уступа постаменте, изображавшей не волка, но некоего зверя, больше всего на волка похожего. Словно бы гордо подняв голову с ошетиненным загривком, он прочно упирался тремя лапами в постамент, вытянув четвертую вперед. И под ней... Сварог на земле повидал немало таких статуй, украшавших парадные лестницы дворянских дворцов, — волков,

медведей, сильванских львов и прочего хищного зверья. Если они стояли в такой позе, под лапой у них всегда был каменный шар из того же материала, что и статуя. А у этого — человеческий череп, гораздо светлее самого чудовища. Похожего Сварогу не попадалось раньше ни в одном bestiarii. Глаза казались выточенными из прозрачного янтаря — и в них тоже отражалось пламя высокого костра.

Ступени постамента были шириной уарда в два. На нижней в столь же вольных, спокойных позах разлеглись пятеро огромных бурых волков, гораздо крупнее обычных, побольше теленка. Раньше Сварог никогда не видел ни чучел, ни шкур такой величины.

А на самой верхней... На самой верхней лежала Белая Волчица, как всякий раз словно бы улыбавшаяся Сварогу — радостно, нежно. Ведомый той же силой, что в его прежних снах, он поднялся туда и уселся на краешек ступени рядом с Белой Волчицей. Она чуть подвинулась, положила голову ему на колено так, словно ждала, что ее сейчас почешут за ухом, как самую обыкновенную балованную домашнюю собачонку. Вот только Сварог неведомо как почувствовал, что сейчас некоторой свободой воли все же обладает — и не шевельнул даже пальцем. Волчица, выпростав тяжелую голову из-под его ладони, глянула и отвернулась в точности, как обиженная женщина. Некоторая свобода мысли у него в этих снах оставалась всегда, и он мимолетно подумал: перебеешься, тварь, еще за ушком тебе чесать...

Посмотрел на нее. Как зверь, она была прекрасна и великолепна — густая белая шерсть лежит красивыми волнами, так, словно и над ней, и над пушистым хвостом поработали лучшие парикмахеры, клыки белоснежные, как сахар, янтарно-желтые глаза напоминают отшлифованные самоцветы из тех давних времен, когда драгоценные камни гранить не умели, только шлифовали. И пахло от нее не зверем, а словно лесом — не так, как от Лесной Девы, но именно что л е с о м.

Важнее другое. Сварог чувствовал ладонью, кожей теплую тяжесть ее головы, густую пушистую шерсть, в которой тонули пальцы. Во сне так не бывает. Душа вновь зашла в непонятной тоске — это было категорически не прав и л ь н о, но это было...

И кое-что вокруг... Костер, даже такой высокий (но не такой уж яркий), ни за что не смог бы осветить всю котловину — а меж тем Сварог отчетливо, как ясным днем, видел ряды амфитеатра от самого нижнего до самого верхнего, прекрасно различал волков на нем. Только на краю котловины было словно бы темнее — но и там ясно виднелось сиреневое сияние круживших в стволах деревьев потоков. Все неправильно, куда ни глянь...

Белая Волчица вдруг встрепелась, подняла голову, села, оказавшись посередине расставленных передних лап каменного зверя, разве что чуточку пониже. Словно получив некий приказ, волки взвыли всем скопищем.

Вскоре Сварогу стало казаться, что это не обычный волчий вой, а п е с н я. В ней была некая переливчатая мелодия — и странная, завораживающая красота, непонятным образом з а т о п л я в ш а я душу и сознание. Трудно было этому сопротивляться, но как-то удавалось.

Песня смолкла так же внезапно, как и началась. Что-то шевельнулось слева, Сварог посмотрел туда. Вскрикнул бы. Если бы мог.

К костру подходила Яна — в коротком платье из невосомых золотистых кружев, с распущенными волосами, босая. Остановилась прямо напротив него, низко поклонилась — то ли Белой Волчице, то ли каменному зверю, распущенные волосы на миг закрыли лицо. Отступила на шаг, опустила на низкую траву, легла навзничь, разбросав руки, глядя в ту тьму без единой звездочки, что была здесь вместо неба, — спокойно, умиротворенно, с легкой улыбкой на губах, даже словно бы с нетерпением.

Пятеро огромных бурых волков неторопливо спустились со ступеней и обступили Яну. Сверкнули белоснежные клыки, волки рвали на ней платье в клочья — осторожно, словно бы даже бережно. Когда она

осталась обнаженной, широкие языки стали странствовать по ее телу — гротескная пародия на мужские ласки. Яна улыбалась, глядя в небо. Волки расступились, самый огромный встал над девушкой, глядя на нее, казалось, с победной ухмылкой, потом опустил на нее. Все его движения напоминали скорее вставшего на четвереньки человека, чем зверя.

Как и во всех прошлых снах, Сварог мог только смотреть и слушать — и переполнявшая его тоскливая злость выхода не находила. Бурый волк делал свое неторопливо, совсем не как зверь, временами издавая глухое довольное рычание, и это, что хуже всего, ничуть не походило на грубое насилие — Яна, закрыв глаза, тихо, з н а к о м о постанывала, ее очаровательное личико исказилось в гримасе неподдельного наслаждения. Казалось, это никогда не кончится.

Когда кончилось все же, тишину прорезал вой стаи, в котором явственно звучали радость и торжество. Белая Волчица вновь положила голову Сварогу на колено, глядя словно бы с легкой насмешкой, и его пальцы, как он ни напрягался, были не в состоянии стиснуть ее шею под пушистым мехом и давить, давить...

Над Яной встал второй волк, она, не открывая глаз, подняла руки, вцепилась в густую шерсть на шее зверя, потянула его вниз...

Пробуждение после э т и х снов всегда проходило самым что ни на есть житейским образом: он не вскидывался с криком, не просыпался весь в холодном поту, простыни не были ни скомканными, ни влажными от того же пота. Просто-напросто открывал глаза, обнаруживал себя в реальности и, окончательно это осознав, как всегда, ощущал прилив дикой, прямо-таки звериной радости оттого, что все привидевшееся было ночным кошмаром.

Вот и сейчас все именно так случилось — на смену радости, тоже как всегда, пришло неопишемое омерзение от увиденного, после сегодняшней ночи особенно тягостное, даже мучительное. Даже после сна с Яной и пещерными оборотнями такого не было...

Он уже оделся и нацеливался на пузатую чашку кофе, когда проснулась Яна. Тоже как всегда — открыла глаза, по своей всегдашней привычке чуточку осмотрелась, словно выясняя точно, где именно сейчас, села в постели, улыбнулась Сварогу со все еще чуточку затуманенными сном глазами.

— Что тебе сегодня снилось? — спросил он.

Отметил, что произнес это резче обычного, будто злился на нее, хотя она ни в чем не виновата. Хорошо, что она спросонья, кажется, этой резкости не заметила.

Яна безмятежно пожала точеными обнаженными плечами:

— Самое интересное, что на сей раз сон был вполне пристойным, я бы сказала. Даже чуточку приятным. Я всю ночь носилась по лесам и полям с волчьей стаей... знаешь, что любопытно? Вокруг были волки, временами превращавшиеся в людей, а потом обратно, но я сама так и не смогла понять, в каком облике была, в людском или волчьем. Отчего-то никак не удавалось это понять...

С л и ш к о м беспечно это прозвучало, или Сварогу показалось? Вообще-то в такой ситуации, как они с Яной, следует ожидать чего-то вроде легкого приступа паранойи, придавать преувеличенное значение самым безобидным словам и взглядам. Нервы на пределе, что уж там... но почему з н а к о м о щемит сердце — пусть и легонько, но это неспроста, не самовнушение...

— Вот и прекрасно, — сказал он как мог беззаботнее. — Чем меньше всякой гнуси, тем лучше...

Яна закинула руки за голову, сладко подтянулась:

— Правда, это было даже приятно — носишься по чащобам, тебя переполняют совершенно иные чувства и ощущения... Вольность и сила...

На сей раз Сварог мог бы поклясться, что мечтательные нотки в голосе Яны не почудились, они были...

— Кофе в постель? — предложил Сварог, заранее зная ответ.

Он и последовал, традиционный:

— Нет, спасибо, всегда это считала приметой изнеженности... Какие у тебя планы на сегодня?

— Быстренько выпью кофе и улетаю, — сказал Сварог. — Дела неотложнейшие.

— Ну вот, а мне опять придется скучать пару часов, пока не проснется Латеранский дворец...

— Ну, что поделать, — сказал Сварог. — Сама — коронованная особа, должна понимать...

— Да понимаю я, — сказала Яна. — И от души радуюсь, что так мало дел. Будь их столько, сколько у тебя, я бы, наверное, умом легонько сдвинулась...

— Везет тебе, — сказал Сварог искренне.

Допив кофе, одним движением пальца отправил чашку в небытие, подошел, поцеловал Яну в щеку и вышел, не оглядываясь. Сегодняшнюю ночь они провели в спальне его манора, а потому ничего удивительного не было в том, что в коридоре он увидел не только бешено замахавшего хвостом Акбара, но и почтенного Макреда Тридцать Второго. На лице которого, кроме обычной почтительной бесстрастности, просматривалась и некоторая растерянность — что с дворцом случалось крайне, крайне редко.

— Что-нибудь случилось? — напрямик спросил Сварог.

— Как вам сказать, милорд... Ночью объявлялся не п о н я т н ы й призрак, никогда прежде не наведывавшийся. Я за время службы не припомню, чтобы такое случилось...

Подойдя к нему вплотную, легонько отводя рукой морду Акбара, тыкавшегося влажным носом ему в ухо (соскучился пес, видимся раз в сто лет...), Сварог понизил голос:

— Кратко и самую суть...

— Часов около трех ночи слуги услышали, как Акбар лает в Смарагдовой галерее — зло, очень зло. Никогда прежде не случалось, чтобы он лаял по ночам, с тех пор, как вырос... Слуги туда пошли. И Латопис Сорок Четвертый клянется, что в конце коридора видел белую волчицу.словно бы у л ы б н у в ш у ю с я ему и тут же исчезнувшую. Он шел первым, другие двое ничего не видели... Но едва она исчезла, Акбар тут же успокоился.

Возможно, ему что-то приснилось милорд? Я не всецело осведомлен о нравах и привычках ваших псов, хотя за годы некоторое представление о них составил...

— Думаете, и Латопису что-то привиделось?

— Я в затруднении, милорд. Он всегда был исправным слугой... но настаивает, что в и д е л волчицу. Быть может, вызвать мага из Мистериора, чтобы о ч и с т и л коридор? Невиданные прежде призраки порой наведываются все же...

— Не стоит, — сказал Сварог.

Значит, вот так. И сюда добралась. Сначала насылала сны, а теперь объявлялась призраком. Ну, если даже девушки с Гун-Деми-Тенгри, создания очаровательные, но крайне недалекие, ухитряются как-то попадать в маноры, причем не в виде призраков, а, по одному из любимых выражений Барзая, в истинной плоти... Белая Волчица, теперь уже нет сомнений, существо в магическом плане гораздо более сильное, так что неудивительно... Но какого рожна? И почему объявилась, скажем, не в спальне, а в одном из окраинных коридоров, где ее видел один-единственный слуга? И в который раз вспомнил слова мэтра Анраха, сказанные по другому поводу, в адрес совсем другой твари:

— Многие считают, что у этих созданий своя логика, иногда человеку и непонятная...

Макред смотрел выжидательно.

— Маг не нужен, Макред, — сказал Сварог. — Все живут, словно ничего не произошло. Я улетаю по делам, ее величество пока остается. Акбар, пошли!

Акбар радостно зашагал рядом, сообразив, что его берет с собой.

Благообразный дворецкий старой графини Дегро, едва ли не точная копия Макреда, являл собою образец бесстрастности — он наверняка впервые видел гарма, но сохранял индейскую невозмутимость, как будто Сварог привез с собой комнатную собачку. Провел Сварога к двери, распахнул перед ним с поклоном:

— Ее старшая светлость ожидает в каминной...

Сварог вошел первым, за ним цокал когтями по мозаичному полу Акбар. Графиня несколько сотен лет прожила в Империи и давным-давно усвоила здешний этикет — а потому осталась сидеть. Сварог, как полагается, поцеловал протянутую руку, сел напротив, когда она указала на кресло. Акбар поместился сзади, кресло низкое, и его лобастая башка оказалась над головой Сварога.

С бабушкой Каниллы он встречался впервые. Первое впечатление — самая обыкновенная бабушка, каких много. Морщинистых, дряхлых стариков и старушек в Империи не бывает, графиня выглядела живой и бодрой — этакая мисс Марпл. Ни в лице, ни в больших, по-молодому синих глазах — ничего, что свидетельствовало бы о том, кто она родом. Как, впрочем, и у матери Каниллы, и у самой Каниллы, и у Лемара.

Графиня посмотрела поверх его головы с неподдельным любопытством, сказала таким тоном, словно извинялась:

— Вы уж не посетуйте, милорд. Вот вашу собачку я хотела увидеть из чистого любопытства. Старческие причуды, знаете ли...

— Никакого беспокойства, графиня, — поклонился Сварог. — Он только рад со мной проехаться — иногда очень долго меня не видит, скучает...

— Какая громадина! — восхищенно выдохнула старушка, протянула руку ладонью вверх, глядя без малейшего страха.

Обойдя кресло Сварога, Акбар подошел к ней, понюхал протянутую ладонь, завертел Хвостищем, пару раз угодив Сварогу по голове (привыкший к такому Сварог это стоически перенес) и с шумом улегся у ног графини. Она с довольной улыбкой почесала ему шею под нижней челюстью. Гармы на такую ласку реагировали в точности как обычные собаки — Акбар зажмурился, задрал башку, застучал задней лапой по полу. Признал. А ведь он далеко не всякого признавал. Агрессию

к гостю проявил на памяти Сварога один-единственный раз, да и то в легкой форме — но от тех, кто ему почему-то не пришелся по душе, отворачивался и уходил в дальний угол.

— Это, наверное, оттого, что я... это я, — сказала графиня. — Мы всегда были в добрых отношениях с животными, даже с хищными — они ведь тоже порой приходили лечиться.

— Каниллу при первой встрече он приветствовал еще энергичнее, — сказал Сварог и невольно улыбнулся, вспомнив, как Канилла после бурного выражения дружеских чувств кубарем полетела на ковер (что ее только развеселило). — Вообще, он у меня максималист. Середины не признает. Либо человек ему сразу нравится, либо нет.

— Вы довольны Кани?

— Очень, — сказал Сварог. — Отличный работник. Скажу вам по секрету, ее в ближайшее время небольшое повышение ждет...

— Я очень рада, что Кани — при серьезном деле, — сказала старушка. — Ее мать, к сожалению, предпочла чисто светскую жизнь... но я ее не осуждаю — и потому, что права такого не имею, и потому, что сама так и не смогла за всю жизнь подыскать себе должного занятия. Нет, оказалось, для меня занятий в этом мире. Так что я очень рада за Кани... но не о том разговор. Вас я попросила прилететь отнюдь не из пустого любопытства... Может быть, вы это почувствовали?

— Было такое чувство, — сказал Сварог. — Иногда со мной... случается... Предчувствие, предвидение и тому подобные вещи. Вот только иногда либо не сбывается, либо оказывается ложной тревогой.

— Ничего удивительного, — сказала графиня деловито. — Не все предчувствия и предвидения оправдываются. Да и не всякие предсказания сбываются — ошибочно предсказывали лишь самые с и л ь н ы е, вроде Мане Антакайда или Гиловера Кауртуна.

— Вы о них слышали? — ляпнул Сварог.

— Милорд, — воскликнула графиня с легонькой укоризной. — Я как-никак обитаю не в дикой лесной глуши. Мне нечем оказалось заняться — а вот книгами увлеклась, с тех пор, как выучилась грамоте. Читываю кое-что... А если еще самую чуточку о предсказаниях — никогда не ошибется еще и Лесная Дева. Вы, кажется, помрачнели немного?

— Есть причины, — признался Сварог. — Я бы, с вашего позволения, не хотел этой темы касаться...

— Как пожелаете... Я слышала краем старческого уха, вы знакомы с Лесной Девой? И на сей раз мои слова мрачности у вас не вызывают.

— Ни малейшей, — сказал Сварог. — Она мне однажды очень помогла. Правда, мы давно не виделись...

— Я вам завидую, — сказала графиня искренне. — В моей прошлой... ипостаси я и мечтать не могла о том, чтобы поговорить с Лесной Девой. Она, если пользоваться армейскими мерками, для Сестер была примерно тем же, чем генерал для капралов...

— С е с т е р? — поднял бровь Сварог.

— Ну да, — безмятежно сказала старушка. — «Дриады» и «наяды» — ваши, человеческие названия, которые ваши предки нам когда-то дали. Сами себя мы звали иначе — Сестры Леса и Сестры Вод. У каждой было еще и имя, но его невозможно передать на людском языке, оно вообще не имело ничего общего с вашими буквами и даже вашими звуками. Признаться, я его давным-давно забыла — когда становишься человеком, теряешь очень многое... правда, не все: Но вам, наверное, это не интересно?

— Ну что вы, графиня...

Он сказал так из чистой вежливости. Давным-давно знал, что дриады и наяды, в общем, с давних-преданных времен как-то не интересовали ни книжников, ни учреждения вроде Багряной Палаты или боевых монашеских Братств — и уж тем более имперские спецслужбы. Их магия черной не была, а сами они всегда были этакой вещью в себе — в жизнь большого мира

не вмешивались и не хотели, чтобы внешний мир докучал им. Ну, разве что иногда заблудившегося путника выведут из чащобы, тонущего ребенка спасут, подлечат кого-нибудь. Но все это редко, от случая к случаю, просто потому, что оказались рядом. Никогда не ставили себе целью целеустремленно творить добро — правда, и зла никогда не творили. И никаких тайных знаний былых времен ведать не ведали. Потому и не были никому особенно интересны — разве что иные молодые романтики, случайно с ними столкнувшись, теряли голову — что порой (но не обязательно всякий раз) кончалось недолгим пылким романом, а порой — так, как это произошло с дедушкой Каниллы и отцом Лемара.

— Можете не притворяться, милорд, — сказала старушка, глядя молодыми голубыми глазами пронизательно и спокойно. — Мне прекрасно известно, что люди нами давно перестали интересоваться. И меня это нисколько не обижает — как можно обижаться на судьбу за то, что она сложилась так, а не иначе? Совершенно не на что тут обижаться, коли судьба именно так захотела...

Несомненно, почтенная старая дама, чтобы не огорчать гостя, проявила некоторое дипломатическое изящество, кое-что смягчив. В действительности, есть все основания полагать, что наяд и дриад нисколько не обижало отсутствие к ним интереса со стороны людей. Скорее уж наоборот — только радовало, учитывая их замкнутый образ жизни.

— И все же, графиня... — Сварог перешел к главному. — Есть одна-единственная загадка, которая интересует многих: что случилось с Сестрами Лесов и Вод? Вдруг обнаружилось, что они исчезли все до единой...

— Сестры не исчезли, — просто ответила старушка. — Они ушли на Сильвану. Вернулись, смело можно сказать, на родину — они ведь сюда в свое время пришли вслед за людьми. На протяжении последнего столетия Сестры уходили п о н е м н о г у, их на Таларе

оставалось меньше и меньше. А потом настал момент, когда в одночасье ушли все, и даже водяницы, которым, в общем-то, ничего не грозило...

Ах, вот оно что, подумал Сварог. Ну что ж, об исчезновении водяниц он нисколько не сожалел, как, наверное, любой на Таларе. Отвратные были создания. В отличие от наяд и дриад, большую часть жизни проводивших в каких-то других измерениях, иных пространствах, водяницы целиком принадлежали этому миру, были существами насквозь плотскими. И крайне злыми, пакостившими людям, где только возможно. Самые безобидные их выходки случались, когда они рвали рыбацьи сети, цепляя их за коряги на дне, портили колеса водяных мельниц и затворы запруд, угоняли рыбы косяки из облюбованных рыбаками мест. Но иногда, не так уж редко, откалывали номера и похуже — топили пловцов и купальщиков, насиловали молодых красавцев (иным удавалось вырваться живыми, хотя порой и повредившимися рассудком, иные так и пропадали без вести), наводили на мель речные корабли, отчего порой происходили серьезные крушения с немалыми жертвами. Официально об этом никогда не объявлялось, но все знали, что за каждую убитую водяницу платят приличные деньги — речные судовладельцы, цеховые старшины речных матросов и рыбаков, иногда и зажиточные мельники. Словом, от них был один вред. Однако, к радости многих, в один прекрасный день обнаружилось, что все водяницы куда-то исчезли...

— Значит, на Сильвану... — задумчиво произнес Сварог. — А почему вдруг? Или это тайна?

— Наоборот, — сказала графиня. — Я вас для того и пригласила, чтобы рассказать, почему. Кани мне кое-что рассказывала о своей службе, конечно, не выдавая тех секретов, которые не положено разглашать посторонним, даже родной бабушке. Чует мое сердце, что вам эти знания как раз необходимы...

— Что-то случилось? — тихо спросил Сварог.

— Можно и так сказать. Но никак не «вдруг». Это началось давно, и понемногу приняло такой оборот, что не оставалось ничего другого, как уйти. Вы ведь не можете не знать, лорд Сварог, что Сестры Леса обитают, если пользоваться вашими человеческими словами, словно бы в деревьях. Точнее объяснить я вам не могу — и для этого нет людских слов и понятий. Ну для обитания Сестры Леса подходит не всякое дерево. У людей есть убеждение, что Сестры все зависят исключительно от породы дерева. Будто бы дриады любят сосны, тополя и березы, но терпеть не могут буков, дубов и кленов. Все это — заблуждение. Сестрам подходили все породы, не было любимых и нелюбимых. Здесь другое. Деревья бывают р а з н ы е. Есть обычные, а есть и д р у г и е. Поселиться в таком Сестре — все равно что человеку поселиться в волчьем логове. Дерево очень быстро ее убьет. Потому что такие деревья — з л ы е. В них словно бы спит некое невероятно древнее зло. Вполглаза спит, не уснуло полностью. Иногда такие деревья и для людей могут быть опасными, принести нешуточный вред.

— Простите, графиня, я вас перебую... — сказал Сварог. — Я в свое время обнаружил: практически на всем Таларе, везде, где есть дикие леса, прежде чем срубить хотя бы одно-единственное дерево, приходит некий колдунец и определяет, можно рубить или нет. Деревья у них делятся на «хорошие» и «плохие». Уж не одно ли это и то же — людские «плохие» деревья и ваши «злые»?

— Именно, — кивнула старушка. — Люди без нашей подсказки, своим умом до этого доискались, в незапамятные времена. Одно и то же, только называется по-разному... Так вот. Долго, очень долго, тысячелетиями «злых» деревьев было столько, что Сестрам это нисколько не мешало — мирятся же люди с оврагами или болотами, не стремясь их засыпать или осушить — ну, разве что по особой необходимости. А вот в последнее столетие многое изменилось. «Злых» деревьев становилось все больше, они словно бы начали плодиться, как

степные крысы в определенный год. В конце концов это стало причинять нешуточные неудобства. Если подыскать аналогии из вашей жизни... представьте, что вы — справный крестьянин и у вас есть хорошее поле. И вдруг оно начинает все больше, едва ли не на глазах, покрываться оврагами, валунами, зарослями кустарника, промоинами. Причем нет никакой возможности с этим совладать. Доброй, плодородной земли становится все меньше и меньше, вы уже еле-еле сводите концы с концами... Как вы поступите на месте такого крестьянина?

— Ну, если ничего нельзя сделать... — раздумчиво протянул Сварог. — Брошу это поле к лешевой матери.

— Вот так поступили и Сестры. Сначала уходили по одиночке и группами, а потом последние ушли сразу все. На Сильване ничего похожего на эту напасть нет... Вот вся тайна. Возможно, вам эти знания помогут?

— Нельзя исключать, графиня... — медленно сказал Сварог. — Никак нельзя исключать... Благодарю вас. Ничего еще не знаю точно, но может оказаться, что вы мне очень помогли...

Старушка улыбнулась:

— Я ведь давно уже принадлежу э т о м у миру — и буду принадлежать до самой смерти. У меня дети, внуки... Будущее этого мира — их будущее. Видите ли, лорд Сварог, это непонятное зло, заключенное в деревья, стало просыпаться. Мы, становясь людьми, теряем многое из того, чем обладали, будучи Сестрами, но не все. У охотников в старые времена было такое слово — «шаулкат». Оно сейчас в ходу?

— Никогда не слышал, — покачал головой Сварог. — Я сам иногда бываю на охоте, и моя... жена тоже, и со многими заядлыми охотниками знаком. Никогда и ни от кого этого слова не слышал.

— Шаулкат — это словно бы отголосок прозвучавшего очень далеко выстрела, крика, звериного рычания, удара грома. На пределе человеческого слуха. Сам звук не долетает — но его отголосок слышен...

— Ну, конечно! — уверенно сказал Сварог. — Бадар. Сейчас это называется «бадар», с давних времен. И означает именно то, что вы описывали. Отголосок далекого крика...

— Вот именно это со мной и произошло с полгода назад. Долетел отголосок, возвещавший, что зло просыпается. Я летала на землю — Канилла помогла, дала брагант с пилотом и охраной. Она ведь не нарушила никаких предписаний?

— Пожалуй, нет, — сказал Сварог. — В ее нынешнем положении может себе позволить такие вот небольшие услуги родственникам... Вы ей не рассказывали, в чем дело? Она бы непременно поделилась со мной, но ни словечком не упомянула...

— Не стала я ей ничего рассказывать, — сказала графиня. — Я ведь имею некоторое представление о том, что такое служебная субординация. Муж у меня одно время служил в гвардии, потом младший сын, а старший брат Каниллы и сейчас служит. По-моему, для Каниллы такая тайна — словно форма не по размеру. Не по мундирному шитью, как выражаются гвардейцы. А вот для вас — в самый раз. «Злые деревья» просыпаются п о в с ю д у, по всему Талару, и на Харуме, и на островах. Что из всего этого получится, представления не имею. Но вряд ли что-то доброе...

Кое-какие вопросы так и вертелись у Сварога на языке. Например, почему ушли и наяды, и водяницы, которым вроде бы никакие з л ы е деревья не грозили? Но сейчас это выглядело бы пустым любопытством — если бы и за этим стояло что-то серьезное, графиня рассказала бы. Возможно, наяды, дриады и даже никогда с ними не общавшиеся водяницы — некие симбионты, которые могут существовать лишь в м е с т е. Как люди разных профессий и ремесел, как многие животные и птицы. Сейчас это совершенно неважно. А вот о некоем спящем зле, начавшем вдруг пробуждаться, задуматься стоит. Тем более что имеются кандидаты на эту роль, пусть и предположительные...

— Графиня, уж простите, я не буду вдаваться в некоторые служебные тайны... — сказал Сварог. — Но кое о чем хотел бы спросить. Вы что-нибудь знаете о других волках? Не обычных, каких-то иных?

— Бывали такие, — ничуть не удивившись, кивнула старушка. — Есть обычные волки, а есть и другие. Что они такое, никто у нас не знал... да и не стремился узнать. Достаточно было того, что они нас никогда не трогали и не причиняли беспокойства. Мы просто всегда знали: вот это — обычный волк, а это — какой-то другой, непонятной сущности. Видите ли, лорд Сварог, у нас не было стремления ломать голову над какими-то загадками. Не было ни книжников, ни сказок, ни легенд. В этом мы людям — полная противоположность. Прошло мимо такое вот непонятное создание, не задевая нас, — и пусть его... Вы считаете, это было неправильно?

— Графиня, кто я такой, чтобы вас судить? — пожал плечами Сварог. — Люди жили по своему укладу, вы — по своему. Вы никогда ни с кем и ни за что не боролись, в отличие от нас, — он улыбнулся. — Честное слово, я вам чуточку завидую. Очень уж это утомительное, а порой и очень печальное занятие — борьба...

...Мэтр Анрах развел руками:

— Совершенно ничего нового по Гремилькару, лорд Сварог. Столько книг перевернул, но все впустую...

— Не удручайтесь, — сказал Сварог, наполняя серебряные чарки, памятные ему еще со времен первого знакомства с Анрахом на Бараглайском холме. — Так получилось, что Гремилькар отодвинулся на задний план. Засел он где-то — и леший с ним... Появились более важные дела... И я, как не раз бывало, прежде всего направился к вам... — он задумчиво повертел чарку, разглядывая выпуклую чеканку старинного мастера. — Мэтр, вы когда-нибудь что-нибудь слышали о, скажем так, о собаках волках? Нет, не о людях, умеющих оборачиваться волками. О других. О существах, кото-

рые внешне выглядят людьми, никогда в волков не превращаются («надо полагать» — уточнил он про себя), но внутри — волки? И живут среди людей, ничем себя не выдавая. Может быть, долгими поколениями. Сущность их непонятна, цели их не известны, но они — безусловное Зло...

И замер с чаркой в руке. Ни разу за все время их знакомства он не видел у мэтра Анраха т а к о г о лица — чересчур тревожного, чересчур озабоченного, даже испуганного.

— Зачем вам это? — тихо, едва слышно спросил мэтр Анрах.

— Нужно, — сказал Сварог, кое в чем уверившись окончательно. — Оказалось вдруг, нужно...

Анрах угрюмо молчал, ссутулившись.

— Мэтр... — сказал Сварог мягко. — Я вас очень уважаю и ценю. И впервые, сколько мы знакомы, вы не отвечаете прямо на мой вопрос... очень важный для меня вопрос. Хотя определенно что-то знаете. Вы же прекрасно понимаете: я могу задать прямой вопрос и ментально определить, лжете вы или нет... и прекрасно догадываетесь, каким этот вопрос будет. Вы что, боитесь чего-то? Кого-то? Вы ведь никогда не были трусом, даже в те времена, когда занимались разными запретными темами, за что могли заработать крайне серьезные неприятности. Но теперь-то, в вашем нынешнем положении, кого вам бояться?

Молчание, напряженное и тягостное, висело долго.

— Я не за себя боюсь, — сказал наконец мэтр Анрах. — Я человек старый. Мне, как всякому, хочется пожить подольше, но я прекрасно понимаю, что большую часть жизни уже прожил. И мне есть что вспомнить — из самых разных областей жизни человеческой. Так что смерти не особенно и боюсь, как в молодости не боялся, когда приходилось скакать на пушки. Написал же когда-то маг Шаалы: «Путник на дороге жизни, не бойся смерти. Пока ты ее не встретил — ее нет. А когда она тебя встретит — тебя уже не будет». Не боюсь я за себя.

— А за кого же тогда? — спросил Сварог в нешуточном изумлении. — Здесь нет никого, кроме нас с вами. Ну не может же быть, чтобы вы за м е н я боялись? — он подался вперед. — Нет, серьезно? За меня? С чего бы вдруг? Уж вы-то обо мне знаете гораздо большее, чем многие другие. Столько лет ходил под смертью, что это вошло в привычку...

Анрах молчал.

— Послушайте, мэтр, — сказал Сварог не без жесткости. — Получилось так, что мне просто необходимо знать то, что знаете вы. Вы уже знаете столько т я ж е л ы х тайн и секретов, что еще один ничего не изменит... Происходит нечто, способное, боюсь, представлять серьезную угрозу не только Талару, но и Империи. Именно так. В таких случаях я перестаю быть человеком и становлюсь механизмом, озабоченным одним-единственным: поиском истины. Вы должны меня понимать — вы же офицер в прошлом, гвардеец... Помощь нужна даже не мне...

— Все и в самом деле так серьезно? — спросил Анрах.

— Серьезнее некуда, — сказал Сварог. — Н а к а т ы в а е т серьезнейшая угроза, а я знаю слишком мало, чтобы успешно ей противостоять. И есть основания подозревать, что времени у меня мало. Тут уж некогда думать о собственной шкуре.

Все так же тихо Анрах спросил словно бы самого себя:

— Значит, о н и начали действовать?

— Начали, похоже, — сказал Сварог, хоть и представления не имел, кого Анрах имеет в виду. — Я не буду говорить о том, что знаю я. Сейчас меня гораздо больше интересует, что знаете вы. Я нисколько не сомневаюсь, что они — есть. Я их уже встречал и здесь, в Латеране, и... — он чуть помедлил, но все же решился, — и в Империи.

Все прежние чувства на лице Анраха сменились нешуточным удивлением:

— Значит, это не легенды? И есть какое-то умение их распознавать?

— Есть, — сказал Сварог. — По глухим уголкам сохранились самые разные умения, вам ли не знать... Мне удалось заполучить и такое... По крайней мере, теперь я могу их безошибочно узнавать, а это многое значит.

— Пожалуй...

— Что вы знаете? — настойчиво спросил Сварог.

Кажется, Анрах решил.

— Гримальты, — сказал Анрах. — Хотя кое-кто называл их веральфами. Да, все так и обстоит: некие существа с волчьей сущностью, столетиями, а то и тысячелетиями живущие меж людей. И никогда никак не проявлявшие себя. По этой причине некоторые считали, что они совершенно безобидны. Другие полагали, что это — спящее до времени Зло, правда, непонятно, что оно такое. Своей точки зрения у меня нет — очень уж мало, практически нет исследований на эту тему. И занимались ею очень немногие. Лично я за всю свою жизнь встречал одного-единственного человека. Одна из тех тайн, которые убивают быстро и неотвратимо.

— Приходилось мне с такими сталкиваться, — сказал Сварог. — Но я живой, и я везучий. А слишком многие умные люди считали и считают, что везение — некое врожденное качество, вроде предрасположенности к определенному ремеслу или способности к каким-то занятиям. Ну, хотя бы как с верховой ездой: если у человека нет к ней способности, учи его хоть двадцать лет лучшие наездники — толку не будет. Честно говоря, это мне придает уверенности... но несколько не расслабляет. Везучесть вовсе не означает неуязвимости... И вот что, мэтр... Неужели на эту тему есть какой-то запрет? Я перерыл все доступные тайные архивы Империи — а мне доступны почти все, — но ничего не нашел. А ведь существуй такой запрет, мне было бы положено о нем знать, как главе восьмого департамента. Основополагающий документ — закон «О запрещении вредоносных для умов и опасных для общества слухов и рассказней». На земле он прекрасно известен, никто его не секретил,

наоборот, позаботились, чтобы точно знали, чем не следует заниматься и даже — о чем болтать. В точности как с «Законом о запрещенной технике». Вы ведь с обоими знакомы?

— Разумеется.

— Так вот, в «Законо о запрещении...» нет ничего и отдаленно похожего. Значит, соответствующих запретов нет и на земле. Интагар еще не закончил с архивами, но уже сейчас утверждает, что никаких следов такого запрета нет... Существой он, я бы знал.

— В том-то и дело, что прямого запрета нет, — вздохнул Анрах, произнося слова с несвойственной ему интонацией — врасстяжку, медленно. — Никогда не было. Просто-напросто с незапамятных времен держится стойкое убеждение: этой темой заниматься нельзя. Со всеми, кто занимался, либо случалось что-то скверное, либо они попросту исчезали. На земле, я имею в виду. Как обстоит в Империи, я, конечно, не знаю... и не хочу знать. Слишком глубоко этот неписанный, негласный запрет въелся в мозги. Может, оттого он и кажется особенно жутким, что — негласный и неписанный... Ваше величество, вы уверены, что иначе нельзя?

— Уверен, — глядя ему в глаза, твердо сказал Сварог. — Иначе просто невозможно...

Вздохнув вовсе уж тяжело, Анрах неторопливо пересек комнату, снял с полки несколько толстых книг, отложил их на стоявший рядом столик. Открылась деревянная обшивка стены, темные доски из полированного сарейского клена, какими была отделана вся комната Анраха во дворце. Мэтр, запустив руку глубже, что-то сделал — и откинулась планка примерно такой площади, какую занимали убранные книги. Сварог ничуть не удивился — когда ему отводили и обставляли по его вкусу (главным образом книжными полками) эти покои, Анрах и попросил Сварога подыскать надежного мастера, который сделал бы небольшой тайник и тут же забыл об этом. Сварог прислал ему мастера из девятого стола. И никаких вопросов

задавать не стал — мало ли что мэтр собирался там хранить, Сварог никогда не лез в личные дела людей из своего ближайшего окружения, если только они не вредили какому-либо делу.

Вот оно, значит, что... Анрах стоял к Сварогу боком, и Сварог прекрасно видел со своего места, что в тайнике лежит один-единственный предмет — нетолстая книга. Впервые за все время их знакомства Анрах завел у себя тайник — и никогда не прятал книг, они всегда стояли на полках открыто... а может, прятал и раньше, но не говорил об этом Сварогу — что ж, его право...

Закрыв тайник и поставив книги на место, Анрах вернулся к столу и с видимой неохотой (но с лицом человека, вынужденного подчиниться неизбежному) подал Сварогу книгу в порыжевшем и потрескавшемся кожаном переплете без единой надписи.

— Собственно говоря, это все, что у меня есть, — сказал мэтр. — Я никогда этим не занимался сам. А книгу сохранил... — он улыбнулся чуть смущенно. — Ну, чтобы была, рука не поднялась сжечь... Не могу я ж е ч ь такие книги...

— Какие — «такие»? — уточнил Сварог.

— Уникальные, — не раздумывая, ответил Анрах. — Уникум не можешь выпустить из рук, даже если его хранение сопряжено с опасностью для жизни. Уникальность еще и в с у т и книги. За всю жизнь я держал в руках четыре книги о гримальтах... конечно, не книги, а рукописи, ни одной печатной книги нет. Те три — гораздо более объемисты, но вот содержание... Во всех трех немало информации о гримальтах, и во всех трех она — ч а с т и ч н а я. К тому же занимает очень небольшую часть книги, а остальное... Есть у части книжников такая тенденция — брать какие-то исторические... или легендарные факты и события и использовать их для изложения своих собственных взглядов — философских, политических, научных, моральных соображений. Некоторые, в том числе и я, такие книги не особенно любят. Вот и те три написаны по классической схеме —

авторы приводят такой факт, неважно, реальный или легендарный, а потом десятка два страниц отводят собственным размышлениям по этому поводу, изложению своих собственных взглядов на разные вещи, порой никак не связанные с «отправной точкой». Здесь — ничего подобного. Вообще нет собственных размышлений и соображений. Больше всего это напоминает подробный отчет, обзор всего, что известно о данной теме. В нашем случае — о грималтах. И еще... Это — единственная книга, которую автор подписал, пусть и шифром. Вот, посмотрите, на последней странице...

Сварог посмотрел. Действительно, три строчки загадочных знаков, старательно выведенных ставшими от времени бледно-бурыми чернилами.

— Содержание — опять-таки классическое, — сказал Анрах. — Септимер Руф радостно извещает, что закончил наконец нелегкий труд... ну, там гораздо более развернуто. Классическая фраза — правда, в обычных книгах ее редко зашифровывают. Септимер Руф — книжник в свое время известный, хотя и не достигший особенных высот. Как некоторые, Руф увлекался шифрами и придумывал свои, из тех, что, не зная ключа, ни за что не раскроешь.

Н а з е м л е, мысленно добавил Сварог. Компьютеры имперских спецслужб колют такие шифры, как орехи, исключений, говорил Элкон, просто не бывало. Но вряд ли о существовании таких компьютеров что-то знал или хотя бы слышал Септимер Руф...

— В чернилах таких я кое-что понимаю, — сказал Сварог. — В том числе и благодаря вашим разъяснениям. То, что именуется «вечные чернила», правильно? Старинный утраченный рецепт. Они, конечно, не были вечными, но держались в несколько раз дольше обычных.

— Именно.

— Книга довольно старая, — сказал Сварог. — Когда он жил?

— Девяносто с лишним лет назад, почти сто.

— И какова была его судьба? — спросил Сварог.

— Его убили в Ронеро на большой дороге, — ответил Анрах. — Пара-тройка современных ему книжников считала, что история какая-то странноватая. Нападения разбойников на большой дороге не так уж редко случаются, и убийства не редки. Вот только разбойники выбирают людей побогаче, из тех, в ком за лигу можно узнать богатея с толстым кошельком и дорогими украшениями. А Руф жил довольно бедно, одевался крайне небогато, даже ездил не на коне, а на муле — что тоже считается признаком невеликого достатка. Конечно, иногда под таких маскируются купеческие приказчики, или сами купцы, перевозящие по каким-то своим причинам не денежные документы, а звонкую монету. Но разбойники на таких всегда нападают, только если заранее получили наводку. Мне в свое время, когда я еще был на службе, пришлось командовать очередной большой облавой на разбойников из лесов и одной из больших дорог. Так часто бывает — гвардейцев никогда не привлекают к таким облавам, гвардейцы считают подобные поручения для себя унижительными. Действует армейская кавалерия. Но командовать, как во многих других случаях, ставят гвардейского офицера. Командует он всегда чисто номинально, от его имени распоряжаются опытные помощники, но так уж заведено — возглавлять должен гвардеец, — он улыбнулся так, словно смотрел сквозь Сварога в прошлое. — Знаете, такие поручения гвардейцы принимают охотно. Именно потому, что реально командуют другие. Получается этакий отпуск на пару-тройку недель. Бездельничаешь, попиваешь винцо, проформы ради вечером слушаешь доклады подчиненных вполуха. А часто облавы случаются в местах, где поблизости есть деревни. Деревенские красоточки не особенно строгих правил и простым солдатам отдают предпочтение перед своими неотесанными односельчанами, а уж когда на тебе офицерский гвардейскими мундир... — он улыбнулся, словно бы извиняясь. — Я был довольно молодым лей-

тенантом, лорд Сварог, с покойницей супругой тогда еще не знакомым... Ладно, что-то я отвлекся. В общем, длилась облава больше трех недель, я от скуки выслушал немало рассказов о нравах и повадках разбойников с большой дороги. А потому согласен с теми, кто считал смерть Руфа какой-то странноватой... Впрочем, о ней долго не судачили. Как только прошел неизвестно откуда проистекавший слух, что он занимался в том числе и гримальтами, пересуды моментально прекратились, все прикусили языки.

— Около ста лет назад... — задумчиво протянул Сварог. — А с какого времени книжники занимаются гримальтами, можно сказать точно? Или, как водится, «с незапамятных времен»?

— Руф считал, что всего-то лет двести с лишним. Если прибавить прошедшее с его кончины время, получается около трехсот. Другой автор — из тех трех, безымянных — тоже упоминал триста лет. Двое других ничего об этом не писали. Правда, был еще случай из моего собственного опыта...

— Ну-ка, ну-ка! — сказал Сварог. — Что же вы о собственном опыте молчали?

— Хотел отложить на самый конец разговора, — покаянно вздохнул Анрах. — Тяжелый был опыт... Случилось это восемнадцать с лишним лет назад, я даже помню точную дату, когда все началось, — семнадцатого Северуса. У меня скверная память на даты и цифры, но эту я отлично помню оттого, что шестнадцатого мне стукнуло сорок. Я тогда еще не жил на Бараглайском холме, переехал туда после смерти жены, пять лет спустя. Собрались главным образом бывшие сослуживцы по полку. Вы ведь знаете, что такое гвардейская пирушка, независимо от того, на службе офицеры или в отставке? Вот видите... Крепенько было пито. Жена утром не ворчала — как-никак день рождения, да вдобавок круглая дата. Но пара комнат, да и лестница требовали долгой и старательной уборки — гвардейская пирушка, ага... Чтобы не болтаться под

ногами, я пошел поправить здоровье в таверну. Была такая поблизости, «Сова и свиток». Я туда и раньше частенько заходил — это одна из таверн, где собирались книжники и творческие люди, она и сейчас на том же месте, таверны — заведения долгоживущие... По раннему времени гостей было мало, из знакомых там оказался Бальдер Вилат. Студент последнего курса Ремиденума. Учился на факультете изящной словесности, намеревался подать в книжники и, точно было известно, интересовался гримальтами. Что многие люди постарше не одобряли — все ведь знали, какая это опасная дорожка. Я сам к тому времени успел прочитать две книги о гримальтах из четырех — те, толстые, «философские». С Вилатом был еще один молодой человек. Довольно быстро выяснилось, что и он интересуется гримальтами. И что он — лар. Я впервые в жизни видел книжника-лара, интересовавшегося гримальтами, возможно, были раньше и другие, но я о них не слыхивал. Заговорили о том, что нам известно о гримальтах. Сидели в отдельном кабинете, так что могли себе позволить чуть-чуть распустить язык. Я его сразу предупредил, что это тайна из разряда смертельно опасных. Он засмеялся и сказал: быть может, для жителей земли так и обстоит, но он-то — лар. И в жизни не слышал, чтобы для ларов какие-то земные тайны оказывались смертельно опасными. И самое большее, что ему грозит, — нравоучительная беседа в Канцелярии земных дел. Я не знал, как обстоит на самом деле, но подумал, что ему виднее. Он выглядел чуточку легкомысленным, но, в общем, серьезным молодым человеком, к тому же, как из разговора выяснилось, книжниками интересовался не из блажи — а сам хотел написать книгу о земных тайнах и загадках. Правда, честно сказал: не в форме ученого труда, скорее уж в духе Гонтора Корча. Собирает материалы и наткнулся на упоминания о гримальтах...

— Минуточку, — перебил Свароог. — Имя вы, случайно, не знаете?

— Знаю, — сказал Анрах. — Он сразу представился. Вовсе не скрывал, откуда он. Лорд Тордальт, граф Григан. Он на земле бывал не первый раз, свел знакомства в Ремиденуме... подозреваю, от тамошних студентов и нахватался изрядной бесшабашности вдобавок к своей природной... А я как раз с превеликой осторожностью и у надежного человека купил книгу Руфа. Подарок такой себе решил сделать к сорокалетию. Вот так и познакомились... Я поостерегся бы особенно распускать язык с местными, я имею в виду, касательно гримальтов, но он был лар, полный уверенности, что уж ему-то никакие земные тайны смертью не грозят, и эта уверенность передалась мне... Одним словом, мы встретились два раза у меня дома. Его очень заинтересовала книга Руфа, он, спросив сначала позволения, сделал себе копию. Вошел по страницам какой-то блестящей коробочкой — теперь-то я знаю, что это был сканер, в точности такой, какой вы мне в позапрошлом году подарили. Очень удобная вещь... В третий раз пришел и сказал, что улетает домой, но недели через две обязательно вернется, и... Я в точности запомнил его слова: «Кажется, мэтр, я вам тогда смогу рассказать кое-что интересное. Ничего пока не берусь утверждать, но, похоже, гримальты — не только ваша, земная проблема». Что примечательно, он говорил так, словно речь шла не о сказочных персонажах, а о реальных существах. И до того некоторые его слова, я понял задним числом, можно было истолковать именно таким образом. Обещал, в свою очередь, показать мне кое-что интересное, — Анрах помолчал. — Я его больше никогда не видел. Он так и не вернулся. Я хотел написать ему письмо и отослать через канцелярию наместника, но остановило что-то. У меня нет никаких особенных способностей вроде развитого чутья или предвидения, просто не смог и все. Возможно, из-за Вилата...

— С ним что-то случилось? — спросил Сварог.

— Его убили недели через две после отъезда Григана. Как считала полиция, в очередной стычке с пожарными. Вы ведь знаете...

— Ну, конечно, — сказал Сварог. — Старинная вражда меж студентами Ремиденума и цехом пожарных. Чаще всего сходятся на кулачки, но порой, по каким-то серьезным поводам, и за оружие хватаются...

— Вот именно. Очень редко, но хватаются. Пожарные не имеют права на меч, но будучи вне службы в мундире, носят тесаки. А тесаки у них солидные, в умелой руке такой тесак способен на равных потягаться с мечом, как бывший кавалерийский офицер говорю. Да и рана у него как две капли воды походила на рану от тесака, мне говорил квартальный начальник полиции... И все равно... Вилат был не из тех, кто мог бы сцепиться с пожарными с оружием в руках или дать повод для нападения на него с оружием. Он не особенно-то и увлекался этими драками — так, скорее по необходимости, чтобы не отставать от других, соблюдать неписанные традиции университета... Не драчун по натуре, в отличие от многих соучеников... Так что, возможно, тут не какое-то чутье работало, а в подсознании держалось убеждение, что смерть Вилата какая-то странная... как и смерть Руфа и некоторых других. Словом, я не написал. И никогда больше не видел графа Григана, не получал от него писем, никто ко мне не обращался от его имени... Вот такая история. Лишний раз убедившая, что о некоторых тайнах следует помалкивать. Вас интересует, что мне тогда пришло в голову?

— Конечно.

— Я подумал, что Григан, вполне возможно, был исполнен той юношеской самонадеянности, что свойственна молодым людям везде — и на земле, и у вас. Вы ведь сами как-то упоминали мельком, что в Империи есть тайны, большинству ларов недоступные?

— Было дело, — сказал Сварог.

— Я не знаю, до сих пор не знаю, какие наказания полагаются за нарушения запретов...

— Не особенно тяжелые, мэтр, — сказал Сварог. — Если речь идет о простом интересе к запретным секретам, за которым не стоит ничего серьезного. Но даже в серьезных случаях о с м е р т и речь не идет.

— Я тогда рассудил примерно так же. В любом обществе есть запретные тайны и наказания за нарушение запретов. Вот и подумал тогда: а если и у вас тема гримальтов запретна? И Григана как-то наказали? Ну, скажем, запретили посещать землю? Тогда мне тем более следовало забиться в уголок и сидеть там тихой мышкой. Там, где лара пожурят, и только, с земным жителем могут обойтись гораздо жестче... Были примеры...

— Увы, увы... — пожал плечами Сварог. — Не мной эти порядки заведены, не мне их отменять или критиковать... — он усмехнулся. — Разве что я порой в интересах дела их нарушаю. Ладно, пойду почитаю.

Он встал и забрал со стола книгу.

— Ваше величество! — воскликнул Анрах почти умоляюще. — Не держите ее на виду!

— Хорошо, хорошо, — сказал Сварог, спрятал книгу в боковой карман кафтана, где она прекрасно уместилась, карман почти не оттопыривая (да и кто станет приглядываться к карманам его величества?). — Крепенько же это в вас въелось, мэтр, страх перед этой тайной...

— По-моему, были основания, государь, — ответил Анрах без улыбки.

ДУШИ ДЕРЕВЬЕВ И ВОЛКОВ

Сварог спустился этажом ниже, в малый кабинет, по дороге почти никого из придворных не встретив. Королевский дворец в первой половине дня, если не предвидится каких-то церемоний или торжественных обедов, если в стране все спокойно, — место малолюдное. Это часа в три пополудни начнут помаленьку стекаться в Королевскую Приемную. Так она только называется, на деле король там никогда никого не принимает и сам там появляется крайне редко. Но там что ни день толпятся счастливы, имеющие такую привилегию, — обмениваются свежими сплетнями, в картишки дуются, о всяких житейских мелочах толкуют. Старинная традиция, самому Сварогу решительно ненужная — но совершенно не мешавшая ему жить, так что он на нее никогда не покушался. Тем более что имелся дополнительный стимул, своего рода награда за труды — доступ в Королевскую Приемную. И вид наказания — лишение такового. Для дел государственного управления полезно, многим ретивости придает...

Он сделал статс-секретарю давно знакомый обоим жест — объявлявший, что короля следует беспокоить лишь в особо безотлагательных случаях, каком-нибудь земном аналоге Белой Тревоги. Вольготно рас-

положился в кресле, раскрыл книгу. На первой странице только две строчки, выведенные заглавными буквами, — РАССУЖДЕНИЯ О ДУШАХ ДЕРЕВЬЕВ И ВОЛКОВ. Те же светло-бурые от времени «вечные чернила». Для ученого труда заголовок изрядно коротковат — до сих пор в ходу длиннейшие, велеречивые названия едва ли не во всю страницу, кратко излагающие содержание книги, а то и ее морализаторскую направленность. Итак...

Интерес к гримальтам, насколько Руфу удалось установить, возник лет двести назад (значит, триста по сегодняшнему счету). Гримальты — создания, в которых неким причудливым образом смешались людская и волчья сущности. В волков они, в отличие от оборотней, не превращаются периодически — во всяком случае, об этом ничего неизвестно. Они просто ж и в у т среди людей, ничем среди них не выделяясь, исправно выполняя те обязанности, которые на них возлагает человеческая личина. Иные считают, что есть какие-то умения их ошибочно опознавать, но Руфу об этом ничего неизвестно, хотя в последнее время он, кажется, наткнулся на любопытные с л е д о ч к и. Гримальты как-то связаны с д р у г и м и волками — теми, которые, в отличие от обычных, представляют собой ч т о-т о е щ е. Иные считают, что и те, и другие как-то связаны со Злыми Душами, спящими в некоторых деревьях.

О «других» волках известно только, что они не оборотни — что-то другое. Они, безусловно, существуют, но ничем особенным себя не проявляют. Иные считают, что есть умение опознавать и их, но точных данных нет.

Волчья Королева, она же Царица Волков, она же Белая Волчица. Одни уверены, что она уже существует, другие — что ей только предстоит родиться — то ли при крайне редко происходящем благополучном расположении звезд, то ли в некий урочный час. Однако все сходятся на том, что она придет из-за далеких морей, из ледяных краев. С ее приходом все воспрянет — очнутся и рванутся в окружающий мир Злые Души

Деревьев, грималты отбросят тысячелетнее ожидание. По всему миру разнесется неслышимый людям зов «Наш час настал!».

Вслед за Белой Волчицей появится Волчья Невеста, она же Возлюбленная Волков — девица человеческого рода. Одни считают, что ей на роду написано стать таковой, другие — что, обладая какими-то необходимыми для Волчьей Невесты качествами, в свое время будет каким-то образом меченой Белой Волчицей, и эта метка заставит ее, когда наступит время, уйти к волкам. От которых она и родит некое создание, которому суждено разрушить этот мир, чтобы на смену ему пришел другой, в котором будут безраздельно властвовать грималты, а люди, как иные считают, исчезнут вовсе, либо станут жалкими рабами новых хозяев. Иные считают, что этому созданию суждено возложить на голову Черную Корону короля-мага Шелориса, что даст ему неслыханное могущество.

Вот к этому, собственно, книга Руфа и сводилась. Анрах оказался прав — в ней не было ровным счетом ничего от самого автора. Ни единого его суждения по поводу описанного, ни каких бы то ни было собственных предположений и гипотез. Действительно, больше всего напоминает аналитический обзор всей информации о грималтах, которая на данный момент имеется. Если существует несколько версий какой-либо детали, они приводятся с непременным упоминанием «иные считают» — и всякий раз в скобках указаны цифры, от единицы до одиннадцати. Что они означают, Сварог определил сразу же, как только столкнулся с первой: в конце книги приведена натуральная библиография из одиннадцати пронумерованных названий — вот они как раз по-научному длиннейшие, все анонимные. Из одиннадцати названий Сварог знал только два — потому что только два знал Анрах.

Он долго разглядывал вклеенный в книгу, сложенный вчетверо рисунок пером — как было написано, копия старинной гравюры из книги под номером три (Анраxu

неизвестна). Нельзя сказать, что у него по спине ползли ледяные мурашки и волосы вставали дыбом, — но чувствовал он себя прескверно.

Потому что именно это видел во сне совсем недавно: изображенный словно бы сверху амфитеатр с лежащими волками, статуя похожего на волка монстра с человеческим черепом под передней лапой, костер, обнаженная женская фигурка, лежащая меж ним и постаментом, обступившие ее пятеро волков. Все волки заштрихованы тонкими чернильными линиями, очевидно, чтобы обозначить серую либо бурю шерсть, и только один оставлен белым — лежащий в одиночестве на ступени постамента. Вернее, лежащая я...

Он ни о чем не думал — рано. Действуя как автомат, достал один из «портсигаров», зажег световую клавиатуру и экран, привычно набрал коды доступа в архивы восьмого департамента. Ну как же, лорд Тордальт, граф Григан. Гуманитарный факультет Лицея, придворный чин камер-юнкера, на гражданской и военной службе не состоял, в спецслужбах не служил. Холост. Погиб на охоте в Каталауне — судя по дате, через одиннадцать дней после их с Анрахом последней встречи. Материалы следствия, неопровержимо доказавшего, что речь идет о несчастном случае, подстерегающем всякого охотника на крупную дичь, — подраненный разъяренный олень, запоровший рогами, имена свидетелей... Погребен обычным для ларов способом — тело сожжено с должным соблюдением Последней Церемонии, сожжено в Огненной Чаше, урна с прахом помещена в семейный склеп. Заметки на полях: что, кстати, не позволяет теперь определить причины смерти (заметки на полях мысленных комментариев Сва-рога, понятно, а не официальных бумаг).

Ну, а поскольку книга Руфа очень уж напоминает стандартный аналитический обзор, какие в ученом мире встречаются редко, а вот в полиции и спецслужбах имеют большое распространение... В конце концов, всего-то несколько потраченных минут... Код доступа в Камору, недолгий поиск в соответствующем разделе...

Есть в списках агенты восьмого департамента Септимер Руф! Досье списано в архив по причине смерти означенного (специальное расследование не проводилось — ну, здесь все зависит от ситуации, иногда следствие назначают, иногда — нет. Следовательно, Руф совершал какую-то частную поездку, а не ехал по заданию восьмого департамента).

Собственно, определение не вполне точное. Руф был не агентом и не информатором — своего рода научным консультантом, как мэтр Анрах у Сварога. В досье — четыре его отчета, по стилю изложения и оформлению как две капли воды похожие на «Рассуждения о душах деревьев и волков» — каковых в досье нет. Все четыре касаются нарушения «Закона о запрещенной технике»: смотрите-ка, чистой воды гуманитарий, но занимался работой, которая скорее подошла бы технарю. Ну что ж, всякое случается, книжники не всегда делятся на гуманитариев и технарей, порой совмещают то и другое. А Руф их, следовательно, о с в е щ а л. Никаких странностей — подобных консультантов из числа земных жителей и сегодня хватает у имперских спецслужб, в том числе уже имеется парочка и у девятого стола, да и у Интагара они есть. Странность можно усмотреть в другом. Судя по досье, Руф до самой смерти работал на восьмой департамент. Два года с парой недель. Так вот, за первый год он подготовил те самые четыре отчета — серьезные, потребовавшие немалых трудов. А в течение года следующего не сдал ни единого. Либо ему ничего не поручали, хотя обычно научным консультантам столь долгих «каникул» не устраивают. Либо поручили что-то такое, что потребовало года работы (прецеденты были уже при Свароге, не говоря о прежних временах) — но в досье ничегошеньки о таком задании нет.

Дальнейший поиск идет в стандартном, можно сказать, направлении. Кто был его полевым куратором? Вот он, никаких тайн, ситуация насквозь рутинная — у всякого агента, информатора, научного консультанта

есть куратор, иногда рядовой сотрудник, иногда весьма высокопоставленный, вплоть до главы восьмого департамента. И у Гаудина было несколько его личных агентов, и у Сварога парочка имеется. Мотивы могут быть самыми разными — иные агенты работают даже не за деньги или какие-то блага, а оттого, что считают честью для себя быть агентом самого начальника департамента — это где-то похоже не на «агента», а «доверенное лицо». Правда, есть строжайшее правило: только на агентов начальника департамента не заводится досье, и их отчеты нигде не фиксируются. Заведено сие во избежание излишней самостоятельности подчиненных — не только начальники спецслужб, но и главы других ведомств таковой стараются избежать. Можно с уверенностью сказать: узнав о смерти Гаудина, его личные агенты поступили, как когда-то доверенные лица барона Гинкера — легли на дно. Известна только одна, Маргилена Дино, и то от того, что Сварога на нее вывел сам Гаудин, а после его безвременной кончины Сварог не нашел в соответствующих архивах досье на нее (каковое собирался честно изничтожить).

Ладно, не будем отвлекаться, не о том сейчас нужно думать. Если уж досье на Руфа есть, у него должен быть и куратор. Поиски коего — тоже несложная задача для освоившегося в должности главы восьмого департамента. Так... И так... Ну, вот он, полевой куратор — коллегий-секретарь (то есть гражданский лейтенант) лорд Браммер, маркиз Вильбер. Двадцать девять лет. Пару раз отмечен и удостоен. Вот только характеристика никоим образом не порочащая или неприглядная, но изъяны отмечены. Некоторая склонность к авантюризму, иногда к самостоятельным действиям, выходящим за рамки служебных инструкций либо предпринятым по собственной инициативе, — что даже в случае успеха не приветствуется. Брагерта в свое время уволили примерно за то же самое, разве что выходявшее за некие рамки, в которых Вильбер, судя по всему, оставался. Дальше...

Значит, вот так... Лорд Брамер пропал без вести на Сильване — судя по тому, что не указано, в ходе какой именно операции или акции, это была частная поездка. Следствие результатов не дало. И пропал он примерно недели через две после убийства Руфа...

Итак? Информации к размышлению достаточно — вернее, д р у г о й больше нет, изучил всю доступную. Пора и делать выводы с наметками действий.

Одна случайность — это случайность. Две порой — тоже. Но когда случайных смертей и загадочных исчезновений целая с е р и я — ни в какие случайности верить не следует, это один из железных законов разведки. Серия, связанная с конкретной темой — веральфами. Анрах прав: это одна из тех тайн, которые убивают, причем не выборочно, а всех соприкоснувшихся. Мэтру несказанно повезло: напиши он лорду Грегану, как собирался, вряд ли бы прожил долго. Особенно если учесть, что начальник управления, которому подчиняются все полевые кураторы и агенты из числа штатных сотрудников, — веральф. Да, представьте себе. Работник отличный, был на хорошем счету при Гаудине и остался таковым при Свароге, но, как оказалось, веральф. У кого есть возможность быстро обрезать все ниточки, ведущие к веральфам, так это у него... И совершенно неважно, наткнулся Вильбер на информацию о веральфах случайно (как, судя по всему, Греган) либо сам что-то знал. Тайна его убила, как и остальных...

Сварог долго сидел, уставясь в стену, на роскошный гобелен с батальной сценой времен Сандоварской битвы. Планы рождались — иные тут же отбрасывались, другие следовало придержать до поры до времени. Одно ясно: не следует предпринимать никаких серьезных действий — по чисто техническим причинам. И пора, определенно пора бросить охоту в одиночку, расширить круг посвященных в тайну — но не особенно широко, в силу тех же технических причин...

Он тронул кнопку, вышел из-за стола, задумчиво прошелся по кабинету. Статс-секретарь, как всегда, возник бесшумно, не дожидаясь, что скажет Сварог, со своей обычной бесстрастностью доложил:

— В приемной ожидает господин Интагар. Ничего особенно срочного. Сидит еще Главный Церемониймейстер.

— Пусть подождут, — сказал Сварог. — Где граф Гаржак?

— Во дворце, у себя.

— Вызовите немедленно, — сказал Сварог. — Бегом — не обязательно, но — немедленно.

Статс-секретарь чуть склонил голову и так же бесшумно испарился. Гаржаку, как и некоторым другим, Сварог отвел покои в этом же крыле, неподалеку от малого кабинета — всегда могла возникнуть срочная необходимость. Так что Гаржак появился минуты через две, Сварог как раз успел отдать нужные распоряжения.

Не приглашая его сесть и сам не садясь, Сварог подошел, остановился в двух шагах. Помолчал и спросил:

— Граф, вы могли бы воевать против всего мира? Ну, п о ч т и против всего мира?

Гаржак блеснул зубами в своей неподражаемой обаятельно-хищной улыбочке:

— Признаться, по совести, ваше величество, прежде как-то не приходилось. Но под вашим началом я бы рискнул.

— Хорошо, — сказал Сварог. — Просто отлично. Поезжайте в «Медвежью берлогу», в н а ш флигель. Идите прямоком к советнику Тадасу. Вы давно знакомы, так что знаете, где его искать. Он у себя в кабинете. Дальнейшие инструкции получите у него. Аллюр!

Гаржак поклонился с абсолютно невозмутимым видом и вышел. Сварог приоткрыл дверь:

— Интагар, зайдите...

Верный бульдог выглядел чуточку удрученным (что старательно пытался скрыть). Таким он бывал, когда узнавал от Сварога очередную т я ж е л у ю тайну, ка-

сающуюся Империи. Он, конечно, в жизни не слышал о библейском царе Соломоне, но следовал одному из Соломоновых поучений: во многом знании — многие печали. Особенно теперь...

— Садитесь, — сказал Сварог. — Ну как, есть какие-нибудь соображения?

— Как не быть, если вы приказали... Долго думал, и утром тоже... Разрешите начать с Дали Шалуатской?

Сварог молча кивнул.

— Собственно говоря, нет никаких доказательств, что Гремилькар — это она. Я бы сказал, никаких доказательств, что Гремилькар в о о б щ е существует, что он пришел. Все, что у нас есть — два знака Гремилькара, в крепости Королей и на стене дворца. Само по себе это еще ни о чем не говорит. Этот знак любой опытный книжник вроде мэтра Анраха без труда отыщет в старых книгах самое большее за пару дней. Врагов и ненавистников у вас хватает. Кто-то из них, чтобы сильнее потрепать вам нервы, мог воспользоваться... Бывали в моей практике случаи, когда убийцы старались изобразить из себя какую-то мифологическую фигуру и свалить все на нее. Правда, речь ни разу не шла о королях, но принцип может быть тот же. Кандидатов подыскивать не берусь — по недостатку знаний. Та же Лавиния Лоранская, скажем, нынешняя горротская к о м п а н и я, некто из Харлана, заговорщики в одном из ваших королевств... Да кто угодно. Мало ли у вас умных и коварных врагов? Мы можем и не знать всех...

— Резон есть, — подумав, сказал Сварог. — Это то, что называется «с одной стороны». Но вы ведь не могли не подумать касаясь «с другой стороны»...

— Конечно. С другой стороны, нет и доказательств, что Гремилькар — ненастоящий. О нем вообще ничего не известно, кроме пророчества Мане Антакайда, и того, что его пророчества всегда сбывались. Нет абсолютно никаких указаний на внешность Гремилькара, на его пол — тут Грельфи, светлая память ее душе, была права — на сопутствующие его появлению обстоятельства.

Ничего нет. Я просто не могу твердо встать на ту или иную точку зрения. Такое порой случается при недостатке точных и подробных знаний. Вот все мои сообщения, других попросту нет. Вы сами наказывали как можно строже придерживаться конкретики и не сбиваться на отвлеченную игру ума...

— Прекрасно помню, — кивнул Сварог. — Ну что же, упрекнуть вас не в чем, вы сделали все, что могли... Теперь — Дали.

— Дали... — задумчиво повторил Интагар. — Дали Шалуатская... Ваше величество, вы совершенно точно помните, что она крикнула, когда...

— Совершенно, — сказал Сварог. — Азартный такой вскрик: «Получай п а п о ч к а...»

— И это, по сути, единственное доказательство в пользу версии, что она — ваша дочь, я так понял... Других нет. Ее так до сих пор и не нашли?

— Нет, — сказал Сварог. — Правда, это означает только то, что она не появляется на открытом пространстве. Она может сидеть, где угодно... прах побереи, да в квартале от дворца!

— Значит, других доказательств нет... — задумчиво повторил Интагар. — И вы совершенно уверены в том, что мне вчера сказали — что дочь у вас на земле может быть только от Маруты, и ни от кого другого?

— Уверен, — кратко сказал Сварог.

— Здесь куча нестыковок, — произнес Интагар медленно. — С Марутой у вас... состоялось несколько лет назад. А дочь объявилась только сейчас. В жизни не слышал, чтобы женщина, пусть даже обладающая леший ведает какими способностями, могла носить плод несколько лет. И отец Алкес не слышал, и боевые монахи. Есть парочка сказаний о легендарных героях — один пребывал в чреве матери три года, другой — целых семь. Но это не более чем легенды.

Сварог мог бы кое-что добавить: Ледяной Доктор как раз среди прочего и проводил эксперименты, позволившие бы удержать ребенка в утробе самое малое вдвое

дольше отведенного природой срока. Хотел проверить те самые легенды, в том числе и о тех двух героях якобы в результате «задержки» получивших нешуточные магические способности. Но успеха не добился. Быть может, оттого, что легенды утверждают, будто способности эти малыши получили в результате помощи каких-то магов. Деталей не было приведено ни малейших. Секретить от Интагара эту сторону деятельности Ледяного Доктора не было никакой практической необходимости, он и так был посвящен в имперские тайны, как никто другой на земле, иные и потяжелее будут. Просто-напросто Интагару эта информация ничего не давала бы — как ничего не дала и Сварогу, и прочим, кто этим делом занимался...

Интагар продолжал:

— Нет ни малейших доказательств, что женщина, принесшая в замок герцога Латери ребенка в корзинке, — Марута. Никто не видел ее лица, а те, кто видел, — мертвы. Точно так же обстоит и с самой Дали. Нет никаких доказательств, что девушка в «бутыли» Черных Швецов и Дали — одно и то же лицо. Вся ее деятельность на земле с момента ее появления выглядит как-то... несуразно. Зачем ей понадобилось становиться владельницей Шалуата, если очень быстро она его бросила, развязав мятеж? Должна была понимать, что бросает навсегда. Тогда к чему все труды и хлопоты? И сам этот мятеж тоже несуразный какой-то. Даже если бы к ней в руки попала пара бочек Черных Семян — а я верю, что именно они тут использовались, монахи меня убедили — все равно, она бы не смогла взбунтовать колдовским образом достаточно много людей, чтобы вас свергнуть. У монахов в старинных записях утверждается, что эти семена нельзя пустить по воздуху так, чтобы они летели сами по себе, их нужно разбросать руками, как сеятель разбрасывает зерно на поле, с соблюдением каких-то чернокнижных практик, произнесения должных заклинаний. И простым исполнителям это не передоверить, тот, кто умеет об-

ращаться с Черными Семенами, должен разбрасывать их сам, своей рукой, никому другому этого умения не передоверишь. Вдобавок у нее был в сообщниках, вы сами говорили, некий лар, надо полагать, не скорбный умом. И тем не менее они устроили мятеж, заранее обреченный на неудачу. Рано или поздно вы бы их задавили простым численным превосходством, даже без помощи хелльстадских псов. Странно все это, несуразно, нелогично, откровенно глупо... Впрочем... Есть одно предположение... и оно мне очень не нравится. Что, если она чему-то у ч и л а с ь? Как новобранцы на больших маневрах? Очень мне такое предположение не нравится, потому что означает: она еще не показала п о л н у ю силу, и мы можем столкнуться с чем-то новым, гораздо более опасным и тяжелым. Но обходить такое предположение нельзя, следует учитывать и его. Как вы думаете?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Опасность новая, неизвестная, и следует учитывать буквально все...

— Что еще? В общем-то, вы с ней там, на мосту столкнулись совершенно случайно. Вы могли и не поехать в лес, остаться в лагере. А вот она, такое впечатление, была заранее уверена, что сумеет оттуда у й т и, как-то так, что непонятно, куда она девалась. Лес, вы говорили, был обложен плотно, и за его пределами не произошло ровным счетом ничего необычного. Значит, они ушли каким-то необычным образом. Вот и все мои соображения на э т о т счет.

— Ну, тогда остается одно, — сказал Сварог. — Веральфы, они же гримальты.

— А вот з д е с ь у меня никаких соображений нет, — сказал Интагар. — Буквально не от чего отталкиваться. Ваше величество, вы совершенно точно уверены, что они е с т ь?

— Совершенно, — криво усмехнулся Сварог. — Я их видел в городе... и в Империи. Они даже здесь, во дворце.

— И по условиям задачи мы исходим из того, что б р а т ь и допрашивать никого из них нельзя?

— Нельзя, — твердо сказал Сварог. — Я вам объяснил мотивы. Как, по-вашему, они достаточно убедительны?

— Достаточно, — кивнул Интагар. — В таком случае... В таком случае, повторяю, у меня просто-напросто нет никаких предположений, уж не гневайтесь. Не на чем предположения строить... Или вы другого мнения, ваше величество?

— Отчего же, — сказал Сварог. — Совершенно с вами согласен: попросту не на чем предположения строить... Значит, вы ничего не нашли?

— Ничего, — сказал Интагар. — Если они просто ж и в у т, никак себя не проявляя, ничего невозможно найти. Как я ни рылся в бумагах... Ну, а вести расспросы не стал — по вашему категорическому указанию. Вы ведь так и сказали: никаких расспросов, никаких разговоров с кем бы то ни было...

— Именно, — кивнул Сварог. — Я ведь вам рассказывал, что происходило с теми, кто неосторожно пускался в расспросы — с ларами ли, с земными жителями ли...

— И с н а с ы л а е м ы м и с н а м и я никогда в жизни не сталкивался...

Сварог угрюмо молчал. П о д р о б н о с т е й он Интагару рассказывать не стал, с кем эти ночные кошмары случались и к а к о г о содержания были — так, в самых общих чертах. Очень уж личным ему это казалось. Интагару вполне достаточно, что — в самых общих чертах...

— Ну, а какой бы образ действий вы на моем месте выбрали бы?

Интагар не раздумывал долго:

— Пожалуй, я не стал бы ничего предпринимать. Сидел бы, смотрел в четыре глаза и слушал в четыре уха, ждал, когда что-то наконец п р о и з о й д е т. В конце концов, тот ребенок, о котором говорится в книге Руфа, еще, я так полагаю, не родился, а то и не зачат...

— Я тоже, — кивнул Сварог. — Не оттого, что мне хочется так думать, по некоторым своим соображениям...

— Значит, какое-то время в запасе есть, — облегченно вздохнул Интагар. — Остается надеяться, что эти проклятые создания как-то себя проявят... Что касательно снов... Ваше величество, может, стоит о них поговорить с той девушкой? Бади Магадаль?

— Так-так-так, — продолжал Сварог, не удержавшись от улыбки, пусть и невеселой. — Вы уже знаете о ней что-то, чего не знаю я?

Интагар развел руками:

— Ваше величество, ну вы ведь прекрасно знаете: слабость у меня такая — знать все, что во дворце делается... конечно, за исключением некоторых покоев — ваших, баронессы Вольмер, графини Дегро...

Сварог хмыкнул. Ну да, информаторы у Интагара имелись во дворце повсюду — от лакейских до тех мест, где собирались исключительно дворяне. Сварог это воспринимал как необходимость и никогда не сердился — его собственных информаторов во дворце тоже хватало. Профессия такая — что у королей, что у министров тайной полиции...

— И что у вас там? — с интересом спросил Сварог.

— Да почти что и ничего. Бади Магадаль успела с некоторыми девушками во дворце подружиться. Пока с немногими, правда, она у нас совсем недавно. Вчера вечером она с тремя новыми подружками как раз болтала о снах в Серебряной каминной. Обо всем понемножку: как увидеть во сне суженого, как толковать сны, какие вообще сны бывают... Обычная девичья болтовня. Но та... но человек, который мне об этой беседе рассказывал: по его впечатлениям, Бади что-то знает о н а с ы л а е м ы х снах. Такое у человека сложилось впечатление. Бади не сказала, ничего конкретного, но по паре ее реплик можно было судить: она что-то знает о таких снах. Но делиться с другими не хочет. Когда сообразила, что проговорилась, увела разговор в сторону. Вот, собственно, и все. Но тем... кто мне что-то рассказывает, никогда ничего не «кажется». Они точны в общении.

Кто бы сомневался... Прекрасно известно: если во дворце собираются трое (Бади в данном случае присчитывать не следует), среди них всегда найдется информатор Интагара. Или — информаторша. И в самом деле, дураков и дурочек не держит. Интересно...

— Надо будет с ней поговорить, — сказал Сварог. — Нынче же вечером.

Бади он с самого начала предложил на выбор, пока не определится с постоянным жильем: дворец либо «Медвежья берлога». Бади, почти не раздумывая, выбрала «Берлогу»: во дворце, сказала она, слишком много чужих людей, а с Вердианой они друг дружке как-то сразу понравились. Разумеется, Канилла тут же взялась ее опекать со всем усердием, зачислила в Ассамблею Боярышника, говорила, что Бади с ней довольно откровенна — но о наведенных снах у них разговор явно ни разу не заходил, иначе Канилла непременно рассказала бы, зная, как Сварог этим интересуется...

— Она вернется только завтра к вечеру, — сказал Интагар. — Маркиза Ролатон ее увезла показать какие-то силванские водопады.

— Все-то вы знаете... — усмехнулся Сварог. — Тогда, может быть, знаете, что у нее там вышло с графом Легартом?

— Конечно. Только не знаю, что было причиной...

Выслушав его, Сварог махнул рукой:

— Ну, такие пустяки меня сейчас не интересуют... Идите, Интагар. Никаких поручений пока нет — я согласен, что действовать рано...

Оставшись один, он решил, что поступил правильно, велел Интагару подумать над своими соображениями. Не первый раз о б к а т ы в а л на нем собственные идеи и соображения, не делясь таковыми заранее. Только что закончившийся разговор убедил Сварога, что его собственные мысли шли верным курсом: он пришел к тем же выводам касательно Дали, Маруты и Черных Алхимиков. И как-то не стал задумываться над явной несущ-

разностью мятежа — а вот Интагар и этого не упустил, рассуждал толково. Правда, Интагар не знал, что есть способы безошибочно кое-что проверить. Не стоило верного бульдога обременять л и ш н и м и знаниями, которые сам Интагар в службе применить не сможет...

— Ну что, Интагар? — невесело усмехнулся Сварог. — Приуныли?

— Не то чтобы приуныл, ваше величество. Просто на душе как-то неуютно. У меня под рукой изрядная сила, а я ее не могу пустить в ход, еще и потому, что ничем она не поможет. Впервые со мной такое за все время службы...

Сварог подумал, что ему самому сейчас даже в легкий пессимизм впадать не стоит — с н и м уже однажды такое случалось, когда против Империи, вообще против Талара активно заработал Радиант. Поначалу первое время было точно так же: нешуточная силища под рукой — и никакой возможности хоть частичку ее применить. А впрочем... и с Глазами Сатаны обстояло примерно так же, и в других случаях... Так что, в отличие от Интагара, у него был нешуточный опыт выступать порой в одиночку, порой с горсточкой сподвижников против чего-то могучего, злобного...

— Не горюйте, Интагар, — сказал Сварог ободряюще. — То, что мы не можем пустить в ход гвардейские полки и тучи агентов, еще не свидетельствует о нашем бессилии. Мы просто-напросто не прикупили себе нужного количества козырных роз, а это совершенно другой расклад...

— И я даже не могу пустить людей по тем следам, что уже известны...

— И не вздумайте, — серьезно сказал Сварог. — Руфа вы прочитали, меня выслушали, выводов не смогли не сделать. Едва дело достигает некоей невидимой черты, гибнут и бесследно исчезают и те, кто занимался распросами, и те, кто их посылал...

— Я понимаю. Без вашего одобрения и пальцем не шевельну.

— Вы ведь уже успели создать кое-какую агентурную сеть в крестьянских районах, — сказал Сварог. — Гораздо менее разветвленную и всеохватывающую, чем в городах, но раньше не было и такой. Расширьте ее усиленно, не мне вас учить. Сосредоточьтесь на поисках Дали Шалуатской... точнее, бывшей Шалуатской, я ее только что лишил титула и владений, указ подпишу через часок. Никто из тех ничего не заподозрит. Даже если она — что пока нельзя утверждать со всей уверенностью — и есть Белая Волчица, мы ищем не какую-то волшебную волчицу из легенд, а земную дворянку, поднявшую мятеж против короля. Хотя следует учитывать, что они нам постараются помешать, если ваши люди наткнутся на какой-то реальный след, это заранее следует учитывать. Объявите, как водится, награду тому, кто ее представит или наведет на след, такую, чтобы всех заставила исполниться энтузиазма. Только не нужно опцион из классических формул «Живой или мертвой». Она мне нужна живая.

— Думаете, ее можно убить?

— Возможно, — сказал Сварог. — Так обстояло и с легендарными персонажами, даже крайне могущественными... и не обязательно злыми... и с реальными монстрами, и просто с людьми. Шугута-Семь-мечей споткнулся об обыкновенную степную черепаху, потому и погиб. Оборотня или вампира можно убить серебром. Человек, раздобывший заклятие и амулет от пули или стрелы, от топора или меча никак не защищен. И так далее. Дикий вепрь был неуязвим для железа, но легко пробивался костью...

— Кто, простите?

Сварог спохватился:

— Пустяки. Еще один персонаж легенд, только уже имперских. Одним словом, действуйте так, как я приказал, и ни шагу в сторону.

Интагар задумчиво протянул:

— Я прилежно изучил Руфа. Следовало бы поискать и девушку, подходящую на роль Невесты Волков. Коли уж вы — а теперь и я — твердо уверены, что книга Руфа — не сказка, и Возлюбленная Волков где-то существует...

Очень Сварогу была неприятна эта тема... Он спросил:

— А вы имеете хоть какое-то представление, как ее искать?

— Ни малейшего, — признался Интагар.

— Вот и не отвлекайтесь еще и на это. Этим займутся мои люди. Есть кое-какие наметки... но вы ничем не можете помочь. Все, наверное? Идите.

Расставшись с Интагаром, Сварог вызвал Главного Церемониймейстера — Барзай все равно еще не появился, неотложных дел нет, нужно как-то убить время...

Сановник, благообразный, седовласый, державшийся в соответствии с должностью церемонно, даже несколько величаво, человек с походкой и плавными движениями опытного танцора (каковым и был, постановка танцев — неотъемлемая часть иных церемоний) появился по совершенно пустяковому сейчас, с точки зрения Сварога, поводу. Через два месяца наступала очередная годовщина восшествия Сварога на снольдерский престол, вот уже несколько лет отмечавшаяся по шаблону шествия Сословий и Гильдий в лучших нарядах; воинский парад, пушечные салюты и фейерверки, жаренные целиком быки, бочки с вином на площадях и прочие роскошества. Однако на сей раз, пояснял Главный Церемониймейстер, у Сварога появилась с у п р у г а — не снольдерская королева, но хелльстадская. Необходимо и ее участие в церемониях — а значит, нужно вносить изменения в не менявшиеся годами планы. Он, как ему надлежит по должности, поручил подчиненным заняться разработкой таковых в нескольких вариантах, первые наметки которых и принес королю для ознакомления — и возможных изменений, если его величество пожелает их внести.

Сварог взял у него бумаги, сказал, что обязательно посмотрит, и вежливо отправил восвояси. Смотрел ему в спину не так, как обычно смотрят на цель поверх ружейного дула, — но ощущения были к тому близки...

В своей области — работник дельный и толковый, почти сорок лет назад начинал карьеру в снольдерском королевском дворце с самых низов — что-то вроде младшего помощника носителя третьестепенных штандартов. Десять лет назад, еще при предшественнике Сварога, занял свою нынешнюю должность в министерстве двора. Все время, что он прослужил в Латеранском дворце, у Сварога к нему не было ни малейших претензий и нареканий. Человек на своем месте и своим нынешним положением вполне доволен — под министра двора не копает, в отличие от некоторых своих коллег в другие времена и в других местах, в дворцовых интригах не замешан, среди любителей дворцовых сплетен не числится. Любовница, конечно, есть, девица из тех танцорок, что участвуют во всевозможных церемониях, — но этот милый пустячок ему никто не ставит в вину. Дело совершенно житейское. Одним словом, эталон идеального придворного на должности.

Вот только есть одна существенная подробность — это не человек, а веральф. Третьего, самого низшего разряда. Руф писал, что веральфы делятся на три категории. По восходящей — Жители, Знать, Аристократы. Руф, правда, не знал, какую роль это деление на сословия играет в жизни веральфов, — Сварог тоже. Руф не знал, есть ли у разных сословий какие-то внешние отличия, — а вот Сварог знал. Выдававшие их знающему человеку ореолы с контурами волчьих ушей были трех оттенков возрастающей яркости — от светло-голубого у Жителей до пронзительно-сизого, похожего на дугу электросварки, у Аристократов. Главный Церемониймейстер был как раз Жителем.

Вообще-то это знание открывало простор для версий. Ну, скажем, Аристократы играют некую роль — правда, неизвестно в чем, Знать — управленцы ступенькой пониже, а Жители — простые исполнители. Если включить фантазию на полную, можно предположить, что Жители, а то и Знать некоторым образом с п я т — точнее, спит их подлинная сущность, о которой носитель-

человек, быть может, и не подозревает до наступления урочного часа. У Руфа есть туманное упоминание о том, что подданные Царицы Волков делятся на «спящих» и «бодрствующих». Быть может, именно это и имеется в виду. Вот только все эти версии остаются бесплодной игрой ума — поскольку не подкреплены реальными доказательствами. Ну да, Главный Церемониймейстер — веральф, и не единственный во дворце. А дальше-то что? Пока — ничего...

Как ему и было приказано, статс-секретарь доложил о появлении в приемной Барзая немедленно, распахнул перед ним дверь, отклонился и дверь бесшумно прикрыл. Барзай был в праздничной, не особенно и роскошной одежде (роскошь у шаманов не приветствуется) и никаких подозрений ни у кого во дворце вызвать не мог — к ратагайцам здесь давно привыкли. Сабли он, разумеется, не носил — ратагайский шаман потеряет всю силу, если умышленно возьмет в руки оружие (случайные прикосновения к оному не в счет). Но и это наверняка никаких подозрений не вызвало — порой Сварога посещали и безоружные ратагайцы вроде городских книжников или купцов, при странствиях по чужим землям оружия не носивших.

Сварог подготовился должным образом — все необходимое принесли буквально минуту назад. Они пожали друг другу руки крест-накрест, и Сварог спросил, как полагается:

— Хорошо ли доехали?

— Не жалуюсь.

— Здоровы ли ваши родные?

— Благодарствуйте на добром слове, не хворают.

— Как ваши лошади?

— Ни одна не стала жертвой волков, ни одна не прихворнула и подков не теряла, — с достоинством ответил Барзай.

Этикет встречи гостя был соблюден, и Сварог указал на один из углов кабинета. Там лежали два коврика для сидения и третий, на котором помещался котелок с носиком,

две чаши и пара-тройка блюд с закусками. Как и полагается хозяину, Сварог наполнил чаши чуть ли не дегтярного цвета чаем — ратагайцы заварки никогда не жалели, сыпали полной горстью, на всем Таларе были в ходу пословицы и поговорки, основанные на крепости ратагайского чая.

Тут уж, как говорится, война войной, а обед по расписанию. Даже если прискачет гонец с каким-то известием, требующим немедленных действий, хозяин обязан выставить чай, а гонец, если дело неотложное, — выпить его залпом и изложить, с чем прибыл. В тех случаях, когда есть основания подозревать те самые немедленные действия, чай подается холодным, чтобы гонец справился с ним как можно быстрее и перевернул чашу вверх дном в знак того, что больше не хочет.

Не самый странный этикет из всех бывших и нынешних... Сварог велел подать т е п л ы й чай. Это означало, что, выражаясь языком Империи, Белой тревоги нет, но все равно, у хозяина срочные дела к гостю, и с чаепитием следует покончить побыстрее.

Барзай эту тонкость, конечно же, уловил. Залпом не пил, но цедил сквозь зубы быстрее обычного. Зная, что шаман впервые в жизни летел в браганте (да и на самолетах летать случая ему не выдавалось), Сварог из чистого любопытства спросил:

— Как вам показался полет, почтенный?

— Ваше величество, ответить учтиво или правдиво?

— Правдиво, — сказал Сварог.

— Не скажу, чтобы полет на меня произвел особенное впечатление, — сказал Барзай с непроницаемым лицом. — Довелось мне однажды в городе ехать в карете, чувства примерно такие же: сидишь в сделанной руками человека коробке, а это неудобно. Я привык по-другому летать, гораздо свободнее себя чувствуешь, не в ящике заперт, все от тебя самого зависит...

Сварог почувствовал себя чуточку пристыженным — в самом деле, нашел кого удивлять брагантом. Ратагайские шаманы испокон веков ночами летали над степью то в облике филинов, то б е с т е л е с н о. И это на-

верняка в самом деле вольготнее и приятнее, чем сидеть в сделанном руками человека ящике (неважно, как он называется — брагант или карета), пусть даже превосходящем в скорости шаманов полет...

Допив чай, Барзай аккуратно поставил чашку на коврик вверх доньшком — ну конечно, все понял, не мог не понять...

— У меня к вам, оказалось, неотложное дело, почтенный Барзай, — сказал Сварог, видя, что этикет соблюден полностью.

— Всегда можете на меня рассчитывать, ваше величество, — без всякого проявления эмоций ответил шаман.

С н и м не требовалась ни дипломатия, ни окольные разговоры. И потому Сварог сказал напрямик:

— Когда мы беседовали о Белой Волчице и веральфах, вы говорили: иногда удавалось остановить вовремя собравшуюся было уйти к волкам женщину. Вовремя заметить в ней что-то...

— Волчью Отметину, иные ее еще называли Волчьим Клеймом, — спокойно сказал Барзай. — Ну, вы, конечно, понимаете, ваше величество, что это не обычное клеймо, что это — некое чужеродное присутствие в человеке, словно бы опухоль внутри, но бестелесная... Вы достаточно хорошо разбираетесь в магии, чтобы понимать: человеческими словами точнее не выскажешь...

— Я понимаю, — сказал Сварог. — Да ну и того, что вы сказали, достаточно... Последний раз, когда мы были в Пуште, вы видели у моей жены волка за спиной. Ну, а в н у т р ь вы не заглянули? Или не умеете?

— Умею, — сказал Барзай. — Я просто не решился, ваше величество. Это все же в а ш а жена. Вы могли что-то почувствовать, обидеться или рассердиться. А мне не хотелось ни обижать вас, ни сердить, вы этого не заслужили...

— Так, — сказал Сварог. — А если я... (он запнулся на миг, подыскивая нужное слово — п р и к а з ы в а т ь ратагайским шаманам никак не следует). А если я вас п о п р о ш у взглянуть? Прямо сейчас? Очень попрошу?

Недолгое время стояла тишина.

— Вы думаете, у нее есть волчье Клеймо? — тихо спросил Барзай.

— Не знаю, — сказал Сварог. — Я сам т а к и е вещи видеть не умею. У меня есть лишь смутные подозрения, но события оборачиваются так, что мне этого мало. Я должен знать точно. Поможете?

— О чем разговор, ваше величество. Вам помочь — в чем угодно, лишь бы моего умения хватило...

— Вот и посмотрим, — сказал Сварог. — Она сейчас в наших покоях, совсем недалеко отсюда, ничем особенным не занята. Барута вас отведет. Конечно, она, как и я, умеет безошибочно отличать правду от лжи. Но вы то ей скажете чистую правду: что прилетели ко мне по важному и срочному делу, и я вас просил зайти к ней, засвидетельствовать почтение, передать степной гостинец, — он кивнул на принесенный шаманом небольшой холщовый мешочек. — Алатай* ей всегда очень нравился. Даже если она почувствует, что вы чего-то недоговариваете, непременно решит, что вы по моему приказу умалчиваете о каких-то подробностях дела. Это ее ничуть не встревожит и не удивит — я порой не рассказываю ей каких-то подробностей, если они ей не нужны и не касаются ее вовсе. Самое обычное дело, она ничуть не стремится знать о моих делах все... Согласны?

— Конечно же, ваше величество.

— Сколько времени это у вас отнимет?

— Несколько мгновений, — уверенно ответил Барзай. — Больше и не нужно. Это либо сразу видишь, либо не видишь вообще, что означает, его нет...

— Отлично, — нетерпеливо сказал Сварог. — Просто прекрасно. Идите прямо сейчас, не откладывая. Разговор не затягивайте: я не вникал в ее умения полностью, кто знает, что может произойти. — Он натянуто улыбнулся. — В одном я уверен: даже если она что-то почувствует, вреда вам не причинит.

---

* Алатай — сладкие твердые колбаски из сгущенного ягодного сока.

— Ну, в мои годы, государь, уже не особенно бояться вреда или даже смерти, — сказал Барзай, вставая и поднимая с ковра мешок. — Да и смерть не страшна, если наступит оттого, что ты оказываешь важную услугу хорошему человеку... Я пойду, ваше величество. Барута остался у ваших дверей, я видел...

Он с достоинством поклонился и направился к двери. Сварог не мог видеть его лица, но знал, что шаман тщательно скрывает гримасу отвращения: для п р а в и л ь н о г о ратагайца, всю жизнь проводящего в степи, открывать дверь — все равно, что для горожанина наступить во что-нибудь неудобосказуемое...

Оставшись один, Сварог уселся было за стол, но долго не просидел: встал и принялся расхаживать по кабинету, нещадно паля сигарету за сигаретой — не бегал от стены к стене, понятно, прохаживался неторопливо, он просто-напросто не мог усидеть на месте. Считал и считал в уме, сколько времени шаману потребуется: идти до покоев — минуты две максимум, возвращаться столько же... А если Яна затянет разговор? Если она что-то п о ч у е т? Сварог далеко не все знал о Древнем Ветре. Конечно, вред она, как он и говорил, Барзаю вряд ли причинит — но вполне может оказаться так, что шаман вернется к Сварогу, ничегошеньки не помня о встрече с Яной. Уж на это-то она способна, Сварог знал точно, не раз видел, как она применяла это умение на деле на Той Стороне... Слаб Барзай против обладательницы Древнего Ветра, как все почти живущие на Таларе, как во многих отношениях и сам Сварог... А если подумать, что дело может осложниться еще и тем... нет, лучшие об этом не думать...

Он заставил себя не смотреть на часы — но, судя по выкуренным сигаретам, Барзай отсутствовал около квадранса. Как он и наставлял, шаман вошел без особого разрешения — а статс-секретарь не препятствовал. Сердце у Сварога упало: Барзай выглядел бесстрастным, но в окруженных старческий морщинками серых глазах виднелось что-то такое...

— Что? — спросил Сварог, подойдя вплотную.

— Что-то есть, — сказал Барзай. — Именно «что-то», точнее определить не мог. Не могу ручаться, что это Волчье Клеймо — с ней нельзя было разглядеть в точности, у нее хорошая защита посредством Древнего Ветра, повисающая вокруг без приказа и не по желанию. Как бы это человеческими словами... Обычно в таких случаях человек видится словно бы поллой фигурой из прозрачайшего стекла, и то не п р а в и л ь н о е, что в нем сидит, видно во всех деталях, четко, как тени при полносемелии и чистом небе. С е й ч а с стекло было мутным, почти непрозрачным, и я не сумел определить, что внутри. Оно есть, оно п о с т о р о н н е е, оно ч е р н о е... Вот это я с уверенностью говорю, ваше величество, а больше ничего сказать не могу.

— Как вы думаете, она что-то почувствовала?

— Вряд ли, — сказал Барзай. — Даже Древний Ветер не защитит полностью, если не в т о р г а е ш ь с я, а п р о с т о с м о т р и ш ь.

— Вы смогли бы это убрать?

— Нет, — сказал Барзай. — И не знаю никого из живущих, кто бы мог, — я о жителях Пушты. Как обстоит в других местах — не знаю. Видеть я могу, как и многие, а вот убрать никто не может.

— Что же, ничего нельзя сделать? — спросил Сварог то ли Барзая, то ли самого себя.

— Я попытаюсь, ваше величество, — сказал Барзай, — Нынче же ночью попытаюсь. Соберу к р у г, расспросим т е н и. Вызывать тени живших слишком давно шаманов смертельно опасно — чем древнее тени, тем больше жизненной силы из человека выпивает такая беседа.

— Только не забирайтесь туда, где может быть смертельно опасно, — сказал Сварог. — Меру соблюдайте, или как там это у вас называется.

— Буду стараться, ваше величество, — кивнул Барзай. Глаза у него были умные и грустные. — А сейчас вам скажу одно: сдается мне, у вас мало времени впереди. Не думал, что его нет совсем, но его м а л о...

...В глотке чуточку пересохло, он говорил не менее получаса, и Сварог налил себе полный стакан ежевичного сока, каковой и выхлебал до доньшка, словно принц Элвар — баклагу с самогоном. Поставил стакан на стол, усмехнулся (приложив все силы, чтобы улыбка смотрелась веселой, ободряющей), сказал с наигранной бодростью:

— Вот так, господа гвардейцы. Теперь вы знаете столько же, сколько и я. И нас, таких знающих, — трое на всю Империю. Но могу вас обрадовать: скоро нас станет четверо, простейший арифметический подсчет показывает, что это увеличит наши силы, пусть и не в разы...

Налил себе еще сока, внимательно посмотрел на Каниллу, потом на Элкона. И порадовался тому, что увидел: молодые соратники, конечно, были не на шутку поражены и даже, пожалуй, ошеломлены всем услышанным, но вот подавленности не видно, и это главное...

— Теперь немного конкретики, — продолжал Сварог. — Я последние два дня занимался исключительно выявлением веральфов, насколько это было возможно. С предельной осторожностью, понятно. Полдня занимался примитивным делом, вроде подметания улиц — попросту ездил и ходил по Латеране. Итог: веральфов здесь не много. Квартала не было, чтобы не попадалась пара-тройка, а то и полдюжины. Самых разных видов — от дворян и Сословий до низших Гильдий. И во дворце они тоже есть. Но земные веральфы интересуют гораздо меньше, если ими и придется заниматься, то в последнюю очередь. Да, уточню: больше всего Жителей, Знать попадается гораздо реже, Аристократы не встретились ни разу. Меня, как вы понимаете, в первую очередь интересовали те, что притаились в Империи. Нельзя сказать, что картинка удручающая, но их и тут немало. Не было возможности устроить какое-нибудь м н о г о л ю д н о е собрание. Делал, что мог. На мое счастье, как раз состоялось очередное собрание моей Золотой Сотни. Результат та-

кой: из ста шестидесяти восьми человек тридцать два — веральфы. Один Аристократ, трое из Знати, остальные — Жители. Около двадцати процентов. Может быть, во всей Империи процентное соотношение людей и веральфов примерно такое же. А может, и нет. Рано делать выводы. Что касается важных постов... На земле я точно установил: в моем ближайшем окружении веральфов нет. Интагар, Брейсингем, Баглю, граф Дино и Маргилен, Анрах, Гарайла, отец Алкес, Арталетта и еще десятка два ближайших сотрудников — люди, — он поневоле усмехнулся. — Кани, не надо смотреть с такой тревогой. Человек твой Гаржак, человек. Как и ваша невеста, Элкон. Будь иначе, я бы с этого и начал... А вот в Империи дела обстоят не так благолепно. На многих важных должностях веральфы не то чтобы кишат, но присутствуют в немалом количестве. Я под благовидным предлогом собирал высшее руководство восьмого департамента. На восемнадцать человек — семь веральфов, причем только Знать и Аристократы. В девятом столе обнаружился всего один, и то Житель — во время последней репетиции предстоящего парада, где собрались абсолютно все. Подозреваю, что девятый стол они не считают серьезным противником — в чем-то справедливо. Положа руку на сердце, по сравнению с другими спецслужбами Империи девятый стол котенок. Что для нашего самолюбия не должно быть унижительным — наворачиваем... Опять-таки под благовидными предложениями связывался с парой дюжин высших гражданских и военных чиновников. Одиннадцать из сорока — веральфы, в основном Аристократы и только треть — Знать. Я не знаю, как обстояло дело раньше, но не исключаю: их столько поналезло на ключевые посты как раз потому, что они намерены в ближайшее время предпринять какие-то действия. И наконец... Если у них все же есть некий руководящий центр, подо что его надежнее всего замаскировать, чтобы не вызвать ни малейших подозрений? Я подумал: под какую-нибудь Лигу, аналог земных ассамблей. Регулярные собрания — самое житейское дело... Лиг у нас, оказалось, сорок шесть. Я смог

проверить буквально пару-тройку, времени было в обрез. А в первую очередь занялся Лигой Охотников-Арбалетчиков. Очень уж идеально укладывались в картину: раз в месяц всем скопом отправляются на Сильвану, охотятся там тесной сплоченной компанией. Идеальное прикрытие для заговорщиков, не раз и в Империи, и на земле использовавшееся. Я просто-напросто сообщил им, что желаю в их Лигу вступить. Они, как водится, собрались решать вопрос. Из двадцати шести человек — все поголовно веральфы-Аристократы. Если это и не Центр, то достаточно серьезный штаб... Что, Кани?

— Интересно, они вас приняли? — с любопытством спросила Канилла.

— А куда бы они делись? — усмехнулся Сварог. — Не считите за похвалбу, но лорд Сварог — персона в Империи довольно заметная и, что уж там, влиятельная. Кто бы меня забаллотировал в любой из Лиг? Приняли, конечно. Если исходить из их чисто человеческой ипостаси, среди них нет моих открытых недоброжелателей. Как бы не приняли при таком раскладе? Вот такие предварительные итоги, ребята... — он пытливо посмотрел на Каниллу. — Что, Кани? Кроме вполне понятного легкого ошеломления, у тебя на лице, в отличие от Элкона, еще что-то просматривается. Уж не страх, конечно: когда это ты боялась? Ни во время операции на Нериаде, ни в истории с Багряной Звездой, когда опасность была смертельная, ни еще в парочке случаев. Что, Кани?

Канилла улыбнулась чутьочку смущенно:

— Странное какое-то чувство, командир... Я не боюсь, духом падать не намерена, просто все это... как-то напряжно чутьочку, что ли. Трое против всей Империи...

— Ну, не преувеличивай, — сказал Сварог. — Не против всей Империи — против группы заговорщиков, пусть достаточно сильных и влиятельных. А это все же чутьочку другой расклад. И еще. Разве с нами такое впервые случается? Примерно так обстояло и с Радиантом — поначалу нас была горсточка против могучей и к тому же во многом неизвестной силы.

И другие случаи были... Выше нос, лейтенант Дерго, кавалер парочки серьезных орденов — и один из столпов девятого стола, я это без малейшей иронии говорю, комплимент тебе делать не собираюсь. Оба вы столпы, что уж там. Только смотрите у меня, не вздумайте зазнаваться. Я потому вас и выбрал, что вы — лучшие. Элкон — в том, что касается компьютеров. Ты, Кани, обладаешь острым умом, умеешь и генерировать оригинальные идеи, и сопоставлять, казалось бы, несопоставимое. Вас вполне хватит — только двоих, знающих все. Пока что расширять круг посвященных нет нужды. Даже Канцлера вовлекать не стоит — потому что он ничем не сможет помочь. Втроем будем работать. На вашу долю, Элкон, выпадает компьютерный поиск — я тут придумал несколько широкомасштабных облав, которые следует провести потаенно, в компании с моими Обезьянами, а то и для пушей надежности — полностью на аппаратуре Велордерана. У веральфов есть одно слабое место: во многом они в качестве людей обладают ровно теми же возможностями, что люди, пользуются той же техникой, аппаратурой — и точно так же не способны не то что противодействовать, вообще зафиксировать вторжения из Хелльстада. Вот и выходит: хотя нас только трое, у нас за спиной еще и нешуточные хелльстадские возможности... Ну, о том, что будет поручено вам, Элкон, мы подробно поговорим в завершение. Есть более важные дела... Кани, у тебя глаза заблестели. Что, уже есть идеи? Выкладывай все, что в голову придет. Для того ты и здесь.

— Я в первую очередь подумала... По-моему, для нас самое важное — Янка. Нужно доискаться, как ее избавить от этого проклятого Волчьего Клейма. Я вам верю и не сомневаюсь, что оно есть... Все остальное — второстепенно...

— Вот именно, — сказал Сварог. — У тебя не только острый ум, но и б ы с т р ы й. Все остальное подождет. Барзай говорил, что времени у нас мало. Не в обрез, но

мало. Если предположить, что именно ее готовят на роль Невесты Волков, будущей матери этой... твари — немного не по себе становится. Если она услышит этот клятый Волчий Зов, может ему и подчиниться. И если она вздумает уйти на землю, ее никак и ничем не задержать — Древним Ветром любые преграды разметает, и нас в том числе... Что, Кани?

— Я начинаю голову ломать: как и когда ей ухитрились это клеймо п о д с а д и т ь? Уж, безусловно, до тех времен, когда она полностью вошла в обладание Древним Ветром. Иначе ничего не получилось бы. И пришло мне в голову... А если во время той истории на Сильване?

— Мне то же самое пришло в голову, — кивнул Сварог. — Очень уж удобный был случай — совсем девчонка, еще далеко не в полную силу освоившая свои способности... Я тут в темпе кое-что предпринял. Летал в тюрьму Лорс и кратенько побеседовал там со всеми ларами, сидящими пожизненно по тому делу. Придумал благовидный повод... Мне нужно было узнать одно — к т о они. Все до единого оказались людьми, верящими, что участвовали в традиционном, если можно так выразиться, заговоре. А вот с герцогом Нергалом интереснее... Его с того света уже не дозовешься и не проверишь. Но я, опять-таки под благовидным предлогом, связывался с его родителями. Веральфы-Аристократы, ага. Следовательно, сто процентов за то, что и Нергал был веральфом-Аристократом. А это открывает простор для версий...

Канилла тихо спросила:

— Вы так и не нашли человека, способного клеймо убрать?

— Пока нет, — сказал Сварог. — Но знаю, что такие люди е с т ь, и их сейчас ищут денно и нощно. И другие соображения на этот счет имеются, но о них пока рано говорить... Всеу свое время, и время всякой вещи под небом, как сказал в давние времена один умный человек... Лучше скажи, что у тебя с Шалуатом?

— Все готово, — сказала Канилла. — У нас там своих людей не было, я обратилась к Интагару — у него-то парочка при дворце имеется. Он с ходу согласился помочь, чем может. Для надежности я «гвардейский вариант» использовала, — она улыбнулась. — В рамках обычных моих «маскерадов»...

Сварог тоже не сдержал улыбки. Интагар Каниллу воспринимал очень серьезно в любом облике — но и р е д е л ь н о серьезно, когда она перед ним представляла не в легкомысленном платьице, а в офицерском мундире, с волосами, заплетенными в строгую косу. Вот Сварог, учитывая особенности психологии верного бульдога, и присвоил Канилле чин титульного лейтенанта Черных Лучников — что ему ничегошеньки не стоило, достаточно было очередной патент подмахнуть, а Канилле добавляло авторитета. В мундире девятого стола она никак не могла расхаживать по дворцу, другое дело — в форме земного гвардейского офицера. Деловым отношениям Каниллы и Интагара это безусловно пошло на пользу.

— Они раздобыли все, что нужно, — продолжала Канилла. — Можно хоть сейчас посылать самолет... Но вы же сами сказали, что это не срочно, может подождать?

— И сейчас говорю, — сказал Сварог. — Подождет... Озаботься самолетом в Шалуат, когда у тебя не будет никаких обязанностей по г л а в н о м у делу... Что-то еще?

— Я тут подумала, с учетом всего услышанного... А что, если у веральфов есть какие-то о т л и ч и я от людей? Ну, скажем, в энергоинформационных полях организма, в генах, в чем-то еще... Руф об этом ничего не пишет, но он и представления не имел о биополях и генах, как и прочие земные книжники...

— Резонно, — подумав, сказал Сварог. — Сядешь и как следует над этим подумаешь. Тут нужен полностью проработанный план. Правда, и о секретности надо подумать — у нас нет пока ни биологов, ни генетиков, ни прочих необходимых специалистов.

— Ну, это поправимо, — сказала Канилла без тени легкомыслия. — Поступлю, как и в прошлые разы, — слетаю в Медицинский центр, еще в пару мест. Методика и там наработанная — я заявляюсь в коротеньком платице с Той Стороны, сажусь, закидываю ногу на ногу, улыбаюсь им ангельски — а они млеют, тают и вне очереди выполняют все, что я попрошу. И совесть у меня спокойна — я никогда никому не подавала ни малейших надежд, я не стерва наподобие Лавинии Лоранской — та, если не расплачивается постелью за важные услуги, то надежды подает... Мне и сейчас все сделают, — она заметила невольный жест Сварога. — Не беспокойтесь, командир. Я хорошо помню ваши наставления. Помню, где умный человек прячет лист. Я им привезу десяток экспертиз и среди ненужных спрячу одну настоящую. Как и в прошлые разы. Прокатит. Не беспокойтесь, я понимаю — в этот раз осторожность должна быть максимальной. Я справлюсь. Тем более что в этот раз речь о Янке идет, — она словно бы приздумалась. — И вот что еще... Помните того психолога, что нам немножко помог в истории с Радиантом?

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Дельный парень. И до сих пор о тебе украдкой вздыхает, а?

— Ну конечно, — сказала Канилла с самым невинным видом. — Как я ни объясняла, что я — верная любовница... Я его и сейчас задействую, как думаете?

— Валяй, — сказал Сварог. — Может, и на сей раз польза будет...

Когда они ушли, Сварог еще долго сидел, уставясь в мозаичную стену. На душе стало чуточку спокойнее — он больше не дрался в одиночку, сподвижников было всего двое, но каких...

Он с самого начала отказался от крайне заманчивого варианта — потихонечку взять кого-то из веральфов-Аристократов и как следует допросить. Слишком рискованно... и преждевременно. Уж если Брашерио в свое время ухитрился как-то поставить в мозгу четкий барьер, блокировавший все попытки его допросить

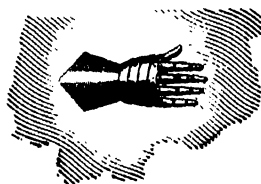
с помощью имперской аппаратуры, того же можно было ожидать и от веральфов. И еще... Он вспомнил читанную некогда в молодости фантастику. Нельзя исключать, что и веральфы, подобно тем инопланетянам из романа, обладают чем-то вроде общего сознания, этакое коллективного «поля разума» — и тут же узнают, что схватили одного из них. Нечто похожее было отмечено в давние времена у членов одного из черных магических ковен. В более близкие годы Багряная Палата ни с чем подобным не сталкивалась, но что мы знаем о веральфах?

Канилла права: в первую очередь — Яна. Какой-то частичкой сознания Сварог до сих пор не верил, что именно ей предназначено стать Невестой Волков — но в том, что в ее организме присутствует нечто чуждое, он не сомневался. А наличие этой штуки всерьез тревожит. Мало времени. И Барзай молчит, хотя мог бы связаться со Сварогом в любой момент: Сварог ему дал устройство в форме одного из шаманских украшений. Если оно заговорит человеческим голосом, когда Барзай будет на людях, никто и не удивится, решат, что с шаманом в очередной раз беседуют духи, шаманам это по должности положено. Но Барзай молчит...

И снова — о том монстре, которого должна родить Волчья Невеста. В этом отношении таларская мифология ничуть не отличается от мифологии Земли. Каковая прямо-таки переполнена легендами о том, как женщины рожали от зверей, оборотней, всевозможных сказочных чудищ. Так получилось, что Сварог был с этими мифами досконально знаком. Однажды выброску их группы отложили по весьма существенным причинам, и они на неделю застряли в жуткой дыре. Спиртного там нельзя было раздобыть, его попросту не имелось километров на двести вокруг. А вот библиотечка нашлась, и Сварог от лютой скуки вдумчиво осилил толстенный двухтомник «Мифы народов мира». Навскидку: Минотавр, Буря-Богатырь,

он же Иван Коровий Сын, скандинавский Бури, тоже произведенный на свет не женщиной. Наконец, некоторые легенды о Чингисхане называют его матерью обычную женщину, а вот отцом — волка. Таларских легенд на ту же тему предостаточно. Вроде бы они никогда не опирались на реальность. Но ведь написал однажды маг Шаалы: «Если что-то происходило в „незапамятные времена“, это еще не означает, что такого не происходило вовсе». Возможно, к этому нужно прислушаться — так и неизвестно, был ли сам Шаалы личностью легендарной или реальной, но в приписываемых ему книгах немало дельного...

СОННОЕ МАРЕВО

Начало сна было — словно давным-давно знакомая заставка к телепередаче: в который раз приятная глазу пронизанная солнечными лучами чащоба, зеленый луг без тропинок, чуточку горбатый каменный мост впереди.

Вот только в этот раз Белой Волчицы на нем не было. Вместо перил мост украшали лавки из потемневших досок во всю длину, с неширокими сиденьями и высокими спинками, расположенными чуть косо. И справа сидела Дали, в коротком белом платье, с достигавшими теперь плеч светлыми волосами — именно так, машинально отметил Сварог, они и должны были вырасти за то время, что они не виделись.

Она сидела, откинувшись на спинку, упираясь в доски обеими руками, вытянув стройные ноги, в безмятежной, раскованной позе, выглядела совершенно спокойной, улыбалась Сварогу, такое впечатление, дружески и даже нежно. И он почему-то сравнил ее улыбку с тем, что можно было назвать улыбкой Белой Волчицы. Казалось почему-то, есть много общего меж человеческой и волчьей улыбкой.

— Привет, — как ни в чем не бывало сказала Дали, похлопала ладонью по темным доскам. — Присядешь?

Он присел рядом, сам того не желая — как и во всех прежних в о л ч ь и х снах, свободы движений был лишен полностью. Дали смотрела ему в глаза открыто, без тени лукавства. Спросила с улыбкой:

— Ты на меня сердишься?

— За что? — спросил Сварог.

Он вдруг обнаружил — или знал откуда-то, — что свободу р е ч и, в отличие от свободы тела, сохраняет полностью и может говорить то, что сам хочет.

— Ну как же? — улыбнулась Дали вовсе уж лучезарно. — За все, что случилось на том мосту?

— Нисколько, — сказал Сварог сухо.

— Шутишь?

— И не думаю. Видишь ли, я уж и не помню, сколько раз за всю мою сознательную жизнь меня пытались убить. Если бы я всякий раз сердился или злился на каждого, кто это пытался сделать... Я привык. И к очередному убийце отношусь без всяких эмоций.

— Интересный у тебя образ мыслей... — протянула она, улыбаясь. — Но ты бы меня с удовольствием убил?

— Без всякого удовольствия, — сказал Сварог. — Но убить бы постарался обязательно.

— В отместку? Или есть другие соображения?

— Есть, знаешь ли, — сказал Сварог. — Как бы тебе объяснить... Ты — из тех созданий, от которых я стараюсь этот мир избавлять при первой возможности. Может, это высокопарно звучит, но это хорошая формулировка.

— За то, что я хотела тебя убить?

— Нет, — сказал Сварог. — Сдается мне, ты олицетворяешь своей персоной какое-то опасное и сильное зло. А я стараюсь, чтобы зла в этом мире стало меньше.

— И прилагаешь к этому нешуточные усилия... — протянула Дали с явной иронией в голосе. — Теряешь на этом пути лучших друзей, верных товарищей, преданных сподвижников, но упрямо идешь вперед. А вдобавок то и дело гибнут люди, хорошие люди, виновные только в том, что оказались так или иначе втянутыми в твои дела... Тебе за это не стыдно?

— Нет, — сказал Сварог. — Врать не буду, мне от этого иногда очень тяжело, но так уж оборачивается жизнь...

— И тебе не надоело?

— Надоело, — сказал Сварог. — Знала бы ты, как надоело... Но приходится. Отнюдь не из пустого упрямства.

— Значит, вот такая жизненная позиция...

— Тебе не нравится?

— А какая разница, нравится мне или нет? — пожалала Дали круглыми плечами, не скрытыми платицем. — У всякого своя жизненная позиция, и отношение к ней окружающих ни на что не влияет... Что ты смотришь как-то странно?

— Потому что не могу понять: я с собственным сознанием во сне беседую или нет?

— Ты еще не понял, что я — н а с т о я щ а я? А все твои сны — не твоим сознанием порождены?

— Понял. Но верить не хочу, — Сварог удивлялся собственной откровенности, но ничего с собой поделать не мог.

— Боишься.

— Нет.

— Боишься самую чуточку, — уверенно спасала Дали. — Чувствуешь: оттого, что я настоящая, а сны приходят со стороны, тебя ждут новые жизненные сложности...

— Я бы это страхом не назвал, — сказал Сварог. — Скорей уж досадно. У меня и без тебя хватало сложностей...

— Ну ладно, не буду настаивать, что ты именно боишься, — неожиданно легко согласилась Дали. — Это совершенно ничего не значит... Получается, я олицетворение какого-то зла? А почему, собственно? Что я такого сделала? Ну, ткнула тебя мечом в сердце. Но ты же сам говорил, что это многие пытались сделать, и вряд ли ты их считал олицетворением зла. Что еще? Ах да, я еще, проказница, подняла мятеж... Что, впервые на протяжении твоей здешней жизни случился мятеж?

— Т а к о й — впервые. Ты ведь Черные Семена сеяла.

— Ты так уверен? — Дали сделала удивленное лицо. — Ты так точно это определил? Ты же сам в таких вещах не разбираешься. Кто-то тебе сказал, и ты принял это на веру, ведь так? А сам-то ты во мне когда-нибудь чувствовал что-нибудь ч е р н о е?

— Нет, — признался Сварог с той же странной и неприятной ему откровенностью. — Я вообще не смог в тебе ничего почувствовать. Ты — сама по себе не добро и не зло, ты нечто иное, хотя и не понимаю, что...

— Вот теперь что-то проясняется, — улыбнулась Дали. — Я — «нечто иное», и потому меня следует убить... В мире должно оставаться только то, что ты понимаешь. Так?

— Нет — сказал Сварог. — Совсем не так. В мире много мне непонятного. Боюсь, что-то так и останется непонятым навсегда. Тут другое. Ты несешь в этот мир зло.

— Ты, может, и удивишься, но я в этот мир несу не зло, а справедливость, — сказала Дали. — Объясню подробнее чуть погодя, а сначала... Ты поверишь, если я искренне попрошу прощения? И за мятеж, и за то, что случилось на мосту? Понимаешь, я не какое-то с т а р о е создание в облике молодой девушки. Я и е с т ь молодая девушка. Ну предположим, не девушка, а женщина, но это уже детали. Ключевое слово «молодая». Я точно так же, как люди, расту, взрослею, набираюсь опыта, умнею. Ты в молодости ведь наверняка совершил много необдуманных поступков и допустил немало промахов? Как любой в юном возрасте. Вот и я не сразу повзрослела. История с мятежом была глупостью. И мечом я тебя ткнула, если подумать, зря. Или ты все же злишься? За м о с т?

— Да нет, — сказал Сварог.

— Тем лучше. Так вот, я — молодая женщина... и у меня достаточно ума, чтобы учиться на собственных ошибках. Конечно, лучше бы было учиться на ошибках других, но так уж сложилось. Молодая женщина, что ты хочешь.

— Этот ведь только один из твоих обликов? — спросил Сварог уверенно. — Один из двух?

— Ну да, — безмятежно сказала Дали. — И что? Я не монстр, не оборотень. Испокон веков мы в с е жили именно так — и в человеческом облике, и в зверином... не обязательно хищного зверя. Такими уж нас создали боги, и что ты тут поделаешь? Ну, а в том, что от всего разнообразия в т о р ы х личин остались только Волки, виноваты не мы сами, а те, кто вторгся сюда с Сильваны. Они постарались, так что выжить удалось только Волкам. Теперь — о справедливости. Я именно что восстанавливаю справедливость. Ваши книжники немало написали о том, что добро и зло сплошь и рядом — понятия относительные. Для крестьянина долгие ливни — зло. Урожай пропадет. А для его же земляка-зерноторговца такие ливни — благо. Осенью зерна будет гораздо меньше, цены подскочат, торговец неплохо наживется на старых запасах, достаточно одного-единственного примера, а их множество. Ты смотрел на все происходящее исключительно со с в о е й точки зрения. А теперь попробуй посмотреть с моей. Мы жили на Дауратане своей жизнью и в дела других миров не вмешивались — ну, не по доброте души, просто необходимости такой не возникало. Вдруг из другого мира пришли захватчики. Сожгли все наши города, перебили большинство из нас и наверняка перерезали бы всех, не найди мы возможности у к р ы т ь с я. И скрывались многие тысячи лет. Теперь обнаружилось, что мы можем за все посчитаться. И вернуть себе этот мир. Любопытно, как бы ты поступил на моем месте? Оставался на положении загнанного зверя или попытался бы сделать все, что в твоих силах, чтобы вернуть свой мир? То, что люди здесь живут «очень долго», аргументом в их пользу служить не может. Ты согласен, что с в о я правда у меня есть?

Сварог угрюмо молчал.

— Молчишь... — протянула Дали. — Значит, в глубине души соглашаешься, что своя правда у меня есть.

В таком случае я вовсе не олицетворение зла. Я хочу вернуть свое — и не жалкой кучке беглецов, а довольно многочисленному народу. Потому и поступаю так, как поступаю.

— Изначальные? — спросил Сварог.

— Можешь называть, как тебе привычнее. Хотя сами себя мы звали совершенно иначе. Не в названиях суть.

— Ну, а от меня тебе что нужно? — спросил он мрачно.

Дали очаровательно улыбнулась:

— Можешь не верить, но я пришла предложить тебе место возле меня. Да, представь себе. Я не знаю о тебе всего, но о кое-каких твоих поступках наслышана. Было время, чтобы их обдумать. Ты явно знаешь, что мы существуем, скрываясь среди людей, и на Таларе, и в Империи. Думаю, ты уже знаешь, зачем мне необходима твоя Яна — я тебе сама кое-что показала, и ты не мог не доискаться до истины. Одно существенное уточнение: ты ничему не можешь помешать. Яна уже н а ш а, и воспрепятствовать этому ты не в состоянии, иначе давно бы сделал это или хотя бы попытался. Не похоже, чтобы ты умел не то что с Затаившимися бороться, но даже выявлять их — очень уж старательно и давно они это умение на земле искореняли. Будь иначе, ты бы давным-давно что-нибудь предпринял против кого-то из Затаившихся. Ты этого не сделал. Вывод — ты бессилён.

— Хочешь, чтобы я сдался? — усмехнулся Сварог.

— Нет, — сказала Дали. — Скорее уж я тебе предлагаю почетную капитуляцию, а это разные вещи, ты воевал, должен понимать разницу. Я могу себе позволить быть откровенной. Ну, не до конца, понятно, но д о в о л ь н о откровенной. Во-первых, у тебя есть умения, которые мне, как хозяйке нового мира, могут пригодиться, у мертвого их не заберешь, а вот живой на моей службе — другое дело. Во-вторых, очень важно, что ты — не о т с ю д а. Ты пришел из другого мира. Твои предки совершенно непричастны к тому, что сделали

с моими, — потому и отношение к тебе другое. Да, ты здесь прижился, освоился, тебе здесь хорошо... но все же этот мир — не твой родной. Тебе гораздо легче будет пережить его исчезновение. А то, что ты обретишь, может оказаться гораздо притягательнее того, что ты потеряешь. Я чуть позже постараюсь тебе это доказать. Пока что... Ты ничего изменить можешь. И кое-что должен себе уяснить. В первую очередь то, что Возлюбленная Волков — вовсе не волчья шлюха, как тебе, возможно, кажется. У нее будет совсем другое положение в Стае. Гораздо более почетное. Еще как и у матери Сокрушителя. И наконец, ты ее вовсе не теряешь. Когда она выполнит свою миссию, может оставаться с тобой... ну, чуточку не так, как обстоит сейчас, у Стаи свои обычаи. Но все равно, в какой-то степени она останется твоей. А положение моего приближенного в Стае — совсем не то, что участь жалкого беглеца, прячущегося среди обломков былого. Я вовсе не собираюсь уничтожить род людской н а ч и с т о — хотя предки людей поступили бы иначе, будь у них такая возможность. Кто-то будет таиться по глухим углам... совершенно как мы много тысяч лет. С тем существенным отличием, что, в отличие от нас, у людей не будет возможности вернуть былое. Сильвана вмешиваться не станет — сам знаешь, какое меж ними и здешним народом царит отчуждение. Мы не собираемся их трогать, а у них, я уверена, найдется достаточно ума, чтобы не лезть в серьезнейшую драку с непредсказуемым исходом. Тем более что мы вовсе не собираемся уничтожать все достижения Империи. Наоборот, они нам пригодятся, чтобы отстоять с в о й мир. Они не будут вмешиваться. Как только убедятся, что мы не питаем против них никаких агрессивных замыслов — будут сидеть тихо, у них своих забот достаточно...

— Очень мило, — сказал Сварог. — И как моя капитуляция должна выглядеть? Ты что, поверишь моему слову? Не настолько же ты глупая, чтобы верить исключительно словам, да еще сказанным во сне... пусть и необычном сне.

— Ну конечно, не настолько уж я глупа и доверчива, — улыбнулась Дали. — Твоя почетная капитуляция будет выглядеть очень просто — ты просто-напросто не станешь предпринимать ровным счетом никаких действий против Затаившихся, не станешь ничему мешать до урочного часа — а он наступит, между прочим, не завтра и не послезавтра, но довольно скоро. Этого будет достаточно. — А если ты все же попытаешься что-то сделать... — в ее голосе зазвучали нотки угрозы. — Все может начаться гораздо раньше. Моим планам это ни-сколечко не повредит, скорее уж наоборот. Вот, собственно, и все. Тебе остается лишь хорошенько подумать, все взвесить... и убедиться, что шансов на победу у тебя никаких.

Способности р а з м ы ш л я т ь Сварог в этом сне тоже не утратил. И, подумав немного, спросил:

— А как я могу быть уверен, что ты мне не врешь? И по-прежнему можешь пытаться меня убить...

— А мои мотивы? — с интересом спросила Дали.

— Ну, хотя бы то, что я прикончил твою матушку. Там, в Заводи. Подозреваю, ты это прекрасно знаешь.

— Знаю, — сказался Дали. — Ну и что? Я к ней никакой такой дочерней любви не испытываю. Еще и потому, что общалась с ней каких-то пару дней, уже в ы р о с ш и. И потом, матушка была, как бы тебе объяснить... н о с и т е л е м, что ли. А это немножко не то, что мать. Не было у меня матери в обычном понимании, — она лукаво покосилась на Сварога. — А вот отец есть...

— И ты обожаешь папочку... настолько, что однажды преспокойно ткнула мечом в сердце.

— Я же говорю: я выросла, умнела, росла... Гораздо быстрее, чем человек, но какая разница? Я сейчас совсем другая, не прежняя. Можно подумать, ты с возрастом не менялся. Вот и постарайся меня понять. Возможно, тогда и относиться станешь по-другому. Ну, а пока... — она встала и протянула Сварогу руку. — Пошли.

Вот свободы движений он по-прежнему был лишен. И когда Дали взяла его за руку, пошел рядом с ней на ту сторону моста, где никогда прежде не был. Ее ладонь была сильная и теплая, от Дали приятно пахло незнакомыми духами и словно бы степными травами — в обычном сне он никак бы не смог такого ощущать и обонять.

На той стороне все было таким же — залитый солнцем лес, поросшая невысокой травой равнина без следа тропинок. Они шагали меж деревьев недолго, очутились перед самым обыкновенным домиком из потемневших от времени бревен, с острой крышей, из такой же потемневшей дранки, окнами без стекол — похоже, они изначально такими и были, ни следа рам, нет осколков стекла. Больше всего домик напоминал каталаунскую охотничью избушку, такой уж у него был вид: нежилой, но не заброшенный.

Они вошли. Единственная комната, никакой мебели — но и не следа пыли, словно кто-то старательно ухаживал за домиком. Только в углу занимавшая чуть ли не треть комнаты охапка травы. Трава выглядела свежескошенной, да и пахла так же, и среди нее попадались стебли цветов наподобие ландышей, только не белые, а сиреневые.

Отойдя от Сварога на пару шагов, Дали повернулась к нему и неторопливо стянула через голову платье, под которым не оказалось ничего, кроме великолепного тела. Улыбаясь и глядя в глаза, подошла вплотную, положила руки на плечи и потянула его на охапку неизвестной травы. Противиться он не мог.

Сколько прошло времени, Сварог представления не имел. Прильнувшая к нему Дали повернулась в чуточку дурманящем запахе мятой травы, погладила по щеке:

— И как я тебе? Ну, что ты молчишь? — безмятежно рассмеялась: — Ты все же чуточку скованный. Неужели из-за того, что мы с тобой связаны известными отношениями, кроме только что случившихся? Не надо конфузиться. У людей одни нравы, а у Стаи — другие. Не имеет никакого значения, кто отец, а кто дочь. Так что не

беспокойся, все естественно и просто... По меркам того мира, в котором тебе предстоит жить. Тебе ведь было приятно? Ну, не отпирайся, я по твоему лицу вижу. Уж настолько-то я взрослая, чтобы знать, как выглядит лицо мужчины, которому я доставила нешуточное удовольствие. У тебя как раз такое лицо...

— Наяву это пройдет, — сказал Сварог.

— А если не пройдет? — прищурилась Дали. — Что ты тогда будешь делать, интересно? Заверяю тебя, не пройдет. Ты будешь думать обо мне и желать меня, вот посмотришь. Что ж, легче будет принять решение. А теперь самое время показать тебе новый мир...

Дали с неженской силой сжала его руку, и он куда-то провалился. Не было ни домика, ни травы, ни девушки. Только необозримая равнина, по которой Сварог неся к темнеющему вдалеке лесу. Но собой уже не был — прекрасно видел мелькающие собственные лапы — волчьи лапы! — гораздо ближе к земле оказался, чем человек. Справа, слева, впереди той же размашистой рысью неслись волки, бурые и серые, и возглавляла этот бег белоснежная волчица.

Бег казался б е з м я т е ж н ы м — от погони, от опасности так не бегут. Стая волков неслась по равнине просто потому, что так ей было веселее, нежели брести шагом. Сварога переполняло пьянящее чувство совершеннейшей свободы, несказанной вольности, он чувствовал себя хозяином окружающего, всего мира. А еще чувствовал некое непередаваемое человеческими словами е д и н е н и е с опростью несущейся стаей — он всех любил, и его все любили, он был не просто волком из стаи, а частичкой какого-то огромного целого, невероятно доброжелательного к нему, всегда готового защитить и помочь, как и он был готов насмерть драться за любого из тех, с кем несся по равнине. Счастье и радость прямо-таки переполняли его — и они не были человеческими. И волчьи тоже не были. Что-то другое, чему нет названия...

Запахи он ощущал так, как этого не в состоянии сделать человек, они накатывали волной — я р к и е, сильные запахи травы, цветов и даже, вот чудо, солнца над головой, у солнца тоже был свой запах, умиротворяющий, приятный. Нагретая солнцем чистая волчья шерсть, кузнечик в траве, древесная кора, земля...

Все изменилось вдруг — вместо волков по равнине неслись люди, и он тоже стал человеком. Обнаженные, сильные, молодые — ни одного старика или хотя бы человека пожилых лет — красивые юноши и девушки. Все, и он сам, бежали как-то иначе — с нечеловеческим проворством, грацией, совсем не так, как порой бывает во сне, как-то иначе. Я р к о с т ь запахов осталась прежней, и никуда не пропало восхитительное чувство единения со Стаей, разлитого вокруг добра и братства. Бегущая впереди девушка с разметавшимися светлыми волосами оглянулась на него, грациозная и прекрасная, как пламя костра. Он узнал Дали и ощутил ту же жгучую радость е д и н е н и я, для которого не находилось людских слов. Он любил ее, как любил их всех.

В некий неуловимый миг он вновь принял волчий облик — и уже в нем следом за передними ворвался в лес. Нахлынули другие запахи — нагретой солнцем сосновой коры, кустарника, ягод, грибов, сухой хвои под лапами. Справа шарахнулся в чащобу кто-то мелкий, исходивший запахом страха, — слишком мелкий, чтобы стать достойной добычей, а потому им следовало пренебречь в ожидании добычи, достойной волка.

Потом лес остался позади, стая вновь вырвалась на равнину — и там, впереди, была добыча, достойная добыча, ее запах приятно дурманил в ожидании мига, когда удастся сжать клыки на ее горле, глотнуть свежей крови, горячей, чуточку пьянящей, будоражащей чувства в о л к а.

Добычи еще не видно, но она там, впереди, несется со всех ног, как будто в состоянии уйти от волка. Азарт и буйная радость охоты растекались по жилочкам.

И вдруг что-то произошло с ним. Он, будто прикованный к земле неведомой силой, остался на месте, уже не зная, в каком облике сейчас пребывает, — а Стая неудержимо неслась вперед, все удаляясь и удаляясь, и это было мучительно, остаться без Стаи, боль непоправимой утраты пронизала его так, что он отчаянно закричал, охваченный жгучим одиночеством, словно лютым морозом, взвыл от нестерпимой тоски, не зная, кто он сейчас, человек или волк...

ЛЕСА КАТАЛАУНА

Чувства причудливо смешались, меланхолично констатировал он, в ожидании Каниллы сидя за пустым столом в малом королевском кабинете.

С одной стороны, были основания самую чуточку гордиться собой. Никаких побед он не одержал, но очень важную информацию получил. По договоренности с Яной собрал всех работавших в Магистериуме и Технионе. Под самым что ни на есть благовидным предлогом — огласил очередное послание императрицы. Случались такие послания, пусть и крайне редко. Так что никто ничего не должен был заподозрить.

Никакой туфты он высокому собранию ученых мужей подбрасывать не собирался — не из душевного благородства, а из насквозь практических соображений: убедительную туфту для немалого количества умных людей готовить пришлось бы долго и искусно. Проще было кинуть им маленькую, но крайне приманчивую косточку, что он и сделал. В послании речь шла о том, что строго засекреченной научной группе после долгих трудов удалось наконец обнаружить ведущий в прошлое Талара проход. Проект «Алмазная стрела» был в свое время свернут, но кое-какие его наработки изучались и в дальнейшем. И вот — удалось, господа мои!

По присущей ему скромности Сварог (в основном это послание сочинивший при участии Марлока) о себе в качестве первооткрывателя ничего не писал. Честь эпохального открытия досталась некоей «лаборатории Техниона». Где именно находится этот проход, тоже не упоминалось — во многом знании многие печали... В первую очередь им в голову придет, что проход в той самой «лаборатории Техниона» и открыт. И прекрасно. Ни словечком не упомянуто об истинном положении дел: что давно уже на Той Стороне работают спецслужбы, что получено немало ценной информации, что вот-вот начнется операция «Невод». Сведения крайне скудные: проход обнаружен и поддерживается постоянно, нет никаких сомнений, что речь и в самом деле идет о доштормовом прошлом Талара, изучение коего начато с превеликими предосторожностями во избежание непредсказуемых хроноклазмов. Во многом это была чистая правда, пусть и далеко не вся. Пройдет не так уж много времени, и высокому собранию будет представлена гораздо более полная и подробная информация, а пока что Сварог не уполномочен отвечать на какие бы то ни было вопросы.

Ученых мужей эта сенсационная новость ошеломила крайне — что они не скрывали, лица у всех были оторопело удивленными. Сварог был уверен, что никого не удивило и не показалось подозрительным то, что работы до поры до времени держали в тайне — все присутствующие прекрасно знали, что иные научные проекты долго остаются неимоверно засекреченными, чтобы далеко не ходить, достаточно припомнить ту же «Алмазную стрелу» или Радиант. А потому они, хотя и явно ерзали от жгучего желания засыпать Сварога вопросами, от таковых все же воздержались.

Он бил наверняка. Со временем и в самом деле большая часть сведений о проекте и добытых оттуда знаний будет рассекречена и отдана широким научным массам. Вот только произойдет это только после того, как по прошлому прокатится Шторм — а ждать этого совсем недолго...

Цель этой задумки, конечно же, знал только Сварог — даже Марлок пока что далеко не во все был посвящен. Сварогу просто-напросто требовался удобный предлог собрать вместе в с е х ученых Империи на Таларе. Сто с лишним ларов и около сотни антланцев, пребывавших в основном на второстепенных ролях. И п о с м о т р е т ь на них. Вот он и посмотрел. И результатами был чуточку поражен — среди них не оказалось н и о д н о г о веральфа. Все, от академиков до третьих помощников младших лаборантов, оказались людьми. Хотя он, ведя поиски наугад и наобум, обнаружил веральфов в гораздо менее авторитетных и важных конторах, нежели Магистериум и Технион. Случайностью это никак не объяснить, для такого поведения вездесущих веральфов должны быть веские причины — но ответа у Сварога пока что не было...

Вот только к удовлетворению от хорошо проделанной работы примешивалась серьезная досада...

Всю прошлую ночь ему снилось, что он со Стаей носится по неизвестным равнинам и чащобам. В волчьем образе охотится на оленей вместе с б р а т ь я м и и с е с т ь р а м и, в человеческом облике занимается любовью с Дали — когда вечером все собираются на обширной лесной поляне и, обернувшись людьми, ласково опускают женщин в высокую траву.

Беда была в том, что чертова волчица оказалась права: в отличие от всех прошлых снов после пробуждения Сварог не чувствовал никакого отвращения к увиденному. Как раз наоборот. Все продолжало и наяву ему н р а в и т ь с я — и воспоминания о ласках Дали, и восхитительное е д и н е н и е мыслей и чувств, и само пребывание в облике веральфа. По-настоящему нравиться. Один раз он даже поймал себя на том, что с к у ч а е т по Стае и с нетерпением ждет наступления ночи, несущей вольность и умиротворение души, каких он в реальной жизни не знал.

Никак нельзя сказать, что его п о д ч и н и л и волчьи сны — но и нельзя отрицать, что самую чуточ-

ку по ш а т н у л и душу. Что он, откровенно признаться перед самим собой, если и не подсел еще на эти сны, как наркоман на героин, то может и подсесть. С непредсказуемыми последствиями. Если это будет продолжаться достаточно долго, с сознанием может произойти то же, что случается с плотиной, в которой вода отыскала дырочку — капельки просачиваются, превращаясь в струйку, струя оборачивается в конце концов могучим потоком, и плотина рушится. Реальную опасность такого оборота Сварог не исключал — а бороться с этим никак не мог. Нельзя же все время не спать. Даже лекарство, вроде «эликсира бессонницы», не спасет — рано или поздно организм потребует сна...

Так он и просидел в угрюмых раздумьях — точнее, угрюмой меланхолии, пока статс-секретарь не доложил о Канилле. При первом же взгляде на нее меланхолию как рукой сняло — Канилла, на сей раз щеголявшая в гвардейском мундире, улыбалась во весь рот, выглядела довольной и радостной. Усевшись напротив него, положив на стол тощенькую кожаную папку с вытисненной золотом эмблемой Главной гвардейской канцелярии, вытащив сигарету, сказала едва ли не ликующе:

— Все удалось как нельзя лучше, командир. Пришлось там торчать, пока они не сделают все восемь экспертиз, н а с т о я щ а я шла пятой...

Особенных усилий не потребовалось — агенты Интара в шалуатском княжеском дворце просто-напросто ночной порой проникли в апартаменты Дали и собрали в пакет восемь ее роскошных, золотых с самоцветами гребенок — пребывая в человеческом облике, она не могла не расчесывать волосы столь же часто, как это делают обычные женщины. Парочку она, вполне возможно, прихватила с собой, тайно улизнув из Шалуата, — но на оставшихся хватило волос для генетического анализа, в том числе и с волосяными луковицами. Для надежности Сварог велел поступить так же и с гребнями Орка, каковых отыскалось три, тоже с достаточным количеством волос.

Результат: анализ установил полную идентичность «представленных образцов» с данными из генетической карты Орка. У любого лара она имеется, в том числе и у Сварога. Так что на данные второй экспертизы можно полагаться полностью.

Он ощутил нешуточную радость: Интагар в очередной раз оказался прав в своих выводах. Неизвестно, кто мать Дали (кто бы заводил на Маруту генетическую карту?), неизвестно, кто отец. Одно ясно: ее отцом Сварог оказаться никак не может. Генетический анализ не ошибается. Кто угодно, только не Сварог.

— Читала, конечно? — спросил он.

— Конечно, — сказала Канилла. — Вы же не запрещали.

— Что скажешь?

— А что сказать? Можно только поздравить, что не вы — отец этой стервы. Мне было бы жутко неприятно иметь такую вот доченьку.

— А уж мне-то... — проворчал Сварог. — Камень с души свалился... Выходит, она лгала, именую меня «папочкой»...

— Или ее кто-то в этом убедил, — сказала Канилла. — Вы же сами рассказывали, что она ударила вас мечом с возгласом «Получай, п а п о ч к а!», К чему ей было лицедействовать в тот момент? Она никак не предполагала, что вы останетесь в живых, никто не мог предполагать. Кто-то мог ее убедить, что отец — вы. Может быть, лорд Стемпер, вполне возможно, игравший роль некоего наставника. Может, на первых порах она не могла без наставника обойтись. Вы сами говорили, что родители Стемпера — веральфы, значит, сто процентов, и он сам...

— По большому счету, это несущественно, — сказал Сварог уверенно. — Отец я ей или нет, это ничегошеньки не меняет. Я не о том думаю. Что, если Интагар оказался прав и в другом? И она — вовсе не Гремилькар? Просто-напросто пустила нас по ложному следу, уводя подальше от веральфов? И это возможно. Только и об

этом сейчас нет ни времени, ни нужды думать... Меня вот это страшно интересует. — Он вновь взял листок, заполненный на две трети казенный бланк с эмблемой Магистериума и соответствующим грифом вверх. Прочитал вслух: — «В представленном образце присутствует антиген Р, в человеческом организме не встречающийся». Что за антиген такой?

— Я тоже представления не имела, а потому спросила прямо, — сказала Канилла. — Обычный, ничем не примечательный антиген. В организме человека не присутствует, встречается у некоторых видов животных, но далеко не у всех. У каких именно, они с ходу не могли и припомнить — они летают высоко и столь низменными мелочами не интересуются. А лезть в компьютер я при них не стала, понятно. Но в браганте, на обратном пути, запрос сделала. Антиген этот присутствует в организме животных из семейства п с о в ы х — собаки, шакалы... в о л к и. Интересно, правда?

— Безусловно, — сказал Сварог.

— Я и касательно генетических карт проверила, уже через наши каналы, — продолжала Канилла. — В обычном доступе их нет, это ж медицинская тайна... В общем, никто и никогда не проверял жителей Империи на наличие антигена Р — как и на наличие других генов и антигенов, которых в человеческом организме, считается, изначально нет. А он, оказывается, есть... у некоторых. И если он есть у каждого веральфа, и это признак его отличия от человека... Можно попробовать сконструировать какой-то детектор, который их позволит выявлять и без нашего «ореола». Я об этом еще в Магистериуме подумала — и обиняками порасспрашивала. Технически вполне возможно, они сказали. Достаточно будет секунд на пять приложить ладонь к панели — и моментально станет ясно, кто есть кто.

— Интересная перспектива... — сказал Сварог. — Многообещающая. Они там ничего не заподозрили, как думаешь?

— Вряд ли, — сказала Канилла. — Я им преподнесла увлекательную байку — не сказала прямо, а намекнула, что это как-то связано с организмами, обитающими в прошлом, по ту сторону мифического «прохода». А поскольку они все еще под впечатлением того, что вчера от вас услышали... Поверили, сдается мне. Если попрошу — попробуют такой агрегат сделать, это, говорят, не такая уж и сложная задача, похожая аппаратура есть... Сразу этим заняться, или отложим?

— Пока отложим, — подумав, сказал Сварог. — По большому счету, это второстепенная задача... У тебя все?

— Да нет, — сказала Канилла. — Коли уж я развила бурную деятельность, меня долго не остановить... Прихватила с собой из Магистериума одного молодого, но чертовски способного психолога. Вы его имя наверняка не помните — по Радианту проводился целый ворох разнообразнейших экспертиз самого разного плана. Он одну из таких и делал.

— Наверняка не вспомню с ходу, — сказал Сварог. — Действительно, было столько отчетов и экспертов... Нужно вспомнить?

— Нет особенной нужды, я вам сама все в двух словах изложу. Магистр Ардиан. Его тогда привлекали официальным образом, с соответствующей подпиской о неразглашении и всем таким прочим. Он писал заключение о возможных отличиях в психологии и образе мыслей тех, кто был доверенными лицами Радианта, — и самого Радианта. Одни предположения, но, говорили, толковые. Вот я его и решила привлечь снова, на сей раз неофициально. Он охотно согласился.

— Ага, — усмехнулся Сварог. — Молодой, говоришь? Тоже из тех, кто на тебя нападает?

— Ну я же не виновата, что на меня часто нападают, — пожала плечами Канилла с самым невинным видом. — Особенно когда я появляюсь в самых смелых платьицах с Той Стороны, вот как сегодня в Магистериуме. Я его по пути завезла на полчаса к нам, в девятый стол, чтобы подумал и сделал предварительные

прикидки. Вводную ему дала такую: представим, что среди людей давно и потаенно обитают другие существа, совмещающие в себе качества человека и зверя. Что он, как психолог, мог бы о них сказать, пусть даже на основе столь скудных данных? Кое-какие соображения у него появились. Я подумала, что проще будет не усаживать его за писанину, а привезти прямо к вам. Вот и привезла. Только передела в земное, чтобы не бросался в глаза. Сидит в приемной. Сейчас позовете?

— Конечно, — сказал Сварог. — С тобой мы, кажется, все обговорили. Оставайся, у меня в этом деле от тебя секретов нет. В каком он там виде?

— Лейтенант того же полка, что и я, — сказала Канилла. — Гвардейский офицер в вашей приемной — обычная картина. Да, имейте в виду: я ему намекнула, что речь идет о неких существах с Той Стороны. В этом ключе, если что, беседу и стройте.

— Понял, — сказал Сварог.

Вызвал статс-секретаря и отдал должное распоряжение. В кабинет вошел действительно ничем не примечательный на общем фоне лейтенант Черных Лучников — правда, глаз опытного военного сразу отметил бы, что мундир он надел впервые в жизни. Но это ничему не мешает и никого не насторожит: мало ли только что произведенных титульных? За такого и примут...

Молодой, но не юнец, держится, в общем, уверенно, с непринужденностью знающего себе цену специалиста — вполне приемлемая черта до тех пор, пока не переходит в излишний апломб. Вот только, войдя, украдкой бросил на Каниллу восторженно-робкий взгляд, но и в этом ничего удивительного: ее такие взгляды часто сопровождают, что в Империи, что здесь. Это и к лучшему — из кожи будет вон лезть, чтобы произвести на Каниллу впечатление. Такие кадры нам нужны — рассуждая со здоровым цинизмом о проблемах дела...

— Садитесь, магистр, — сказал Сварог. — Леди Канилла сказала, что вы готовы с нами в некоторых вопросах сотрудничать... Рад вас видеть, — он решил

сразу забросить вкусную приманку. — Речь пойдет не о разовой консультации. Неплохо было бы, согласись вы и дальше с нами работать до завершения операции. Сугубо неофициальным образом пока что. Но и в этом случае придется соблюдать тайну, как если бы вы давали официальную подписку. Согласны?

— Конечно, — сказал молодой магистр с неподдельным энтузиазмом.

Сварог придал себе многозначительно-загадочное выражение лица.

— Я ничего не могу говорить прямо, но вы, наверное, уже поняли из слов леди Каниллы, о чем пойдет речь? Точнее, о ком?

— Да, пожалуй!

Лицо у гостя стало таким, какое Сварогу и требовалось, — ученый, возрадовавшийся шансу проникнуть в увлекательные и загадочные тайны, недоступные остальным. В таком состоянии горы сворачивают... Вообще-то Сварог ему не лгал — на определенном этапе и в самом деле понадобится постоянный консультант такой именно профессии. Его соображения касательно Радианта были неплохи — и, что хорошо, он и в тот раз ни словечком не проболтался коллегам о возложенном на него поручении. Чем выгодно отличался от иных высоколобых спесивцев из Магистериума, полагавших себя выше всяких условностей, в том числе и подписок о неразглашении...

— У вас, я так понимаю, кое-какие соображения уже появились?

— Да, лорд Сварог. К сожалению, леди Канилла дала довольно скудные исходные данные. Будь у меня больше информации, стало бы легче.

— Ну, коли уж вы умеете хранить тайны, открою еще одну, — сказал Сварог. — Это почти вся информация, что у нас пока есть. Могу лишь добавить, по нашим данным, эти существа обитают среди людей тысячелетиями, никак не проявляя себя. Оставаясь неразоблаченными. Проникли во многие государственные учреждения.

— То есть никакой деятельности в своих интересах не ведут?

— Очень похоже на то.

— Тогда, мне думается... Можно высказать гипотезу, что они представляют собой неких паразитов, своеобразных симбионтов, озабоченных лишь собственным выживанием.

До определенного времени так и было, мысленно уточнил Сварог, но вслух ничего не сказал. Тысячелетиями, можно сказать, паразитировали. Ждал и.

— Мы сами не знаем всего, но, очень похоже, у такой гипотезы есть права на существование, — сказал Сварог. — Вы смогли бы сделать какие-то предварительные заключения на основании тех скудных данных, что сейчас имеются? Гипотезы, прикидки...

— Попробую. Если это какие-то другие существа, не принадлежащие к человеческому роду... Обладающие разумом, но не люди... Рискну предположить, что у них должна быть другая психология, в чем-то отличающаяся от человеческой. Другая логика, другой образ мыслей и поступков. Они, конечно, достаточно долго живя среди людей, научились следовать человеческой логике, иначе их давно бы разоблачили, но они должны руководствоваться своей психологией. Не исключено, в силу чисто физиологических причин: возможно, у них левое и правое полушария мозга развиты иначе, чем у людей — примерно так, как обстоит и у людей с мужчинами и женщинами. Возможно, коли уж в них присутствует некое звериное начало, добавляется и что-то от психологии зверя... Вам неизвестно, от которого?

— Пока нет, — без зазрения совести солгал Сварог.

— По-моему, неминуемо будет иметь место некое сочетание человеческой и звериной психики. Человек наверняка доминирует, но и от зверя что-то остается. Разумеется, честно предупреждаю: все это не более чем игра ума — при скудости исходных данных. Предварительные наброски, не более того.

— Нам сейчас и такие полезны, — сказал Сварог на сей раз чистую правду. — Именно из-за скудости данных...

Когда за магистром закрылась дверь, Канилла с любопытством спросила:

— Ну как, командир? Он вам чем-то помог?

— Он мне дал т о л ч о к, — медленно произнес Сварог. — Упорядочил кое-какие мои собственные смутные соображения, и это важно... Кани, посиди пару минут молча, я подумаю...

Действительно, это был т о л ч о к, позволивший упорядочить и дополнить собственные прикидки. Другая психология, другая логика, другой образ мыслей и проистекающий из этого образ действий. На пользу сейчас Сварогу эти соображения или во вред? Очень может быть, что и на пользу. Если свести предположения магистра с конкретными фактами...

Может, веральфов потому и нет в Магистериуме и Мистерии, что они не способны творить? Самостоятельно рождать научные идеи, быть изобретателями? Как обстояло в мире Сварога с японцами — они делают великолепные машины и электронику, много чего другого — но всегда оставались непревзойденными мастерами доводить до совершенства чужие изобретения и идеи. Автомобили, компьютеры, телевизоры, транзисторы, синхрофазотроны изобрели не они... У Изначальных по определению не могло быть ни большой науки, ни развитой техники — иначе они не проиграли бы схватку за планету людям, не знавшим даже огнестрельного оружия, вооруженным лишь копьями, стрелами и мечами. И черная магия им не помогла — даже если происходили какие-то чисто магические битвы, люди и тут оказались сильнее.

За примерами не нужно ходить далеко. Достаточно вспомнить, как на Земле обстояло дело с мужчинами и женщинами — в чем-то они друг другу не уступали, а в чем-то друг другу проигрывали. Среди женщин немало великих актрис, писательниц и поэтесс — а великих художниц или композиторов нет. По пальцам одной руки

можно пересчитать выдающихся женщин — математиков и физиков. А вот в медицине женщины достигли немалых успехов. Шахматные турниры и сегодня проводятся отдельно для женщин, отдельно для мужчин. И так далее. Причина как раз в том, что у мужчин и женщин — разная логика, разный способ мышления. Это, как говаривал по другому поводу герой известного романа, медицинский факт.

Если смотреть с этой точки зрения, существеннейшие различия должны быть меж веральфами и людьми. Возможно, Дали и не лгала насчет мятежей и удара мечом на мосту — она именно так выросла и набиралась ума. И то, что она раскрыла Сварогу почти все свои планы, — результат не юношеской беспечности или чрезмерной уверенности в себе (порой подводившей и более опытных людей, да что там — пару раз и его самого), а следствие и н о г о мышления. Она уверена, что Сварог ничему не в состоянии помешать, — а значит, не может предугадать некоторых его ходов так, как это, пожалуй, смог бы сделать человек. Если так, это прибавляет уверенности.

И, наконец, в о л к и. В волчьей стае присутствует строжайшая иерархия — говоря канцелярским языком, штатное расписание давно составлено и исправлениям не подлежит. Это дает простор для некоторых предположений — например, что веральфы, их мысли и действия гораздо больше зависят от ступеньки на этой самой иерархической лестнице. Они просто не у м е ю т иначе. Там, где человек проявил бы инициативу не по рангу, веральф, не исключено, на это попросту не способен. Сварог вспомнил, что ему рассказывали ветераны Отечественной о существенных различиях в советской и немецкой военной мысли. Не раз случалось, что, когда убивали командира взвода, а то и роты, часто подсказывал даже не сержант — рядовой красноармеец — и кричал: «Слушай мою команду! Я командир!» И его, что характерно, слушались — и порой выигрывали. У немцев обстояло иначе: стоило

снайперам выбить у них офицеров, как фрицы... Нет, они, конечно, не бежали и рук не поднимали — но дрались уже гораздо более вяло, словно бы скованно, им необходима была четкая команда вышестоящего, и как-то не находилось рядовых, способных вскочить и крикнуть: «Взвод, слушай мою команду!» Если у веральфов обстоит примерно так же, задача упрощается — нужно на снайперский манер выбить офицеров, главный удар направить на Аристократов, чуть послабее — на Знать, еще слабее — на Жителей. А в первую очередь нужно попытаться добраться до самой Дали — если вожак волчьей стаи вдруг гибнет, его место наиболее близкий по иерархии занимает отнюдь не автоматически, так что некоторый выигрыш во времени будет обеспечен — вот только где эту стерву искать?

Он поднял глаза на Каниллу, смирнехонько ожидавшую — быть может каких-то волшебных слов, которые все уладят и принесут победу. С отчаянной надеждой смотрела. А у него таких слов не было...

— Магистр мне немного помог, Кани, — сказал он. — Да, я тебе не успел сказать, Барзай выходил на связь перед самым твоим прилетом. Ужасно выглядел, краше в гроб кладут — упрямый старикан явно уходил в прошлое, к тамошним теням, слишком глубоко. Но он и на этот раз выкарабкается, я уверен. Зайди он о ч е н ь далеко, не вернулся бы оттуда... Он сказал, что лекарство от Волчьего Клейма следует искать не в степи, где его заведомо нет, а в чащобе. Так ему говорила одна из теней, ничего больше, только это. Тени шаманов порой изъясняются туманно, подобно предсказателям...

— И что это может означать? — тихо спросила Канилла. — На Таларе столько чащоб, в самых разных местах...

— Это означает, что я на правильном пути, — сказал Сварог. — Барзай ключа не дал, он просто подтвердил мои догадки. О чем я ему никогда не скажу — он был немного горд, что сумел помочь, жизнью рисковал. Пусть и дальше думает, что помог... — резко отодвинул кресло и встал. — Летим в Каталаун.

...Ему прежде так и не довелось выбраться в Роменталь, хотя принц Элвар несколько раз приглашал. И поначалу отчего-то ждал встретить в обители некоронованного каталаунского короля если не сущий бардак, то нечто близкое — как должно было обстоять с замком, где самое малое раза три в неделю шумят многолюдные застолья. Как-то не подумал о слугах. Не сразу и вспомнил, что Элвар в свое время забрал в Роменталь почти всех слуг из своего манора, вышколенных потомственных лакеев с двузначными номерами. А потому комнаты, по которым вел его с Каниллой осанистый величественный дворецкий, блистали чистотой — ни пустых бутылок по углам, ни торчавших из-под столов ног упившихся до бесчувствия обычных собутыльников принца, ни прочих следов очередной пирушки. Кабинет принца тоже выглядел безукоризненно.

Принц, по его же собственным словам, уже и помнить забыл, когда в последний раз «хлебал трезвиловку». Однако Сварог был неумолим. Так что сейчас Элвар сидел напротив них с Каниллой, форменным образом неузнаваемый — трезвым его Сварог (как наверняка очень многие, уж Канилла-то точно) видел впервые в жизни. И следует признать, выглядел не лучшим образом — поникший, весь потерянный какой-то, понурый. Трезвость не нужно доводить до абсурда — и Сварог, встретив прямо-таки умоляющий взгляд принца, позволил ему распорядиться, чтобы подали пару бутылок келимаса. В конце концов, для принца это было тем же, что стакан газировки для школьницы, ничтожно мало, чтобы потерять соображение и ясность ума. Операцию на Сильване он тогда спланировал без посторонней помощи и блестяще провел в жизнь, будучи хмелен не в пример покрепче...

Сам он, пока говорил, к своей чарке не притронулся — сидевшая молча Канилла следовала его примеру. Зато перед принцем стояла пустая бутылка, а вторая, как сказал бы оптимист, была наполовину полна, а по

мнению пессимиста, наполовину пуста. Судя по брошенному на нее принцем Элваром взгляду, он разделял мнение пессимиста всецело.

— Вот теперь можете спросить еще пару бутылок, — сказал Сварог. — Вы знаете все, что знаем мы...

Оживившись, принц взмахнул большущим серебряным колокольчиком, похоже, старинным. Мгновенно появившийся лакей быстренько принес поднос с парой бутылок и сообщил:

— Господа гости начали понемногу просыпаться. Опохмелиться подано в обычном количестве.

Когда он вышел, Сварог с любопытством спросил:

— Куда вы их девааете?

— А, это все слуги, — махнул рукой принц. — На втором этаже есть зал, они туда всех и сносят, когда свалятся под стол. Давненько уж дело налажено... Значит, вот так, лорд Сварог. Мало нам было напастей, так еще и веральфы ваши объявились...

— Вы мне верите, что именно так и обстоит? — спросил Сварог, опрокинув наконец свою чарку (его примеру с готовностью последовала Канилла, правда, отпила с четверть).

— С чего бы мне вам не верить? — пробасил принц. — Вы человек ответственный, за миражами никогда не гонялись и по пустякам не паниковали. Если вы говорите, значит, все так и обстоит. — Он взглянул на Каниллу с некоторым скепсисом. — Вот только, если что, простите на худом слове... Неужели не нашлось в напарники никого постарше и поопытнее леди Каниллы? Я уж откровенно, что думаю...

— Годы тут ни при чем, — спокойно сказал Сварог. — Набери я к себе в помощники десяток седых ветеранов, ситуацию это не изменит. А л е й т е н а н т Дегро, несмотря на молодость, не один раз себя прекрасно показала в серьезных делах. Неужели, ваше высочество, вы вообще не читаете секретных отчетов? В конце концов, вам по положению следует получать...

— Да читаю... Иные, правда, мельком, а иные и подробно. Ну, я и сам знаю, на что она способна. Просто... непривычно как-то, что важнейшими делами занимаются такие молодые. Ну, я понимаю, времена меняются. Да и вы к себе не возьмете помощницей девчонку только оттого, что у нее попка красивая. — Он заметно сконфузился. — Одичали мы тут, в глуши, политес подрастеряли. Простите великодушно, леди Канилла, старого болтуна...

Канилла ангельски ему улыбнулась:

— Не нужно извинений, ваше высочество. Это скорее комплимент. Что поделать, если попка у меня в самом деле красивая? — И сменила тон на деловитый. — В самом деле, у вас есть какие-то соображения?

— Будем думать... — сказал принц и, осушив полнехонькую чарку келимаса, упер локти в стол, опустил на руки голову, запустив все десять пальцев в раскосмаченную шевелюру, и сидел молча с сосредоточено-сердитым лицом, время от времени яростно чеша голову всеми десятью пальцами. Должно быть, это помогало мыслительному процессу — у многих есть методы, у каждого свои...

Сварог с Каниллой напряженно смотрели, как на лице принца сменяются разнообразные чувства, среди которых не было ни уныния, ни безнадежности. Длилось это несколько минут. Наконец принц поднял голову, широко и недобро ухмыляясь, рявкнул:

— А что тут думать! Действовать надо! Старый охотник что-то да придумает быстренько! Тем более что речь о чем-то вроде охоты идет. Значит, так... Места у нас глухие, но отнюдь не малолюдные. Если взять радиусом два-три часа скачки галопом — в окружности два с лишним десятка деревень, и не маленьких. Во всех я полторы сотни лет посаженным отцом на свадьбах был, восприемником у новорожденных, а уж сколько погуляно на всевозможных пирушках — и не упоминать. Здешний народ за мной в огонь и в воду пойдет. Я вам уже к вечеру соберу человек двести, а за сутки

могу и пятьсот, а то и побольше. Парочка виман у нас есть, остальные, сколько понадобится, вы пришлете, вам ничего не стоит. Вы с Канцлером под благовидным предлогом собираете внеочередное заседание Алмазной Палаты — такое порой случается, никто ничего не заподозрит. Охрана будет обычная, невеликая числом, и подчиняется она Канцлеру, так что он им попросту прикажет ни во что не вмешиваться. Объявляюсь я со своими сорвиголовами и аккуратненько их в зале окружаю. Меч — и для лара штука смертельная. А дальше просто: вы быстренько определяете, кто веральф, кто нет, и веральфов мы... — он махнул рукой над столом, словно рубил кого-то. — Или нет, это я погорячился. Мои ребятки их аккуратненько вяжут, а вы начинаете допрашивать. Одним махом срубим г о л о в к у. То же самое, что я однажды проделал с Канцлером... ну, вы знаете. На сей раз размах будет побольше, но большой разницы нет. Как вам идея?

— Идея толковая, весьма неплохая, — медленно произнес Сварог. — В самом деле, одним махом срубили бы змею голову...

Заманчивая была идея. Алмазная Палата — собрание всей гражданской и военной верхушки. Действительно, можно одним махом срубить головку. Однако...

— К сожалению, есть один-единственный, но крайне существенный изъян, ваше высочество, — сказал он. — Я не могу исключать, что веральфы друг с другом как-то с в я з а н ы. На земле такое умение в свое время встречалось у пары-тройки чернокнижных ковеннов. Поэтому их и оказалось труднее выявить и разгромить, чем остальных — о том, что происходило с одним, моментально узнавали все остальные. По некоторым наблюдениям во время моих «волчьих снов» — что-то такое есть. И если остальные узнают тут же... Непредсказуемые грозят последствия. Достаточно, чтобы веральфом оказался кто-то из командиров гвардейских полков, а то и эскадрилий боевых корветов. У меня не было времени... да и предлога связаться со всеми поголовно и

точно выяснить, кто есть кто. Достаточно, если веральфом окажется командир одного-единственного полка. Поднимет его по тревоге и объявит что-нибудь вроде: мы с вами и Канцлер — заговорщики, замыслившие... ну, скажем, свергнуть Яну и возвести на трон вас. Полк тут же выступит. Все остальные могут быть обычными людьми — но приказ они выполнят, не увидев в нем ничего необычного. Примерно так и случилось во время Агоры — командир поднял полк, он оказался единственным заговорщиком, но он был командир... Хорошо. Предположим, мы подготовим свой полк и свои эскадрильи — когда я проверю командиров и совершенно точно буду знать, что они — люди. Но и в этом случае неизбежна кровавая заварушка с неизвестным исходом. А если они контролируют не один полк, а несколько? И хотя бы одну эскадрилью? Никак не годится.

— А ничего другого в голову не приходит, — грустно признался принц. — Но тут ничего не попишешь, вы правы — черт их знает, как там с ними обстоит... Что же, идею побоку?

— Нет, — сказал Сварог. — Вполне возможно, ее придется пустить в ход — чуточку видоизменив... Все же толковая идея, ц е л и к о м ее отметить никак не следует...

— Меня вот что беспокоит в первую очередь... — признался принц хмуро. — Что, в самом деле Янку это накрыло?

— Вряд ли полностью, мне кажется, — сказал Сварог. — Иначе она давно бы что-нибудь предприняла, чтобы обезопасить веральфов. Но я бы допускал, что н е ч т о уже включилось. Начала, фигурально выражаясь, отравка растекаться по жилочкам. Кое-какие мои за ней наблюдения очень мне не нравятся... Давайте уж сразу предполагать самое худшее — что в некий урочный час Волчье Клеймо себя проявит во всей гнусности. Вот это-то нам и нужно незамедлительно обсудить. У меня есть сильные подозрения, что клеймо ей могли поставить только во время той сильванской

истории. Учítывая, что всем там заправлял веральф-Аристократ... Впоследствии она была под защитой магов Мистериора, они непременно заметили бы что-то неладное. Ну, а потом она полностью приняла Древний Ветер. И не хочется вспоминать, а придется. Вы ведь помните, что Нергал там с ней вытворял? Во время одного из... э п и з о д о в как раз и могло в нее проникнуть Клеймо, как отрава проникает в организм...

— Резонно, — поморщился принц. — Вот только кое-что тут не вяжется. Если они держат какую-то магическую связь друг с другом, почему не дернул сь, когда я Наргела... ну, когда его каталаунский тигр сожрал?

Сварог почти не раздумывал:

— Может, потому и не дернулись, что мы на них не вышли? Никто тогда не подозревал, что есть веральфы. Наргела... тигр сожрал как заговорщика, и не более того. Вот они и смирились с потерей фигуры, как опытный игрок в шакра-чатурандж. Наргел был фигурой, не более того, никак не ферзем и уж тем более не королем. В конце концов Аристократов не так уж мало... Вот в этой связи я бы и хотел с вами поговорить о той сильванской истории. Помнится, вы тогда к Яне привезли двух здешних старичков, которые умели «руками вытягивать умственную боль» и еще как-то лечить. Где они сейчас? Великолпно будет, окажись они живы. Если живы, мне нужно их незамедлительно найти и поговорить. Замаячил один интересный следочек, его в первую очередь следует проверить...

— А это быстренько сделать можно, — сказал принц, энергично потянувшись за бутылкой. Сварог ему не препятствовал. — Один из них умер, а второй почти с тех самых пор у меня во дворце обитает. Тут интересная история получилась. Недели через две после того, как они закончили лечить и вернулись в Каталаун, один, Тилберт, примчался ко мне в Роменталь в расстроенных чувствах. И заявил, что второго, котера* Финиаса, убили.

---

* Котер — вежливое обращение, то же самое, что жамый в остальном мире.

То есть все выглядит типичнейшим несчастным случаем — волки напали в лесу и загрызли, для Каталуна дело обычное, волков у нас до сих пор тьма. Он, Тилберт, хотя и не может ничего объяснить человеческими словами, твердо убежден — Финиаса убили, он это чувствует, и обстоятельства какие-то необычные, хоть он и сам не понимает, какие. И чувствует, что теперь охотятся за ним, те же самые. Они совсем близко. Просил спрятать, если я в силах. Ну, что тут было думать? Хороший человек, свой, надежный, полезный... У меня, сами знаете, есть в канцелярии полдюжины сыщиков, от бездельядохнут, чтобы совсем хватку не потеряли, приходится поручать всякую пустяковину, с которой любой королевский егерь или стражник справился бы. Я их на это дело и бросил, я ж Тилберта давно знаю — у м е л е ц хороший и по пустякам паниковать не будет. Мои орлы все обделали в лучшем виде. В первую же грозовую ночь — а они тут часто случаются, сутки ждать и пришлось — запалили домишко Тилберта с четырех концов — он, как многие такие умельцы, не в деревне обитал, а чуточку на отшибе. А перед тем подкинули туда ничейный труп из божедомки — таких у нас гораздо меньше, чем в городах, но не так уж редко попадают. Все было обставлено в лучшем виде: сгорел домишко от молнии, вот пожарище, а вот и косточки обгорелые.

А Тилберту я дал н о в о е лицо, постоянное, устроил в Роментале на непыльную должностишку... С тех пор так здесь и обитает. Не знаю, кто его искал, но ведь так и не нашли — кое-что придумал, чтобы со следа сбить любую погоню. Позвать?

— Тотчас же, — сказал Сварог.

Через несколько минут появился котер Тилберт, державшийся и с принцем, и с незнакомыми ему мужчиной и девушкой, как истый каталаунец — почтительно, но без тени подобострастия. Невысокий седенький старичок с тем о с о б ы м взглядом, что Сварог уже не раз наблюдал у таких вот людей обоего пола, в Каталауне — мнимо кроткий, но словно бы проникающий глубоко в душу.

— Садитесь, котер, — сказал принц, делая широкий жест. — Келимаса не предлагаю, вы ж в рот не берете... Господин этот хочет с вами поговорить кое о чем. И при нем, и при девушке можете говорить так же откровенно, как со мной. Это...

— Король Сварог, — с легким поклоном сказал усевшийся за стол старичок. — Тут нет никакого умения, ваше величество, я вас видел по телевизору еще лет несколько назад, у нас в Роментале хватает телевизоров...

— Ну, тогда давайте сразу к делу, — сказал Сварог нетерпеливо. — Речь пойдет о той давней сильванской... истории, после которой вы с напарником л е ч и л и императрицу.

— И вылечили, смею думать...

— Не сомневаюсь, — сказал Сварог. — Однако есть одна подробность... У меня появились основания подозревать, что в ней до сих пор с и д и т ч т о-т о... Как бы получше объяснить... Нечто вроде опухоли, но не обычная опухоль в людском понимании этого слова... Может быть, вы поняли, о чем я?

— Понял, ваше величество, ничего мудреного. Не знаю, как это зовется в других местах, а у нас именуется Черный Паучок — ну, не обычный паучок, понятно, не из плоти, а как бы выразиться...

— Я понял, — прервал его Сварог, постаравшись это сделать как можно вежливее. — Что вы об этом можете сказать?

От него не укрылось, что старичок был удивлен:

— Ваше величество, вы хотите сказать, что он до сих пор в ней с и д и т?

— Похоже на то, — сказал Сварог.

— Так сложилось, что я с тех пор императрицу видел дважды, только издали, мельком, не было случая... да и поручения к ней подойти близко и п о с м о т р е т ь... Странные дела. Ну да, когда мы с Финиасом ее лечили, я Черного Паучка явственно, можно так сказать, узрел. Сами мы его уничтожить не могли, нет у нас такого умения, но мы, когда закончили свое, сразу сказали го-

сподину лейб-медику об этой дряни. Новому, только что назначенному, как его высочество мне тогда объяснил. Сказали еще: если возникнет такая надобность, то по-ищем умельца. Он словно бы ничуть не удивился и расспрашивать нас более не стал. Сказал: подобная мерзость ему прекрасно известна, и у него есть люди, умеющие быстро с ней разделаться. Так что нам этим озабочиваться нет нужды. Душевно поблагодарил за труды, золота на прощание пожаловал. Мы взяли, не чинясь — он сам предложил. Некоторым нельзя брать плату за труды, а нам вот можно. Главное, самим просить нельзя. Если человек по доброй воле отблагодарит, тогда можно...

— Так... — сказал Сварог, чувствуя знакомый н а х л ы в охотничьего азарта. — Из ваших слов можно сделать вывод, что люди, умеющие истреблять этого клятого паучка, в Каталауне е с т ь?

— Очень мало осталось, но есть. Сам я их не знаю, но поискать можно, коли велите...

— Велю, — сказал Сварог. — Можете приступить немедленно? Отлично. Я уверен, его высочество вам даст людей и коней...

— Сколько угодно, — кивнул принц Элвар... Хотя всех, что в замке есть, а если не хватит, по ближайшим селам быстренько конных соберу...

Едва за стариком закрылась дверь, принц глянул на Сварога с радостно-свирепым выражением лица:

— Все сходится, ваше величество, а?

— Несомненно, — произнес Сварог сквозь зубы. — Все совпадает. Похоже, я правильно догадался и след взял нужный. — Он поднял руку, увидев энергичный жест принца. — З д е с ь мне помощь не нужна, ваше высочество. Если он человек, я этого сукина кота быстренько возьму в оборот. А если веральф... ну что же, я просто-напросто ничего не стану предпринимать. Все равно он, смею думать, никакой роли в событиях уже не играет. Он свое дело сделал т о г д а еще. Промолчал. Никому ничего не сказал. Безусловно, не по нерадению и не по лени.

— И подумать только, — убитым голосом сказал принц. — Я ж его сам рекомендовал на место прежнего прохвоста...

— Ну, не корите себя, — сказал Сварог. — Откуда вам тогда было знать? Никто до недавнего времени ничего не подозревал...

— Летите в Империю?

— Чуть погодя, — сказал Сварог. — У меня здесь еще одно важное дело, совсем нетрудное...

На обратном пути они с Каниллой никого из собутыльников принца не встретили — но на втором этаже слышали совсем недалеко разудалое пение в несколько глоток: надо полагать, пришедших в себя гуляк дворецкий привычно и прилежно опохмелял. В вестибюле им навстречу нетерпеливо поднялся Гаржак, а вслед за ним встал со стула с вычурной спинкой отысканный в ближайшей деревне древознатец — это никакого труда не составило, они в любой деревушке есть. Снял кожаную кантану, обнажив обширную блестящую плешь, поклонился, как все здесь — с достоинством, ничуть не льстиво.

— На коней, господа мои, — нетерпеливо распорядился Сварог, первым направляясь к выходу — лакей в ливрее цветов принца уже распахнул перед ним высокую резную дверь.

Ехали недолго, минут пять. Сварог остановил коня на длинной неширокой прогалине, как нельзя лучше подходившей для задуманного — виману здесь можно посадить без труда, деревьев вокруг достаточно. Если не сладится, поищем другое место, леса здесь необозримые...

— Ну, Кани, тебе и вожжи в руки, — сказал он все так же нетерпеливо. — Осмотрись быстренько... если это можно сделать быстренько.

— Можно, — заверила Канилла, спрыгнула с седла и отдала поводья Гаржаку.

Отошла не так уж далеко и двинулась вдоль окружающих прогалину деревьев какой-то новой, незнакомой прежде, иной походкой — шагала невероятно плавно,

с невероятной грацией, словно перемещалось облако дыма, принявшее вид человеческой фигуры. Внезапно резко остановилась, словно раздались слышимые только ей команды или призыв. Встала в трех шагах от могучего раскидистого дуба с густой кроной и выступавшими из земли узловатыми темными корнями. На первый взгляд, годочков ему было под сотню — для дубов это сущая юность.

Решительно подойдя к нему, Канилла прижалась к покрытому толстой корой стволу спиной, затылком, всем телом, обхватила дерево руками, прикрыла глаза, замерла.

— Смотри-ка, — пробормотал под нос пожилой древозналец. — Соплюшка-соплюшкой, а дело знает...

Продолжалось это с минуту, не больше. Гаржак тарачился на подругу обожающе-восхищенно. Столь же внезапно Канилла открыла глаза, одним движением выпрямилась, убрала руки. Подошла к всадникам и спокойно сказала:

— Это оно. З л о е дерево.

— Ну, ваша очередь, котер, — кивнул Сварог.

Древозналец, чуть покряхтывая, слез с коня, направился к дубу и в точности повторил то, что только что проделала Канилла. Тоже не позже чем через минуту подошел к Сварогу и сказал, глядя на него снизу вверх грустными умными глазами, какие часто встречаются у людей з н а ю щ и х:

— Кругом права девчонка, ваше величество. Плохое дерево. Лучше его не трогать. С тем, кто его срубит или спилит, непременно беда приключится...

Сварог с неподдельным любопытством спросил:

— А что будет с тем, кто его просто извлечет из земли, не повредив и крохотного корешочка?

Древозналец наморщил лоб в явной растерянности:

— Не знаю, что и сказать, ваше величество... В жизни о таком не слышал — чтобы кто-то извлекал этакий дуб из земли, не повредив ни корешочка... Всегда речь шла о том, чтобы не рубить и не пилить...

Сварог усмехнулся:

— Ну что ж, это внушает некоторые надежды...

Минут через сорок он, оказавшись над одним из полигонов Марлока, приказал идти на снижение, и вимана стала медленно опускаться — а уардах в пяти под ее днищем опускался дуб, растопырив корни, похожий чем-то на неведомого осьминога, висевший в воздухе словно бы сам по себе. Задача оказалась простая, проще и некуда — Сварог вызвал пребывавшую в готовности спецгруппу, его ребята, предварительно подхватив дуб пониже кроны силовым полем, старательно обработали землю вокруг излучателями, уничтожавшими все неживое, не повредив, как Сварог и говорил древознатцу, ни единого крохотного корешочка. Располагая нужными технологиями, не сложнее, чем человеку поработать топором.

Полигон представлял собой прямоугольник светло-серого цвета размером с футбольное поле. В одном его конце стояли три одноэтажных длинных строения нежилородного вида. Марлок и еще трое, в одинаковых серых комбинезонах с эмблемой Техниона на груди, стояли, задрав головы, уардах в десяти от того места, куда опускался дуб, а следом за ним — вимана. Первым светло-серой поверхности достиг, естественно, дуб, медленно завалился набок, смяв наполовину крону и корни. Следом, совсем рядом, приземлилась вимана. Сварог вышел первым и энергично направился к неторопливо шагавшему навстречу Марлоку, невозмутимо попрыгивавшему неизменной трубкой.

— Ну, и чем порадуете? — чуть сварливо спросил Марлок, вынув трубку изо рта. — Это и есть ваш феномен?

— Крепенько подозреваю, — ответил Сварог.

— И что с ним прикажете делать?

— Не знаю, — сказал Сварог. — Вам виднее. В общем, есть все основания думать: это не дерево, а что-то д р у г о е. Что именно, и попробуйте установить. Пустите в ход всю аппаратуру, которой располагаете. Ищите... то, не знаю что. Я уверен только в том, что оно е с т ь. Остальное — ваша задача.

— Не соскучишься с вами, лорд Сварог, — проворчал Марлок. — Никак не соскучишься. Искать то, не знаю что в самом обычном на вид дереве... А завтра вы, чего доброго, силванского моржа притащите — проверить на предмет, не есть ли он замаскированная русалка...

Сварог пропустил мимо ушей и сварливый тон, и ворчание, не придав этому ни малейшего значения. Давно усвоил, что и то и другое — неизбежный ритуал. Глаза профессора горели молодым ярким огнем заядлого экспериментатора, рьяно подступавшего к любой загадке со всей мощью Техниона. Все будет в порядке.

Он поторопился сказать:

— Профессор, вы только соблюдайте предельную осторожность. Совершенно не представляю, что от этого... милого деревца ждать.

— Как гласит земная крестьянская поговорка — не тебе, сынок, папаню учить, как девок на танцульках мять... — откликнулся Марлок уже чуточку отрешенно, все внимание переключивший на лежавший смиренхонько, как приличному дереву и положено, раскидистый дуб. — Давно методика отработана, будем на изрядном расстоянии от полигона, вся аппаратура управляется дистанционно...

...Когда Сварог вошел в обширную комнату со сводчатым потолком, уставленную и заваленную всевозможными хитрыми приспособлениями и инвентарем, способным окончательно лишить пессимиста веры в человечество, троица старых знакомых, гланских доверенных палачей, почтительно встала, кланяясь: верзила Одноглазый, щеголявший лишь в кожаном фартуке, мрачный усатый мужик злодейского вида и молодой белобрысый парень со смышленным лицом. Вспомнив как-то читанную в детстве книгу и добавив кое-что от себя, Сварог их прозвал Потрошило, Потрошитель и Потрошонок. О чем им, разумеется, сообщать не стал — они этой книги не читали и не прочтут, так что юмор в должной степени не оценят. Спросил только, кивнув на Потрошонка:

— Ну как, клещи и гвозди больше не путает?

— Давно уж освоился в ремесле, государь, — пробасил Потрошило. — Сделал я из лоботряса человека, как и обещал его покойной матушке, сестрице моей...

— Как живете? — спросил Сварог. — Без дела не сидите?

— Безделья в нашем ремесле не бывает, — солидно ответил Потрошило. — Вот только хочу пожалиться: все не то. П о с е т и т е л ь идет косяком насквозь неинтересный — шпионы, контрабандисты, заговорщики мелкие. До того с ними скучно, вы б знали... Вот как вы, ваше величество, работенку привезете, всегда интереснее, аж спасу нет... — почесал в затылке и спросил с нескрываемой надеждой: — Может, и сейчас кого любопытного приперли? Вы только прикажите, а уж мы всегда исполнительные, сами успели убедиться...

— Угадали, — сказал Сварог. — Очень интересного человечка я привез — к кому везти, как не к вам. Вы в своем деле мастера, и однажды я вам похожего уже привозил, так что наставления будут недолгими, что вас учить...

Он и в самом деле говорил не более минуты. Собираясь уже выйти, но Потрошило вдруг спросил с живым интересом:

— Ваше величество, а поинтересоваться можно? Что нынче поделявает та обалденная красotka? Через которую вы муженька д о с т а в а л и?

Сварог усмехнулся:

— Что, зацепила?

Как многие люди, жестокие либо по складу характера, либо в силу профессии, Потрошило был сентиментален. И все свободное время не только в кабаке кафтан просиживал, но и читал запоем земные дамские романы — с роковыми страстями, пылкой любовью и прочими красотами. Была такая слабость у человека, вполне простительная.

Сварог видел с того места, где стоял: на ящике с какими-то жуткими приспособлениями лежала расстрепанная книга с захватанной грязными пальцами

обложкой. Очередной творческий изыск трех студентов Ремидениума, за небольшие деньги, но довольно мастерски писавших такие романы за пару недель под женским псевдонимом. Все были довольны — и творцы, и издатели, и читательницы. Иные романы имели успех и в Империи, главным образом у мечтательных девиц, но парочку, в том числе и этот, Сварог видел у Яны, однажды от нечего делать пролистал и сам. Очередная душещипательная история: выросшая в бедной приемной семье сиротка оказалась наследницей герцогского титула, замка и земель — на которые наложил лапу главный злодей, сводный братец. После череды приключений, преодолев все козни недруга, счастливо избежав многочисленных покушений на ее добродетель, сиротинушка стала-таки законной герцогиней, наследницей всего движимого и недвижимого — с помощью бедного, но благородного и отважного дворянина, отставного гвардейского лейтенанта, с которым у нее, конечно же, завязалась большая и чистая любовь (не без изящно описанных эротических сцен, лишенных пошлости).

Потрошило сказал словно бы не своим обычным голосом:

— Да ведь неопикуемой красы была женщина, государь, как вспомнишь — душа замирает, — он словно бы спохватился и договорил прежним тоном: — Вся такая из себя была очаровашка, что зубы сводило, так вдуть хотелось... Не знаете ли, что с ней теперь?

— Она погибла, — сухо сказал Сварог и вышел, старательно отгоняя не самые приятные воспоминания.

В сводчатом коридоре меж двух хмурых стражников помещался посетитель, не столь уж и пожилой субъект в обычном наряде ларов, разве что подчеркнуто строгим — так уж исстари повелось, что медики, вообще врачи соблюдали в одежде умеренность и некую старомодность. Эмблема почтенной профессии на груди — массивная золотая цепь с медальоном, на котором выгравированы змея и чаша. Очки в тонкой

золотой оправе — такие в Империи любят носить иные книжники, вообще гуманитарии. Стекла, конечно, из простого хрустала, без единой диоптрии — зрение у любого лара стопроцентное, просто так уж заведено, в том числе и у земных книжников заведено: далеко не все близорукие и дальнзоркие, в услугах оптиков не нуждаются вовсе. Темная шевелюра с красивой проседью на висках — правда изрядно подрастрепавшаяся после полета. Обаятелен, вальяжен, красив и предстателен — б ы л. Лейб-медик Яны, после сильванских событий сменивший своего предшественника, оказавшегося заговорщиком. Лорд Кротер, барон Черати. Сука гладкая.

Руки связаны за спиной, а во рту торчит кляп — ремесленного серийного производства, какие использует полиция. Ни малейшей надобности в этом не было — просто следовало с самого начала обращаться со схваченным как можно более скверно и бесцеремонно. Эскулап — между прочим цельный профессор — таратился на Сварога зло и ошеломленно, как и следовало ожидать от благородного лара. К тому же камергеру и профессору, которого сграбастали прямо в Келл Инире, в дальнем заходном крыле, накинули на голову мешок, забив предварительно кляп, потом связали руки довольно туго и повезли неизвестно куда, так что, когда мешок сдернули, он обнаружил себя в сводчатом коридоре, скупо освещенном факелами. И не мог не понимать, что очутился на земле, не в самом цивилизованном уголке Талара.

Чуть полюбовавшись полыхавшей на лице лейб-медика немой яростью (от которой, как и от прочих гордых чувств, ему предстояло вскоре избавиться), Сварог подошел почти вплотную и сказал спокойно:

— Представляться не буду, мы давно знакомы... Вношу ясность с ходу: вы арестованы по обвинению в нарушении сразу двух статей Карного кодекса: «Государственная измена» и «Злоумышление против монарха». То, что я вас допрашиваю именно здесь, быть может, и

не совсем законно, но вы вправе подать на меня жалобу прокурору Короны... если только когда-нибудь с ним увидите, чего может и не случиться. Веревки сейчас снимут, кляп вынут, однако предупреждаю, если вы начнете орать какую-нибудь жуткую банальщину вроде «Как вы посмели?!», «По какому праву?!», «Вы ответите!» или прочие дурные штампованные красоты, запросто можете получить по физиономии от одного из этих славных ребят. У меня тут попросту, без чинов и церемоний. Кстати, вы в Глане, если еще этого не поняли. Имперский наместник здесь, конечно же, есть, но добраться до него вам будет трудновато... Все уяснили?

Он мигнул стражникам, и те сноровисто освободили профессора от веревки и кляпа. Эскулап постоял немного беззвучно, как выброшенная на берег рыба, открывая и закрывая рот — конечно, мышцы затекли с непривычки, — потряс затекшими руками, подумал и крикнул:

— Покажите указ об аресте с печатью прокурора!

Сварог пожал плечами:

— Ну, в общем, ничего из того, что я только что процитировал, но все же — банальщина. Вы мне еще Эдикт о вольностях цитировать начните абзацами... Ладно, некогда мне с вами язык чесать...

Еще один скупой жест — и стражники, выкрутив профессору руки и заставив его согнуться пополам, головой вперед забросили в пыточную, где его сноровисто подхватил Потрошило и удержал на ногах.

Сварог вошел следом, аккуратно прикрыв за собой тяжелую дверь с полукруглым верхом. Присел на ящик рядом с пухлым растрепанным романом, закурил и без малейшего сочувствия или жалости — с чего бы вдруг? — смотрел на представление, в котором троица прилежно играла давно знакомые назубок роли.

Потрошитель и Потрошонок крепко ухватили профессора за руки, а Потрошило, сняв с него золотую цепь, взвесил ее на широкой ладони и сказал где-то даже растроганно:

— Лопни мои потроха, тяжеленькая цацка! Уж Его Небесное Великолепие на хилой груди медяшку таскать не станет, так что натуральное рыжевье. Малой, прибережи в ящик, и не зыркайте вы так тоскливо, оба, когда это я с вами честно не делился? — потом сдернул у профессора с носа очки и ловко выдал большим пальцем хрустальные линзы, протянул то и другое Потрошонку. — Тебе, ученая морда, они все равно без надобности, зенки у тебя такие, что со ста уардов мандавошку разглядишь и лапки у ей считаешь. А нам пригодится. Весу не особенно много — ну так, если складывать круcej к круcej, незаметно и златник наберется... Стеклушки, малой, кинь в поганое ведро, а рыжевье припрячь заботливо. Ну, вякни чего-нибудь, лекарь, из-под паршивого моста аптекарь!

Профессор молчал, как отметил Сварог, проникаясь некоторым осознанием своего незавидного положения. Правда, наморщил тонкий аристократический нос — полными ноздрями нанюхался здешнего специфического запаха, густого и неотвязного. Как ни старались служители, раз в день старательно прибиравшие кровь, дерьмо и блевотину, в щели меж плит пола, в тесные булыжники стен и потолка все же въелся этот запах тоскливой безнадежности. Сам Сварог к нему давно притерпелся — короли и главы спецслужб как раз и должны стойчески мириться со всевозможными дурными запахами...

Привычно моргнул Потрошиле — что означало команду на переход от словес к активному следствию. Потрошило, не особенно и замахиваясь, двинул профессору в глаз, профессор полетел спиной вперед, но его поймал за ворот Потрошитель и столь же отточенным ударом направил к Потрошиле. Профессор повторил этот рейс еще два раза, туда и обратно. Били, конечно, легонько, чтобы ошеломить и унизить человека, которого в жизни не били.

Уцапав лейб-медика за широкий бархатный воротник кафтана (и до половины его оторвав при этом), Потрошило повел эскулапа вдоль стены, приговаривая с интонациями опытного экскурсовода в своей фирменной грозно-задушевной манере:

— Ты позырь, позырь, раньше такого не видел ведь? Вот эти гвоздочки под ногти забивают, а эти — в жопу. Эти вот тисочки для пальцев, эти вот для яиц. А что этой загогулиной делают, я тебе не расскажу, все равно не поверишь, пока на себе не испытаешь, так что на свинячий визг изойдешь. Но перед всем перед этим я тебя отдам этому вот усатому дядьке, а у дядьки есть маленькая слабость — не питает он ни малейшей склонности к женскому полу, а вот к мужским задницам, наоборот, питает большой интерес. Поставит тебя рачком и загонит со всем усердием. Так что быть тебе потом в тюрьге гулящей девкой — ежели ты, конечно, до тюрьги доживешь.

Уже с неприкрытым испугом профессор покосился на мрачного усача Потрошителя. Тот подыгрывал мастерски: широко ухмылялся, почесывая пятерней тартан пониже массивной медной пряжки пояса. Это тоже, конечно, был чистейшей воды блеф: маленькой слабостью Потрошителя было как раз неумеренное влечение к женскому полу, в патриархальном Глане с однополыми прелюбодеями и прелюбодейками до сих пор поступают так, что рассказать противно.

Отвесив профессору парочку оглушительных затрещин, Потрошило рывкнул ему в лицо:

— Ты понял, гунявый? Это у себя за тучками ты был персона, фу-ты ну-ты, ножки гнуты! А здесь — что прикажет светлый король, то с тобой со всем усердием и сделаем! Уяснил, тварь?

И усадил его на широкую низкую скамью. Говоря языком кулис, предстоял выход Сварога. Он подошел вразвалочку, поставил на скамью правую ногу в начищенном сапоге и заговорил веско, с расстановочкой:

— Я немного дополню этого милейшего человека, профессор. Все равно рано или поздно скажете все, что меня интересует. Только в таком виде будете, что возвращать вас в Империю негоже — что обо мне там подумают? Я же обязан репутацию блюсти... То, что от вас останется, выбросят в глуши, а там волки быстренько дело доделают. Знаете волчьи привычки?

Они и костей не оставляют. И никто ничего никогда не узнает. Из дворца мои ребята вас выдернули аккуратно, точнее, мешок на голову напялили вовремя. Если кто и увидел, подумал: снова кого-то арестовали, дело житейское. А для всего мира вы без вести пропадете на Сильване. Немало народу знает, что вы туда пару раз в месяц летаете, чтобы в укромном местечке охаживать герцогиню, нам обоим прекрасно известную по имени. Но особо не сплетничают, знают, что при вашем положении при дворце вы много пакостей можете устроить тем, кто ростом ниже. Опять же, давненько ползут слухи, что не кто иной, как ревнивый до невозможности муженек герцогини как раз и причастен к бесследному исчезновению на Сильване виконта Котарейна, вашего предшественника в роли сердечного друга герцогини. Мои люди запустят слухок, что и с вами так же произошло. Никто особенно и не удивится — рогатые ревнивцы на все способны, куча примеров... Такие дела, — он припомнил классику. — Ты понял меня, или ударить тебя?

Удовлетворенно отметил, что профессор если и не сломлен полностью, то уже в должной степени осознал: с ним и в самом деле могут сделать здесь что угодно, и ни одна собака не узнает. Пытаясь все же сохранить некоторое достоинство, он сказал:

— Объясните хоть, что вы хотите от меня узнать. Вы же ни словечком не обмолвились...

Как он, опытный придворный интриган, ни старался показать, что самообладания не утратил, голосок пару раз предательски дрогнул — дозревает клиент...

— Резонно, — кивнул Сварог. — Ну, что до конкретики... Меня интересует одно. То, что произошло с известной особой во время ее пребывания на Сильване. Имени особы не называть. Остальные имена, которые, несомненно, всплывут, называть не то что можно, а даже нужно. Итак... К вам пришли каталаунские старички и рассказали, что обнаружили у известной особы то, что они называли Черным Паучком — своего рода внутренняя

опухоль, но не материальной, а магической природы и, безусловно, таящей зло. Вы их заверили, что все в порядке, паучка этого уберут немедленно, и они отправились восвояси, ничуть не встревожившись — ну откуда они могли знать, что верить вам не следует? Вы и не подумали убрать паучка, верно?

— Безграмотные придумки земных невежд, — огрызнулся профессор. — Научное название подобного энергетического густка...

Сварог сграбастал его пятерней за физиономию и встряхнул:

— Плевать мне на научное название! У нас тут не ученый диспут. Значит, б ы л о? Ты и не подумал его убрать, так? По роже вижу, так и случилось... Ну, рассказывай.

У профессора явственно дрожали губы:

— Но где у меня гарантии...

— Отлично, — удовлетворенно сказал Сварог. — Это уже пошел деловой разговор... Даю честное слово: если испражнишься до глубины души, я тебя быстренько верну назад и полную тайну обеспечу. А честное слово я никогда не нарушал даже перед такими подонками, как ты. Других гарантий нет, не существует гарантийных бланков установленного образца, на бумаге с гербовой филигранью, подписями и печатями... Мое честное слово ты получил. Ну? Разговоры кончились, дальше будут только п р о ц е д у р ы, отнюдь не медицинские...

Благодаря большому опыту допросов он безошибочно улавливал момент, когда клиент поплывет. Именно это с профессором и происходило. Он повел взглядом в сторону мрачной троицы, стоявшей с видом превеликой готовности прилежно исполнить любой приказ — и ведь исполнят, можете не сомневаться.

— Может быть, вы уберете этих... этих... — видно, что он старательно подыскивал подходящее слово, чтобы и свое презрение выразить, и не оскорбить ненароком палачей, способных с ним проделать массу неприятных вещей.

Не похоже, что нашел. Так и сидел молча — и в глазах помаленьку появлялся долгожданный животный страх.

— Перебьешься, — сказал Сварог. — Они и так знают множество государственных тайн — должность такая, всякого слушаешься... Только молчание у них каменное. Ну?

И достал из поясного кошелья — как обычно, был в гланском наряде, богатом, королевском — маленькую видеокамеру в виде сиреновой полупрозрачной полусферы словно бы из дымчатого стекла, с выпуклыми золотыми загогулинами. Коснулся нужной и приложил камеру к камню стены над головой у профессора, где она надежно и прилипла.

И профессор заговорил — поначалу пробовал хитрить и вилять, но, получив от Сварога пару зуботычин, молвил складно и откровенно.

Да, к нему пришли каталаунские колдунцы. Вот только разговор с ними состоялся в присутствии министра двора, бесменно пребывающего в этой должности лет восемьдесят. Благодаря занимаемому посту человек влиятельный. Герцог Даутворт. Веральф-Аристократ, если кому интересно...

И, некоторым образом, неофициальный начальник лейб-медика — в ту пору еще не лейб-медика, не камергера, не профессора, в ту пору еще третьего помощника тогдашнего лейб-медика, полного честлюбивых надежд и амбиций. Карьеры ради он и вступил полгода назад в потаенно существующую Лигу Катарейника — форменное тайное общество из разряда «благородных».

Подобных обществ испокон веку было множество и в Империи, и на земле. Заговоров они не устраивали, монархов свергать или убивать никогда не собирались. Объединялись ради шкурного интереса — действуя сплоченной когортой, проталкивали своих членов по служебной или военной лестнице, а те, кто поднялся выше, в свою очередь, тащили следом нижестоящих. Отчего получали много сладких пряников.

Члену такой стаи выйти в люди гораздо проще и легче, нежели карьеристу-одиночке — разумеется, если он играет по правилам и старательно соблюдает неписанный устав сообщества.

Именно потому, что такие сообщества, по большому счету, никоим образом не угрожали ни престолу, ни сидевшей на нем конкретной личности, к ним издавна относились как к чему-то житейскому и не преследовали совершенно. Правда, тайная полиция всегда и всюду за ними присматривала — и чтобы король лучше знал, что таится за теми или иными придворными интригами, и потому, что порой «благородные» общества все же пересекались с заговорщиками всех мастей. У Сварога таковых в Латеранском дворце имелось целых два, правда, с некоторых пор, после его восшествия на престол, откровенно прозябавших — ближайших соратников он тщательно подбирал себе сам, и никакие дворцовые интриги на это не способны были повлиять. У него как главы восьмого департамента была в Лиге Катарейника агентура, доставшаяся в наследство от Гаудина. Однако об истории с Черным Паучком он не знал ничего — то ли министр двора сохранил все в тайне от сокомпанейцев-людей, то ли информатор сам был веральфом.

Одним словом, после ухода лесных старичков меж министром двора и эскулапом состоялся недолгий разговор. Министр двора запретил будущему профессору этим заниматься и предлог отыскал довольно убедительный — сказал, что сам возьмет все под контроль, сам пригласит магов из Мистериора, благодаря чему и станет в глазах узкого круга посвященных с Канцлером во главе единственным избавителем императрицы от черной *з а н о з ы*. Что, понятное дело, принесет ему всевозможные блага — а вот медику на такую роль выдвигаться пока что рано. Впрочем, он свою толику благ получит — если всю оставшуюся жизнь будет держать язык за зубами.

Профессор, несколько подпустив слез и соплей, клялся и божился всем для него святым на свете, что об истинной подоплеке дела, о том, что Черный Паучок о с т а л с я, он не подозревал. Сам он не умел определять присутствие таких вот клейм, всего лишь знал, кто в Мистериоре способен их убирать. Вполне возможно, он не врал — никакой защиты, не позволявшей бы Сварогу отличать правду ото лжи, у него не имелось. Как бы там ни было, Черный Паучок, несомненно, у Яны остался, дремал, сволочь, в ожидании своего часа. А герцог не обманул — эскулап моментально стал лейб-медиком (благо прежний был арестован среди прочих заговорщиков), очень быстро, обогнав многих, стартовавших одновременно с ним, получил чин камергера и звание профессора. Жизнь удалась, он думать забыл о той истории, тем более что поведение Яны у него никаких подозрений не вызывало...

Что же, Сварог не просто уложил кое-какие кусочки в головоломку — появилась серьезная подстраховка. Можно было, не дожидаясь, пока в Каталауне отыщут нужного человека, незамедлительно лететь отсюда в Мистериор, коли уж и там были люди, способные убрать Волчье Клеймо. Не исключено, что и туда просочились веральфы — но Тигернах уж точно не веральф, Сварог с ним говорил и установил это совершенно точно. Бодрее и веселее себя чувствуешь, получив такую вот обнадеживающую информацию...

Когда стражники уволокли профессора (в должной мере запуганного и надежно перевербованного), Сварог взглянул на троицу палаческих дел мастеров. Потрошитель и Потрошонок, очень похоже, не в полной мере осознавали серьезность услышанного — а вот умудренный житейским опытом и ремеслом Потрошило выглядел откровенно грустным. Несомненно, он следовал поучениям премудрого царя Соломона, о котором в жизни не слышал и не услышит — вот именно, господа мои, во многом знании многие печали. Уж он-то прекрасно знал, что иные тайны убивают быстро, надежнее пули, яда или ножа в спину.

Не исключено, что он по совокупности всего услышанного уже догадался, кто скрывается под именем «известной особы», и должным образом оценил размах очередной тайны...

Сварог подошел вплотную и похлопал его по могучему плечу:

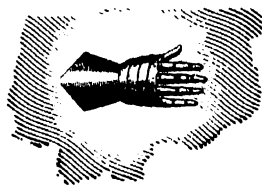
— Не грустите так, старина. Еще поживете долго и счастливо. Королевское слово. Ну, выше нос!

Потрошило явно был обрадован. Сварог наставительно добавил:

— Но чтобы эти двое...

— Не сумлевайтесь, ваше величество, — прогудел верзила. — Уяснили давно, что иной человек жив, пока молчит. Даже малой накрепко уяснил, я за них ручаюсь — могила...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Вы мне еще не раз понадобятся, куда ж я без вас...

В ПОИСКАХ КЛЮЧА

Как и следовало ожидать, Канцлер изо всех сил старался сохранить всегдашнюю невозмутимость индейского вождя или ратагайского шамана. Слушал Сварога с напускным бесстрашием, покуривая неразлучную трубочку, не задав ни единого вопроса — вот только, чем больше узнавал, тем чаще набивал эту самую трубочку, гораздо чаще обычного. Успевший неплохо его узнать Сварог видел, что Канцлера пр о н я л о всерьез, как любого бы на его месте. Уж Канцлер-то, умнейший и опытнейший государственный деятель Империи, в разъяснениях не нуждался и масштаб угрозы прекрасно понимал... В глотке немного пересохло, и Сварог, когда закончил, залпом осушил высокий стакан ежевичного сока, закурил и спросил:

— Ну, а т е п е р ь, когда вы знаете все, что знаю я, что скажете?

Без малейшего ехидства, без тени торжества спросил, исключительно по-деловому. Смысла не было торжествовать, он всего-навсего не в первый раз оказался прав. А ехидничать тем более глупо...

— Т е п е р ь признаю, что вы оказались правы, — сказал Канцлер. — И это вовсе не значит, что я ошибался.

Я просто-напросто не мог поверить, потому что у вас были только версии, предположения и соображения. Сейчас вы представили достаточно конкретики. Она меня убедила. Надеюсь, вы меня не упрекаете за то, что я держался именно так?

— Ничуть, — сказал Сварог. — При полном отсутствии конкретики я бы держался точно так же. Ну вот, вы все знаете. Я что-то упустил? Ах да... Пока что в деле есть одна-единственная официальная бумажка — акт токсикологической экспертизы. В Гайлате ничего не добились — от книжника и начальника полиции остались одни кости, а в них ничего не обнаружили. В Снольдере повезло больше. Условия в фамильной гробнице Касадаев таковы, что трупы мумифицируются. Органики для анализа хватило. Он не просто был отравлен — в организм попало сложное химическое соединение, которое могли получить только в Империи, на земле пока что не научились. Логично предположить, что и те двое погибли от яда. Вам эта бумага нужна?

— Нисколечко, — махнул рукой Канцлер. — Она пока что уликой быть не может, пусть дожидается, когда досье, очень надеюсь, пополнится. А что с лордом Кемденом? Когда всего через две недели после того разговора лейб-медика и министра двора на Сильване в результате несчастного случая на охоте гибнет единственный человек в Мистериоре, вообще в Империи, который мог уничтожать Черных Паучков... Совершенно не верится в несчастные случаи и совпадения...

— Мне тоже, — сказал Сварог. — Ситуация стандартная, уже встречавшаяся: вылетевшие туда полевые агенты установили, что произошел именно несчастный случай. Я тут же проверил того, что был тогда старшим группы, и того, кто их на Сильвану посылал. Оба веральфы. Но сидят на прежних местах — а что я могу с ними сделать?

— Вам не кажется, что они работают шаблонно? Несчастные случаи на охоте...

— Возможно, — сказал Сварог. — А может, все оттого, что «несчастный случай» на охоте — самое верное? На рыбной ловле подстроить «несчастный случай» гораздо труднее, да и во многих других обстоятельствах тоже. Не об этом надо думать...

— А о чем? — впился в него Канцлер взглядом. — Коли уж ни вы, ни я не способны равным счетом ничего сделать? Остается сидеть и бешено надеяться, что в Каталауне у м е л е ц все же есть, просто найти его — задача нелегкая. А если прикинуть что-то наспех... Собственно говоря, принц Элвар подбросил толковую идею. Ее технически возможно осуществить, даже не привлекая принца с его лесными удалцами. Я под благовидным предлогом собираю Алмазную Палату, хватаем всех веральфов... Для этого не понадобится никого ставить в ружье — достаточно и тех гвардейцев, что будут находиться в Келл Инире — как Яна и поступала тогда, с Агорой. Разумеется, вы предварительно проверили бы всех, чтобы не затесались веральфы. Но вот потом... Даже если ваша версия неверна и меж ними нет никакой загадочной связи наподобие телепатической... Г л а в н о й цели достигнуть все равно не удастся. Яна остается на воле. А если они, узнав о случившемся, пустят в ход Волчий Зов? — он тяжело вздохнул: — Мучительно думать, что Яна... Но приходится, нет никаких сомнений, что в ее отношении вы правы. И оттого нужно предполагать самое худшее. Сидим и ждем у моря погоды, ничего другого не остается...

— В таком случае я, с вашего позволения, улечу? — сказал Сварог. — Буду тупо торчать в Латеранском дворце и ждать вестей из Каталауна, ничего другого не остается...

— Да, пожалуй... — ответил Канцлер чуть рассеянно, уже, по-видимому, уйдя умом в неспешные и обстоятельные раздумья над всем, о чем только что узнал.

Сварог был на полпути к резной дубовой двери, когда за спиной раздалось курлыканье — кто-то вышел на связь. Он уже взялся за вычурную дверную ручку, когда Канцлер позвал:

— Вернитесь!

Сварог подошел к столу. Канцлер тронул один из рубчатых кругляшков, и экран крайнего компьютера повернуло так, чтобы и Сварог мог его видеть. Профессор Марлок выглядел ничуть не взволнованным, но громко хмыкал и крутил головой.

— Ага, и вы здесь, лорд Сварог, — сказал он удовлетворенно. — Это хорошо. Неплохой сюрпризец вы привезли, крайне интересный... Не буду переливать из пустого в порожнее. Квадранс назад ваше дерево во время очередного зондирования... в общем, словно бы взорвалось. Осталась россыпь чего-то не вполне пока понятного, ничуть не похожего на древесную щепу. Сейчас начнут это изучать. Никто, понятно, не пострадал, полигон мгновенно закрыли силовым полем. Как именно проходило зондирование, с помощью какой аппаратуры, я попозже вам обоим сообщу, когда поработает «толкователь». Это ведь не срочно?

Канцлер поднял глаза на Сварога. Сварог, не раздумывая, мотнул головой.

— Можете не торопиться, — сказал Канцлер.

— Понял. Тогда уж ждите несколько часов. Нужно будет еще обработать исследования «останков», а они только-только начались... Лорд Сварог, у вас не найдется еще одного такого интересного деревца?

— Я так думаю, хоть целую рощу можно привезти, — сказал он без улыбки.

Это тоже не к спеху, думал он, неторопливо шагая к браганту. Совершенно нет нужды знать, что именно удалось узнать о том, что притворялось дубом, и что именно способно его уничтожить. Главное точно установлено: «плохие», «злые» деревья — суровая реальность, и вряд ли о них меж собой как-то связаны — иначе бабушка Каниллы обязательно сказала бы, уж она-то понимает толк в таких вещах — дриады были как раз связаны меж собой. И есть все основания думать, что гибель одного из них осталась

сородичами, или как их там, незамеченной — отряд не заметил потери бойца... А значит, одной заботой меньше...

...Сумерки давно ступились, когда он поднимался по главной лестнице «Медвежьей берлоги». Он никуда не спешил, можно было провести вечер в Ассамблее Боярышника — отвлекись он немного, как и Канилла, вином и танцами, затворись они оба в монастыре на хлебе и воде, результат будет один. Пока нет известий из Роменталья, предпринять нечего.

Поднялся на второй этаж, издали расслышав знакомую музыку. Задержался в арке (двери здесь не было), разглядывая зал. Свет притушен, добрых три четверти светильников не горят — самая подходящая обстановка для одного из здешних «медляков», ложившегося на принесенную из другого мира мелодию. Танцуют около десятка пар. Его, конечно, заметили, когда он вошел, — но он давно уже велел: если появится во время танцев, продолжать и далее, не отвлекаясь на приветствия, строгий этикет тут не обязателен.

Вдоль стенки направился к середине зала, где за столиком увидел одинокую фигурку и тут же узнал. Бади Магадаль ничуть не выглядела забытой, всеми оставленной — всего-навсего сидела за бокалом «золотого ревеня», как раз под горящим светильником. Как и следовало ожидать, она была в темно-вишневом брючном костюме и самой консервативной белой блузке, какую только отыскала в каталогах мод с Той Стороны.

Сварог невольно усмехнулся. Единственной проблемой с Бади, когда он привез ее в Латерану, стала одежда. У них в Аркатане, как быстро выяснилось, с женскими платьями обстояло в точности как некогда в викторианской Англии: показать хотя бы щиколотку для порядочной девушки или женщины было то же самое, что в Латеране — пройтись по улицам голой. Даже дети, как рассказала Бади Канилле, едва начинают ходить,

надевают платица до пола. Канилла не растерялась — тут же вспомнила про брючные костюмы. В Аркатане женщины мужскую одежду надевали только на войну или на охоту, но Бади чуточку подумала, согласилась, что неведомая ей прежде одежда вполне приличная. Так проблема быстренько и снялась. Во всем остальном с ней не было ни малейших хлопот — даже печальный случай с графом Легартом был печальным исключительно для графа, а всех остальных, включая Сварога, только развлек...

— Добрый вечер, Бади, — сказал Сварог, присаживаясь рядом на мягкий диванчик и доставая из воздуха бокал. — Ты уже усвоила, что не нужно вставать и церемонно раскланиваться? Молодец. Ну как, освоилась немножко? Я был чертовски занят все дни, не выпало случая поговорить. А сегодня — никаких дел и никаких забот...

— Понемножку осваиваюсь, ваше величество, — сказала Бади с мимолетной улыбкой. — Многое очень похоже на Аркатан, так что мне легко. Я только не могу привыкнуть ко всем вашим чудесам, — она прямо-таки с детским восхищением уставилась на горящий светильник. — Вот этот фонарь хотя бы взять — ни дыма, ни копоти... А уж те-ле-ви-зор... Чудеса, словно в сказке про волшебный поднос... Девушки ко мне прекрасно относятся, я себя не чувствую чужой и одинокой. Вот только простите на откровенном слове...

Перехватив ее взгляд, брошенный на танцующих, Сварог усмехнулся:

— Платья?

— Ага, — сказала Бади. — Никак не могу к ним привыкнуть. И к некоторым танцам тоже, особенно к таким вот. Я раньше и подумать не могла, что королева может танцевать с другим мужчиной в столь смелом платье, да еще таким вот образом, в обнимочку, а вы спокойно смотрите...

— Осуждаешь?

— Ну что вы, ваше величество, — серьезно сказала Бади. — Я прекрасно понимаю: одежда и танцы в наших мирах разные. — Она на миг опустила глаза. — Если по совести, я сегодня днем рискнула у графини Каниллы примерить одно. Там были только мы вдвоем, но все равно, я не более пары минут в нем выдержала. Очень уж короткое, а спереди и сзади такие вырезы...

Никакого осуждения в ее голосе не было, а вот явный интерес присутствовал. Рано или поздно привыкнет, констатировал Сварог. Не родилась еще красивая девушка, которую оставили бы равнодушной модные платья, пусть по меркам того мира, в котором она выросла, и страшно неприличные. Достаточно вспомнить, как укоротили платья женщины после Первой мировой. Привыкнет, тем более что ножки у нее, следует отметить наметанным мужским взглядом, стройные, под стать всему остальному.

Он осушил бокал искрящегося золотистого вина, постарался расслабиться, глядя на танцующих под знаком ему с юности мелодию.

*Любовь и бедность навсегда
меня поймали в сети.
Но мне и бедность — не беда,
не будь любви на свете.
Твои глаза горят в ответ,
когда теряю ум я.
А на губах твоих совет —
хранить благоразумье...*

Никаких совпадений, понятно. Как и полдюжины других, и эта песня попала на Талар трудами Сварога. Он снова составил подстрочник, а придворный поэт уже привычно его зарифмовал, так что получилось довольно близко к оригиналу. Ну, а музыка была та самая, из отличной кинокомедии Свароговой юности. Яна ее извлекла из его памяти. Самое забавное,

что по дворцу стал гулять очередной слухок: оказывается, король Сварог еще и пишет неплохие вирши белым стихом, по какому-то капризу, свойственному творческим личностям, желает их видеть непременно зарифмованными.

*Зачем разлучница-судьба —
всегда любви помеха?
И почему любовь — раба
Достатка и успеха?*

Налив себе еще бокал, Сварог покосился на девушку и спросил не без веселости:

— Ну, а графу Легарту ты зачем пальцы сломала?

Очаровательное личико вмиг стало озабоченным:

— Ваше величество, неужели я попала в немилость?

— Ничего подобного, Бади, — сказал Сварог. — Во все даже наоборот. Не стала бы ты во дворце, во время вечерних танцев ломать пальцы человеку из-за каких-то пустяков. Особенно если личность его всем прекрасно знакома... Неужели опять распустил руки?

— Не совсем, — сказала Бади. — Понимаете, он оставил меня в коридоре и начал говорить такое... Что вы меня интересуете исключительно как диковинная зверюшка, что я вам скоро надоем, и вы перестанете обращать на меня внимание, и я окажусь на обочине жизни. А потому мне следует подумать о будущем и начинать отношения с людьми, которые красотку вроде меня могут золотом осыпать. И положил мне руку на плечо, так самодовольно, по-хозяйски... Вот я и не сдержалась... Если бы он вольничал словами, я бы просто ушла. Если бы вольничал руками — дала бы пощечину. Но вот это, когда он меня трогал, как лошадь на ярмарке... — и все еще настороженно спросила: — Вы, правда, не сердитесь, наше величество?

— Да ничуть, — сказал Сварог. — Что заслужил, то и получил. Препустой человек, век бы его не видеть, но держу при дворе — исключительно оттого,

что не хочу расстраивать отца. Отец его человек совершенно другого полета, с большими заслугами перед королевством. И потом... Если я начну отбирать себе придворных исключительно по их благородству души, порядочности и цельности, рискую остаться без придворных вовсе... Не тревожься. Мне как раз по душе девушки гордые и независимые. Графиня Дегро в свое время, когда только что появилась при дворце и ее не успели хорошо узнать, как-то подобному вертопраху не то что пальцы — блудливую рученьку сломала, да вдобавок зубы коленкой вышибла. Бедолага совершенно добровольно уехал в дальнейшее имение, прекрасно понимая, что станет всеобщим посмешищем. От Легарта этого не дождешься, правда. Лекарри говорят, что недели через две лубок снимут, и он опять объявится во дворце, но тебя будет наверняка обходить седьмой дорогой... Особенно когда узнает, что мое величество, узнав о случившемся, изволили расхотаться и заключить: сам напросился... Это пустилки, Бади. Я бы хотел с тобой кое о чем посерьезнее поговорить... Конечно, если ты не захочешь быть откровенной, неволить не стану...

— Не представляю, ваше величество, чтобы возникли какие-то причины, по которым я не была бы с вами откровенной...

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Понимаешь ли... Ты, конечно, уже слышала, что я могу моментально отличать в разговоре правду ото лжи?

— Да, но я вам ни разу не солгала...

— Я тебя в этом и не обвиняю. Речь пойдет о другом... да вот кстати. Как у тебя дела с книжниками? У меня не было времени поинтересоваться.

— Я каждый день говорю по несколько часов. Наверное, еще неделя понадобится, — Бади улыбнулась: — Вы были правы, они порой пишут быстрее, чем я говорю. Вы хотите, чтобы дело шло быстрее?

— Нет, пусть идет, как идет, — сказал Сварог уверенно. — Совершенно не к спеху. Итак... Я умею

определять еще, когда люди что-то утаивают. Когда ты говорила, что ушла с Троп навсегда, ни в чем не солгала, но о чем-то у м о л ч а л а. Ошибиться я не мог. О чем, Бади?

Она помолчала, сказала словно бы неуверенно:

— Но это совершенно незначительный случай, вот я и решила о нем промолчать. Тем более что... история довольно неприятная, мне не хотелось ее вообще помнить, не то что о ней рассказывать. Эта волчица проклятая...

Сварог встрепнулся:

— В о л ч и ц а? Бади, мне нужно все знать. Это очень серьезно. Вот тут уже я кое о чем умолчу, но это очень серьезно... Я тебя не приневоливаю, в конце-то концов, но если бы ты рассказала...

— Да, у вас стало такое лицо... — ответила Бади. — Ну, хорошо. Скрывать тут нечего. Дело не только в чудовищах, внезапно неизвестно откуда нахлынувших на Тропы. Я бы все равно ушла, но позже. Однако после этого сна... Мне приснилась странная волчица — совершенно белая, надо сказать, красивая. И она со мной каким-то образом говорила, я не понимала, как, но она говорила... такое... — она потупилась. — Она хотела, чтобы я разделась. Собиралась со мной проделать сущую мерзость. У нас женщин сжигают на кострах, если они друг с дружкой такое вытворяют, а тут была даже не женщина, а волчица. Я вдруг почувствовала, что тело мне не повинуется, что я сейчас ей подчинюсь, разденусь... Я ее стала прогонять из моего сна, поняла уже, что это не простой сон, а насланный...

— Подожди, подожди, — сказал Сварог. — Со стороны насланный, ты имеешь в виду? Не просто так тебе приснившийся, а насланный кем-то посторонним?

— Ну да, — сказала Бади. — У вас такое есть? Я уже поняла из разговоров с книжниками: в моем мире и в вашем колдовство в чем-то отличается. Не все, что есть у вас, есть у нас, и наоборот...

— Насланные сны у нас есть, — сказал Сварог. — Разве что называются иначе, но это не важно. Но у нас никого нет, умеющего такие сны прогонять... А ты, значит, прогонять умеешь?

— Да, — сказала Бади просто. — Не самое сложное колдовское умение. Конечно, его нельзя получить просто так, как подобрать монетку с обочины, кем-то потерянную. Но я умею.

— И что было дальше?

— Я ее принялась прогонять. Но она, оказалось, очень сильная. Раньше такие не попадались, и я о них не слышала. Обычно колдуна, который лезет в твои сны, прогнать не труднее, чем робкую беспризорную собаку. Крикнешь на него, топнешь... ну, это я человеческим языком так объясняю. Он и уберется, колдун или колдунья. Но с такой с и л о й я впервые столкнулась. Она сопротивлялась. Получилась самая настоящая схватка — как бывает, когда на ярмарке сойдутся два равных по силе борца, и победить кому-то из них бывает очень трудно. Я ее в ы т а л к и в а л а, а она упиралась. В конце концов мне ее удалось выкинуть. Вот только она не пропала, а словно бы медленно уходила. И крикнула мне издали: она еще вернется, и мы еще посмотрим, кто кого. Вот... Я немного испугалась, прямо скажу. Неизвестно было, что от т а к о й ждать. Она и в самом деле могла вернуться, преодолеть мою защиту, как обычная волчица разметывает хлипкую изгородь вокруг овчарен. И я подумала, что надо уходить. И ушла... Вот и все...

— А здесь, в нашем мире, она появлялась?

— Ни разу, — сказала Бади. — Снятся самые обычные сны...

Неисповедимы и причудливы пути магии, подумал Сварог, его самого Белая Волчица ухитрилась доставать и на Сильване, а Бади достаточно было уйти с Троп. Объяснение, конечно, где-то есть: Бади не из этого мира родом... Впрочем, я и сам не вполне отсюда... значит, дело скорее в том, что колдовство в обоих мирах разной природы... но не стоит ломать над этим голову.

Не без волнения — железных людей в нашем мире нет — и даже затаив дыхание, он спросил:

— Бади, ты можешь передать это умение другим?

— Нет, — сказала Бади чутьочку сокрушенно. — Оно вам нужно, я чувствую, но ничего не могу сделать. Все наши умения не получится просто так передавать из рук в руки, как горшок на ярмарке. Это может только б р а х о... колдун. Да и то только тем, кто пройдет у него ученичество, пусть недолго, как я в свое время. Главное, чтобы ученичество длилось самое малое три раза по три недели. Тройка у нас — благоприятное число, как у вас — семерка... Ой, что-то я совсем не то говорю! Передать другому человеку я умение не могу, а вот заслонить другого от насланных снов способна, для этого не придется постоянно возле него, спящего, сидеть, я просто поставлю ему заграждение, как ставят изгородь...

Был сильный соблазн немедленно этим воспользоваться, но Сварог, чуть поразмыслив, эту заманчивую идею отбросил. Невозможно предсказать, как себя поведет Белая Волчица, обнаружив, что больше не может запросто проникать в его сны, какой фортель выкинет. В конце концов, он далеко не полностью поддался снам о привольной жизни Стаи — хотя капельку яда в душу они заронили...

— Мне нужно будет кому-нибудь помочь? — спросила Бади. — Я готова.

— А как эта процедура выглядит?

— Мне достаточно недолго посидеть у изголовья спящего человека, — сказала Бади. — Это — если он не должен знать, что ему поставили заграждение, — мало ли как в жизни оборачивается. А если ничего страшного в том, что он знает, — достаточно опять-таки пару минут с ним посидеть. Вам нужно выбрать что-то из двух?

— Мне пока что ничего не нужно, — сказал Сварог, легко справившись еще с одним искушением. — Ну, вот и все о делах. Самый обычный вечер продолжается... Ты не танцуешь?

— Пока только учусь, — улыбнулась Бади. — Леди Канилла мне предлагала просто вложить в голову умение танцевать здешние танцы, но мне почему-то так не хочется. Я сама выучусь, обязательно. В Аркатане все говорили, что я хорошо танцую...

Затянувшийся далеко за полночь, как не раз случилось, вечер прошел, как обычно — с чего бы ему быть каким-то необычным? Вино, танцы, болтовня, настольные игры (Бади с некоторыми уже освоилась, правда, не выигрывала ни разу, опыта не хватало). Иногда эти вечера — но далеко не каждый — по сложившейся традиции заканчивались виолоном в руках Сварога. Вот и сейчас он виолон взял — чтобы развеяться. Без малейшего душевного разлада бил по струнам:

*Нам идти в Кабул велели —
саблю вон, труби поход!
Неужели, неужели
друга мне заменит брод?
Брод, брод, брод через Кабул!
Брод через Кабул и темнота.
Вязнут бутсы и копыта,
кони фыркают сердито.
Возле вех держитесь, братцы,
с нами насмерть будут драться
этот брод через Кабул и темнота...*

Поневоле нахлынули воспоминания — как они сначала думали, что эту песню гениальный бард британского империализма сложил исключительно о своих земляках, когда-то презрительно битых в Афгане. А потом оказалось, что это и о них, пусть не битых, а отступивших из Афгана с честью. Но все равно, век бы не помнить...

И он бил по струнам, словно убивал кого-то.

*О Господь, не дай споткнуться,
слишком просто захлебнуться
Там где брод через Кабул и темнота.*

Виолон он взял и для того, чтобы еще раз проверить кое-что. Увы, и на сей раз догадался правильно...

Далеко за полночь, когда гости кто разъехался, кто остался ночевать в «Медвежьей берлоге», в покоях, давно отведенных хозяйкой ему с Яной, сторонний наблюдатель — сумеи он каким-то чудом туда проникнуть — увидел бы обычную сцену из семенной жизни, уютную, домашнюю, покойную. Яна в кружевном халатике докуривала последнюю вечернюю сигарету, Сварог располагался напротив за низким столиком, ничем не занятый. Давно уже — обыденность. Ну, а что за этим стояло, знал один Сварог. Он в точности не знал, что происходит с Яной, — просто-напросто радовался, что даже Яна не в состоянии проникнуть в его мысли и чувства.

Внешне ничего не изменилось — те же разговоры, те же улыбки Яны, те же разговоры, та же постель. И тем не менее... Вполне возможно, тут совершенно ни при чем ни магия, ни все, что стало Сварогу известным. Если подумать, примерно то же самое испытывает самый обычный опытный мужик — когда чувствует: несмотря на то, что вроде бы ничего не изменилось внешне, его женщина отдаляется от него, становится чужой. Для этого вовсе не обязательно быть магом и знать неприглядные тайны, скрытые от внешнего мира...

Именно это и происходило: оставаясь вроде бы прежней, Яна от него отдалялась, уходила, становилась чужой. И уже не всегда могла это скрыть. Как сегодня вечером. Он не просто так взял виолон в руки. Как бы мастерски она ни лицедействовала, ее взгляд был незнакомым, новым, чужим, прежде, когда она слушала его песни, смотрела иначе — а сейчас из глаз исчезло что-то неподдельно искреннее...

Пожалуй, он правильно рассчитал время, давая здешнему дежурному девятого стола во флигеле необходимые инструкции. В назначенный час на одном из «портсигаров» замигал алым мнимый самоцвет, и появившийся на экране дежурный доложил, прилежно и бесстрастно, как полагалось докладывать о делах обыденных:

— Господин генерал, из Стагара сообщают: все прошло успешно, нужного человека нашли, они вылетели... Будут какие-то уточнения?

— Нет, — сказал Сварог. — Все по плану.

Дежурный кивнул и отключился.

— Снова кого-то ловишь посреди ночи? — улыбнулась Яна с прежним легоньким равнодушием к его повседневному заботам, не таившим в себе ничего интересного для нее или важного.

— На этот раз скорее не ловили, а пригласили в гости, — сказал Сварог. — Правда, приглашение сделали такое, от которого не отказываются — ну да моим ребятам не привыкать... Словом, Яночка, наконец нашли человека, который умеет ставить надежную защиту от наведенных кем угодно снов. Самое интересное, именно на Стагаре — ну, там хватает своеобразного народа...

Он просто-напросто уводил Яну в сторону от Бади — неизвестно, как отреагируют веральфы, обнаружив, что человек, способный поставить защиту от их снов, пребывает совсем рядом с Яной, в «Медвежьей берлоге». Следовало уберечь Бади от злоумышленных «случайностей», вполне возможных...

— Да, интересно, — сказала Яна без малейшего интереса.

— Это не просто интересно — отлично, — сказал Сварог. — Он в два счета поставит тебе защиту, да и мне тоже. Я распоряжусь, чтоб его доставили сюда? Его везут во дворец, но что им стоит изменить маршрут? Тебе поставит, да и мне тоже.

— Ты можешь поступать, как знаешь, — сказала Яна спокойно. — А вот мне никакая защита решительно ни к чему. Я как-то не нашла времени тебе сегодня сказать...

Утром я все же откопала в Древнем Ветре нужное закливание. Оказалось, оно там есть. И сама поставила себе надежную защиту. Вот только могу это проделывать исключительно с собой, других защитить не могу. Если хочешь, распорядись, чтобы его везли сюда — но защиту принимай сам, мне это уже ни к чему...

Ее голос звучал совершенно спокойно, и лицо осталось безмятежным — но Сварог не сомневался, что она лжет. Безднадежности не было — ничего еще не решено, — но некое отчаянье в душу прокралось. Там, в Каталауне, поиски не прекращались ни на минуту, днем и ночью лихие всадники Элвара носились по расширяющейся спирали, берущей начало в замке принца. И сейчас, несомненно, на полном галопе влетали в спящие деревни, бесцеремонно вытаскивая из постелей нужных людей.

Но Роменталь молчал.

БЕГ НАВСТРЕЧУ ВОЛЧИЦЕ

Приняв выползший из окаймленной сверкающим никелем прорези дешифратора донесение — Сварог велел именно так и докладывать, не выходя на связь лично, — он, в общем, особенных эмоций не испытал. Этого следовало ожидать, кусочки головоломки укладывались без труда. И торопить события не следовало — все и так рассчитано чуть ли не по минутам. То, что это не простое сообщение, а натуральный тревожный звонок, ничего не меняет...

Он повернулся вполоборота, так, чтобы видеть и сидевшего в кресле пилота Брагерта, и Каниллу на заднем сиденье, сказал:

— Только что в Келл Инире убили Фиалку. Такие дела. Один из информаторов восьмого департамента сообщает.

Брагерт этим известием ошеломлен не был — не дитя малое. А вот у Каниллы округлились глаза:

— Кто посмел?!

— Тот, кто мог позволить себе посметь, — сказал Сварог, чувствуя, как лицо помаленьку превращается в застывшую маску, а по спине ползет неприятный холодок. — Фиалка вдруг стала натуральным образом бросаться на Яну, она отдала приказ, и телохранители стали стрелять... Вам объяснять что-нибудь?

Судя по лицам, они и сами все прекрасно понимали. Гармы всегда люто ненавидели волков. За тысячи лет в Хелльстад забрело немало зверья из внешнего мира: медведи, олени, кабаны, всякая мелочь вроде белок обычных и белок-летяг, птицы. Очень многие прижились, расплодились, встроились, учено говоря, в хелльстадские экологические цепочки. То, что тех же оленей и кабанов использовали как добычу те же гармы, дела не меняло — они и во внешнем мире служили добычей хищникам, так что всего-навсего расширили прежний опыт, включив в список угроз н о в о г о охотника и выработав меры предосторожности.

А вот кто обходил с давних пор Хелльстад седьмой дорогой — волки. Гармы их душили, едва почуяв близ границ Хелльстада, так что серые заходить туда перестали тысячи лет назад. И если Фиалка так себя повела... События ускоряются, или это просто очередной этап на пути превращения Яны в Невесту Волков? Кто бы знал...

Гаржак — в отличие от Каниллы и Брагерта знавший очень мало — смотрел с жадным любопытством, но вопросов дисциплинированно не задавал. Что до з н а т н о г о каталаунца, он просто-напросто с навыком умудренного жизненным опытом человека проигнорировал нечто ему непонятное.

Каталаунец подсознательно внушал к себе доверие. На Земле частенько ядерные физики были не хилыми очкариками из иных кинофильмов, а дюжими бородастыми парнями с прекрасным зрением, умевшими радоваться жизни во всех ее проявлениях — как иные отличные поэты вовсе не были изящными красавцами с романтическими локонами до плеч. С магией обстояло так же. Владеющий ею человек — не обязательно субтильный старичок с благородными сединами. Отысканный наконец бешеной ратью принца у м е л е ц оказался кряжистым здоровяком лет сорока без единого седого волоска на голове и в усах-бороде, судя по облику, точно так же ценитель маленьких земных радостей.

Именно такой показался Сварогу надежнее тщедушно-го старичка — конечно, это не соответствовало реальности, но очень уж внушительно котер Гимельт выглядел... Пусть даже военный опыт из прошлой жизни давно приучил его к нехитрой истине: порой маленький невысоконый десантник в десять раз опаснее, чем иной мускулистый верзила...

— Что-то меняется? — спросил деловито Брагерт.

— Ничего, — сказал Сварог. — Маршрут прежний — к Канцлеру.

Нельзя было менять ни маршрута, ни прежних планов. Канцлер — единственный, кто способен быстро и эффективно блокировать Яну в Келл Инире. Несколько коротких приказов по отработанной схеме Белой Тревоги — и ни один летательный аппарат без разрешения Канцлера ни оттуда не вылетит, ни там не сядет. Ни один гвардеец без его санкции шагу не ступит, ни один корвет не взлетит. По сигналу «Пожар» боевые орбиталы возьмут на прицел маноры избалованных к сегодняшнему утру веральфов. И так далее — полномочия у Канцлера необозримые. Особенно когда, как сейчас, будет объявлена Угроза Короне — что немедленно подтвердит принц Элвар...

Вот только связаться с Канцлером никак не удастся ни по одному из каналов, чего никогда прежде не случалось.

— Не спеша, Брагерт, крадучись, на мягких лапках... — сказал Сварог спокойно.

Брагант сбросил скорость. Манор Кабинета Канцлера с высоты выглядел, как обычно — те же здания, антенны внешней связи, брагантов на посадочной площадке примерно столько же, сколько и всегда. Ничего подозрительного. И все же с Канцлером никак не удастся связаться. В маноре его нет, оттуда ответили, что его сиятельство, как обычно, улетел в Кабинет...

— Садимся, — сказал Сварог. — Возле парадного крыльца, хотя это и нарушение... Оружие наготове держите...

Он вылез, закрыл за собой дверцу, остановился, обостренным звериным чутьем вбирая звуки и запахи внешнего мира, впечатления от него. К некоторому облегчению, никак не давало о себе знать то седьмое чувство опасности, что не раз выручало еще на Земле и было свойственно не одному Сварогу. Он не в первый раз прокрутил в голове некоторые соображения: засады на него в здании быть не может, ни одна живая душа не знала, что Сварог полетит к Канцлеру. Даже если брагант смогли проследить, что крайне сомнительно — он снабжен, помимо прочего, и аппаратурой, делавшей его недоступным для любой слежки, — Канцлер не отвечал на вызовы еще в то время, когда Сварог сидел в Латеранском дворце. И вообще, засада на него здесь — чистой воды средневековые. Если бы так уж хотели взять, зажали бы в клещи в полете и надежно блокировали силовыми полями — так гораздо надежнее, чем с финкой прыгать на спину из ветвей, согласно знаменитой песне...

Он опустил руку в правый карман парадного мундира, коснулся кончиками пальцев рукоятки торча — той модели, что была смертоносна и для ларов. Пошел к лестнице, готовый к любым неожиданностям. Таковых не оказалось. Дежурный сидел за полированной стойкой, как обычно, встал при виде Сварога.

— Канцлер у себя? — спросил Сварог, держа руку поблизости от правого кармана.

— У себя, господин генерал.

Все как обычно. Вот только у дежурного какой-то странный вид — или так Сварогу попросту кажется в рамках здоровой паранойи, от которой никуда не денешься в таких вот ситуациях?

Тем же упругим волчьим шагом поднялся на третий этаж. И вновь по пути не обнаружилось никаких неожиданностей. Разве что людей в коридорах, ему показалось, меньше, чем обычно. Но он не так уж часто здесь бывал и не мог это утверждать со всей уверенностью.

Секретаря в приемной не оказалось — ну, и такое бывало. Возле двери в кабинет не светилась синяя лампочка, означавшая, что Канцлер никого не принимает — а потому Сварог без колебаний, чуточку нарушая этикет, взялся за ручку, распахнул дверь и вошел.

К его облегчению, Канцлер был живехонек и здоровехонек, сидел за столом, попыхивая трубочкой, — чертовски знакомая картина. Вот только Сварогу с порога показалось, что Канцлер самую чуточку на себя не похож — зажатый, что ли, напряженный до предела, как крепко сжатая пружина. Не теряя времени, он подошел к столу, сел и сказал как можно беззаботнее:

— Надеюсь, ничего не случилось, Канцлер? Я никак не могу с вами связаться, несколько раз пытался...

Канцлер молча накрыл ладонью лежавший перед ним лист, развернул его на сто восемьдесят градусов и двинул через стол к Сварогу. Сварог бегло прочитал — текста там было не особенно много.

Цензурных комментариев у него не было, поэтому он промолчал, чтобы попусту не тратить драгоценное время на пустые эмоции. Все оформлено честь по чести — именной указ императрицы об отставке канцлера: вверху — императорский герб в четыре краски, лист окаймлен затейливыми геральдическими узорами, скреплен большой печатью и прекрасно знакомой подписью Яны для официальных бумаг — под строчкой на пол-листа, где она названа полным именем и полным титулом. Обычные казенные формулировки, призванные подсластить пилюлю: с искренним сожалением о том, что вынуждена отказаться от ваших услуг... пребывая в неизменной к вам благосклонности... На земле присутствуют почти те же самые формулировки, высоких сановников приличия ради именно так в отставку и отправляют, Сварог не раз именно такие указы подписывал, искренне сожалея и пребывая в неизменной благосклонности...

— Значит, вот так? — спросил он, подняв глаза на Канцлера.

— Вот так, — изобразил на лице улыбку Канцлер. — Простенько и эффективно. Спецсвязь вырублена, я более не могу ничем распоряжаться, вообще ничего больше не могу. Частное лицо. Был еще указ о награждении Большой Цепью ордена Высокой Радуги, но я его швырнул в ящик стола. Вряд ли он был бы вам интересен... Судя по всему, они не спешат, нисколько не встревожены. Фельдгегерь передал на словах, что мне оставлен полный день, чтобы собрать бумаги и передать дела. Все, как обычно. Никакой спешки.

— Передать дела... — повторил Сварог. — Значит, преемник уже назначен? В таких случаях это сообщает опять-таки фельдгегерь.

— Назначен. Герцог Даутверт.

— Я даже не удивлен, — сказал Сварог. — Министр двора, глава Лиги Охотников Арбалетчикчиков и Лиги Катарейника, по некоторым прикидкам, глава веральфов... или один из главарей... Логично. Резонно. Изыщно, без малейшего кровопролития и шагов, способных вызвать удивление окружающих. Этак и моя очередь придет...

— Уже пришла, — сказал Канцлер. — Обычную связь мне никто не отрубал — это опять-таки свидетельствует, что они уверены в себе, на что, в общем, есть все основания. Из девятого стола сообщили: вас там дожидается фельдгегерь с именным указом...

В первую минуту Сварог подумал совершенно о другом: значит, Канцлер все-таки ухитрился посадить информатора в девятый стол... И тут же опомнился, не о таких пустяках нужно было думать:

— Тоже отставка?

— Не совсем. Девятый стол распускается как ненужное звено в структуре Кабинета императрицы, дублирующее уже существующие учреждения. Ну и, разумеется, ворох милостей: орден Золотой Зари, чин гофмейстера — не просто следующий за камергером, а через ступеньку выше, награды начальникам отделов, лучшим сотрудникам. Разумеется, императрица

искренне сожалеет и пребывает в неизменной благо-склонности... Вся документация идет в архив, так что передачи дел от вас не требуется. Правда, в восьмой департамент фельдъегерь так и не заявился, так что его вы по-прежнему возглавляете... Только толку от этого никакого. Вы понимаете?

— Прекрасно понимаю, — сказал Сварог сквозь зубы.

Вполне возможно, Белая Волчица по-прежнему рассчитывает его использовать в своих целях. Д о б и в а т ь его не стали. Благородно оставили восьмой департамент... который останется не более чем красивой игрушкой. В качестве его главы Сварог располагает лишь разветвленной сетью информаторов на земле и в Империи и изрядным числом орбиталов-наблюдателей. Для мало-мальски серьезной схватки с веральфами и то, и другое не годится. Не говоря уж о том, что на некоторых ключевых постах в департаменте сидят веральфы, способные что-то утаить, а что-то не выполнить...

— Интересно, вам тоже оставили придворный чин? Или повысили? — с натянутой усмешкой спросил Сварог.

— Не повысили, но и старого не лишили, — сказал Канцлер. — Вас они явно не настроены добивать, и меня тоже. В своем нынешнем положении мы им нисколько не опасны. Как и принц Элвар.

— Ну, это как посмотреть... — сказал Сварог сквозь зубы. — У меня в браганте сидит человек, способный снять Волчье Клеймо, Элвар все-таки его нашел. Я лечу в Келл Инир. Это единственный вариант, другого просто не существует. Единственное, на что мы сейчас способны... и при удаче самое эффективное средство спасти Яну.

— Я не буду повторять банальщину вроде того, что это крайне рискованно, — тихо сказал Канцлер. — Вы столько раз рисковали, в том числе и жизнью, что говорить вам это бессмысленно, даже смешно. Я о другом. Если она усилила охрану Келл Инира, вам туда попросту не прорваться. Даже не обязательно убивать вас,

достаточно застрелить вашего каталаунца. Охрана, как часто бывает, не посвящена в суть дела, она просто получит соответствующий приказ и старательно его выполнит. Не столь уж важная птица — застреленный во дворце житель земли, придумают что-нибудь для публики — скажем, черный колдун или убийца-заговорщик пытался проникнуть во дворец...

— Меня в свое время хорошо учили штурмовать разнообразные объекты, — сказал Сварог. — И перед этим продумывать все возможные — и невозможные — варианты развития событий. Так что ничего нового, только вводные другие... Время у меня было, я успел многое прокачать. Мой человек в Келл Инире докладывает, что никакого ш е в е л е н и я в Келл Инире не отметил. Он из восьмого департамента, так что совершенно неважно, каких постов я лишился...

— Он может быть уже не вашим человеком. Или — не только вашим.

— Допускаю и это, — сказал Сварог. — А что делать, если другой возможности нет и не предвидится? Либо это, либо — поднять руки и сдаться. Если не удастся... Значит, не удастся. У меня было время обдумать и кое-что другое, принять меры...

Запустив руку в левый карман парадного мундира, он вынул довольно пухлый запечатанный конверт, положил перед Канцлером и сказал без малейшей аффектации:

— Если все удастся, я непременно вернусь к вам через час — и при удаче, и при неудаче много времени это не отнимет. А если не вернусь, если не удастся — вскрыете. Составил я кое-какой план действий. Может быть, не самый лучший, но другого попросту нет. Вот вы им и займетесь... Ну, я пошел. Никаких прочувствованных прощаний, конечно, не говоря уж о пожеланиях удачи — дурная примета...

Кивнул Канцлеру, повернулся и вышел. Шагая по коридору и кивая в ответ на приветствия попадавшихся на пути сотрудников Кабинета (теперь он понимал, что у дежурного было и в самом деле странное выражение

лица, как и у всех остальных), Сварог испытывал некоторое довольство собой: кажется, он предусмотрел все, что в человеческих силах, — а дальше уж, в случае чего, Канцлер додумается, как план развить...

В конверте лежала хелльстадская королевская корона — ну, фигурально выражаясь. Сварог летал в Хелльстад, когда еще не рассвело и Яна безмятежно спала с улыбкой на губах. Долго беседовал с Мясом. Как он и думал, не имелось никаких наработок касательно наследования серебряной митры и алой мантии, Фаларен ничем подобным в жизни не озабочивался, полагая себя бессмертным и всецело полагаясь на пресловутое заклятье, как оказалось, зиявшее прорехой. Так и останется неизвестным, получил ли он в свое время бессмертие или просто крайнее долголетие, но он ни разу не подумал, что кто-то может его на престоле сменить. Митру Сварогу Золотые Болваны тогда вручили, охваченные чем-то вроде растерянности, хотя у роботов это наверняка называется как-то иначе. В их программе было заложено фундаментальное положение: престол пустовать не должен. Вот они, со всей доступной роботам мерой свободы, и усадили Сварога на трон, посчитав его самым вероятным преемником. Большого Сварог от Мяуса не добился — Золотой Кот оказался не в состоянии прочесть толковую лекцию о психологии хелльстадских роботов. Впрочем, Сварога и это вполне устраивало: Мяс ничего не имел против того, что его величество назначит себе преемника. В его программе подобного оборота дел не предусматривалось, следовательно, программе не противоречило. К тому же роботы обладают одним ценнейшим в данный момент качеством — они начисто лишены возможности удивляться...

А потому Мяс принял к сведению и исполнению очередные инструкции Сварога: вручить власть над Хелльстадом тому человеку, который по прошествии определенного срока явится в Вентордеран и произнесет пароль «Атлантида» — придуманный для пущей надежности, в этом мире такое слово знал один Сварог. Канцлер бу-

дет, конечно, не один — захватит с собой, кроме родных и близких, доверенных сотрудников своего кабинета, девятого стола, вообще всех толковых людей. С сотню наберется. Те же указания получили его ближайшие соратники в земных королевствах. Ну, а дальше... Хелльстад для веральфов не доступен. В качестве хелльстадского короля Канцлер будет располагать мощью, способной на равных потягаться с мощью Империи — даже если вся имперская техника перейдет в руки веральфов. А там уж — кто кого... Так что безвременная кончина лорда Сварога даже если и случится (во что верить, конечно, не хочется, но допускать нужно), окажется ничуть не бессмысленной.

И наоборот. Мяус получил строжайший приказ: никаким приказам Яны, если она вдруг в Хелльстаде объявится, не подчиняться, даже стакана воды не подавать. Более того, удержат возле Вентордерана с полдюжины гармов, тут Сварог ничего уточнять не стал, язык не повернулся. Гармы сами разберутся, что им делать...

Выйдя из здания, он обнаружил, что брагант стоит на прежнем месте как ни в чем не бывало, а все в нем сидящие (что обнаруживаешь лишь подойдя вплотную) держат на коленях руки с торчами наготове — понятное дело, кроме каталаунского колдуна. Облегченно вздохнув, вновь сел рядом с Брагертом и приказал:

— В Келл Инир на полной скорости. На подлете, когда останется уардов триста, зависните. Осмотримся сначала...

Когда манор Канцлера — я вам покажу «бывшего»! — провалился вниз, впервые в жизни приливной волной нахлынула натуральная слуховая галлюцинация — звон подрастроенной гитары, резкие отрывистые аккорды, похожие на автоматную очередь и голос прапорщика Вильчура, светлая ему память:

За твое здоровье, Фуззи, за супругу и ребят!

Был приказ с тобой покончить — мы успели в аккурат.

Винтовку против лука честной не назвать игрой,

но все козыри побил ты и прорвал британский строй!

*За твое здоровье, Фуззи, в память тех, с кем ты дружил!
Мы б оплакали их вместе, да своих не счесть могил.
Но равен счет, мы присягнем, хоть Библию раскрой:
пусть потерял ты больше нас, ты смял
британский строй...*

Потом он привычно, как много раз до того, отогнал все посторонние мысли и чувства, сосредоточившись на б р о с к е. Который начался в тот миг, когда брагант взмыл над манором Канцлера. Вольтер сказал когда-то: «Господь на стороне больших батальонов» (кстати, непонятно, с какого перепугу упомянул Господа записной атеист). Вряд ли у прыткого, как сперматозоид, шебутного эпатажника была хоть капелька военных знаний — он вам не Энгельс и наверняка понятия не имел, с какого конца стреляет мушкет. Хотя, вполне возможно, во времена Вольтера это утверждение было чистейшей воды истиной. Однако с тех времен изменилось многое. Давно уже признано: молниеносный и жуткий удар десантуры, пусть десантуры горсточка, порой дает больший выигрыш, нежели штыковая атака пресловутых Больших Батальонов.

— Зависли, командир, — доложил Брагерт.

С высоты уардов трехсот Келл Инир выглядел спокойным и безмятежным, как всегда, и напоминал красивый макет на столе придворного архитектора: великолепный Келл Инир и окружавшие его малые дворцы, кудрявая зелень парков и аллей, почти идеально круглое озеро, изящные мостики через ручьи, живые изгороди... Ни единого гвардейского корвета в прямой видимости, ни следов усиления. Конечно, в Келл Инире и окружавших его зданиях можно было спрятать не один полк, но Сварог на месте противника делать этого не стал бы: должны понимать, что он не нагрянет с многочисленным воинством, прилетит с небольшой группой, а в Келл Инире достаточно гвардейцев, стражников и телохранителей, чтобы без

усиления справиться не то что с пассажирами одного единственного браганта — с парочкой рот. А о роли принца Элвара, ручаться можно, никто не знает.

— Огородами, огородами, Брагерт, — сказал Сварог. — На бреющем, не спеша, на мягких лапках... Прямиком к Золотому Крыльцу.

Лихач Брагерт, выигравший три соревнования Империи по воздушной акробатике, кивнул и повел брагант на бреющем полете, то впритирку над кронами деревьев, то над живыми изгородями, мастерски лавируя меж зданий плавными виражами.

Неторопливо приближалось Золотое Крыльцо — затейливые перила в самом деле из чистого золота, полукруглый навес переливается натуральным перламутровым блеском, только ступени стальные, лишь крашенные под золото. Золото — металл мягкий, его быстро истерли бы подошвами и каблуками. Освоившиеся в Келл Инире прекрасно знают, что это один из многочисленных боковых входов, но, в отличие от всех остальных, пользуется им только Яна — ну, и Сварог, когда прилетал сюда с ней. Самый короткий путь к апартаментам Яны, позволяющий неспешной походкой туда подняться минуты за две — а бегом и вовсе пустяки...

Он одернул парадный мундир лейтенанта Бриллиантовых Пикинеров. Безвкусица редкостная: черный мундир щедро украшен алыми кружевами и золотым шитьем, густые ряды бриллиантовых пуговиц нашиты где только возможно, по фасаду и на рукавах. Но ничего не поделаешь — на гвардейцев мундир лейтенанта их полка подсознательно повлияет сильнее, чем любой другой наряд, а это даст выигрыш в драгоценные секунды — часто в таких делах счет идет на секунды...

Коли уж повысили в придворных чинах, даже через ступеньку, надо полагать, и воинских чинов не лишили. Но даже если охрана не усилена, все равно на пути к Яне восемь часовых: двое у самой двери, двое посередине коридора длиной ровнешенько в двадцать один уард (трижды семь — дважды благоприятное число),

когда свернешь вправо, еще двое у подножия лестницы в двадцать одну ступеньку (аналогичная цифровая мистика), и, наконец, двое наверху, у двери в покои Яны. Восемь. Пусть даже не отменили для него и Каниллы доступ за Бриллиантовых Пикинеров, у Брагерта и каталаунца такового нет — а гвардейцы натасканы действовать жестко в отношении всех, кто пытается их миновать, не имея доступа. Список имеющих им известен назубок. Всякие заявления типа «Это со мной» здесь бесполезны. И нет парализатора, действующего струей газа на достаточно большом расстоянии вроде половины коридора или лестницы. Конструировать такой было бы слишком долго. Значит, придется с первого же шага стрелять на поражение, иначе не пройти.

Гадостно чуточку на душе: ни в чем не виновные, ни в чем не замешанные brave солдатушки. Однополчане, хотя Сварог в обычной жизни полка участия не принимал. Восемь человек. Но если учесть, что пребывает на чаше весов напротив этих восьми. Нет другого выхода, нет, хоть зарежьте...

Возле самого крыльца Брагерт ни за что не смог бы сесть — там все пригодное для посадки место занимают круглые и овальные клумбы с сиреневыми любофарами, золотистыми лилиями и алыми тюльпанами. Цветами можно было бы и пренебречь, раздавить без жалости — человеческие жизни поставлены на кон, где уж тут беспокоиться о ромашках-лютиках. Другое дело, что брагант, плюхнувшийся на клумбу, моментально заметят из окон — и боевая тревога будет сыграна тут же. Посторонний брагант у Золотого Крыльца, да еще бесцеремонно изничтоживший красу и гордость дворцовых садовников, заставит вмиг зазвучать колокола громкого боя...

Брагант опустился на широкой дорожке, вымощенной бледно-розовыми плитками с затейливым светло-коричневым узором. Тоже вопиющее нарушение, но если не заметили сразу, еще в воздухе, от тех, кто

окажется у окон самых опасных, первых двух этажей, брагант надежно заслоняет высокая живая изгородь, густые кусты каталаунского рододендрона, тщательнейшим образом подстриженные в виде длинных прямоугольных шпалер квадратного сечения. И до Золотого Крыльца — уардов двадцать. Зеленые стены в два человеческих роста, впереди с обеих сторон под прямым углом изгибаются короткими уступами с широким проходом меж ними.

— Пошли! — приказал Сварог, выскочив первым. — Кани, торч на «первую цель»!

— Уже, — совершенно спокойно отозвалась Канилла.

Та-ак... Когда до прохода меж уступами осталось шагов десять, из-за правого уступа вышагнул барон Абданк, встал посередине дорожки, чуть расставив ноги, явно преграждая путь. Начальник охраны Яны, занявший этот пост после сильванских событий, знаток своего дела, отличный организатор, хороший стрелок, но рукопашник никудышный — ему это попросту не нужно. Человек. Ему вовсе нет нужды тут быть — значит, некие чрезвычайные обстоятельства... А таковыми могут быть только...

Чем ближе подходил Сварог, а следом и остальные, тем больше хмурился барон, сдвинув кустистые брови. Когда их разделяло не более шага, Абданк не оставляющим сомнения жестом поднял ладонь:

— Стойте.

— Где императрица? — рявкнул Сварог, остановившись в шаге.

Абданк машинально ответил:

— На посадочной площадке, она рассчитывает улететь на землю через... — явно спохватился, продолжал суше: — Лорд Сварог, мне нет нужды знать, что там меж вами произошло. У меня приказ. Императрица не желает вас видеть и предписала мне...

— Ах ты, чучело-мяучело... — где-то даже ласково прервал его Сварог.

В следующий миг барон спиной вперед улетел в живую изгородь, с хрустом и треском ломая кусты — у каталаунского рододендрона ветки очень хрупкие, потому-то охотники стараются при удобном случае загнать дичь именно в заросли рододендрона, шум она поднимает такой, что далеко слышно... «Слабоват ты, сынок, против советской десантуры...» — мимолетно подумал Сварог, обернувшись:

— Гаржак, займитесь...

Гаржак деловито извлек из-под камзола моток отличной шарагарской веревки, витой, светло-желтой (дикого жеребца можно спутать, удержит), и без всякого почтения направился к барону, коему предстояло пребывать в беспамятстве еще несколько минут.

— Брагерт, страхуйте нас с тыла, — распорядился Сварог. — Если из двери выскочит кто-то с оружием... Ну, вы знаете.

Брагерт, кивнув, держа торч в поднятой руке, занял позицию за тем самым уступом, из-за которого вышел барон. Сварог крикнул:

— Вперед!

И кинулся первым. Предстояло пробежать всего-то ярдов сорок — когда дорожка свернет вправо, бежать по ней до небольшой, обсаженной кленами личной посадочной площадки Яны. И все равно, он бежал как никогда прежде, хотя опоздать не боялся — просто-напросто ничего не мог с собой поделаться, нужно было или закончить все как можно быстрее... или не закончить.

Ворвался в широкий проход меж кленами. Там стоял один-единственный брагант, прекрасно ему знакомый, пурпурный с золотом. И возле Яны. Сердце у него упало, когда он увидел, что она в том самом коротком платьице из золотистых кружев, что было на ней во сне о каменном амфитеатре и высоком костре. Даже так... Мысль человеческая — быстрее молнии, и он успел подумать на бегу: в точности по классикам. Льва Абалкина больше нет, на нас идет автомат Странников. В данном случае — кукла Волков, что в тысячу раз опаснее...

Он подбежал вплотную, остановился, унимая чуточку запаленное дыхание. Словно налетев грудью на забор с разбегу, натолкнулся на взгляд Яны — совершенно чужой, сердитый, досадливый. Таким же чужим голосом она холодно произнесла:

— Тебе должны были передать, что я не хочу тебя видеть...

Прядь золотистых волос на ее правом плече всколыхнулась, словно под внезапным порывом ветра, действовавшего только на нее, — тут же взлетели соседние. Уже с этим он не раз сталкивался — еще пара мгновений, и она пустит в ход Древний Ветер, против которого у него нет никакой защиты...

Впервые в жизни Сварог ее ударил — безжалостно и метко. Подхватил, когда она, закатив глаза и подламываясь в коленках, стала падать, опустил на светло-голубые плитки с тем же узором, вовремя подставив под затылок ладонь. Очнется минут через пять, и Древний Ветер тут не помощник. Должно хватить. Иногда чертовски трудно продержаться и пять минут, но вокруг все спокойно... Подняв голову, он рывкнул:

— Что вы стоите, как деревенский дурень на танцульках?

Словно очнувшись от некоего оцепенения, Гимельт шагнул вперед, опустил на колени над Яной напротив Сварога, с сосредоточенным, отрешенным лицом водил ладонью так, словно Яну закрывал видимый только ему одному овальный стеклянный саркофаг. Удовлетворенно кивнув, положил широкие сильные ладони Яне на виски, замер, прикрыв глаза. На миг коснулся ребром ладони запястья Сварога — и Сварог ощутил нечто похожее на удар электрического тока, только слабее.

Повернул голову, услышав совсем рядом звонкий вскрик Каниллы:

— Стоять, корявые! Шевельнетесь — сожгу!

Канилла обеими руками держала на уровне глаз черный торч — а в проходе меж кленами ошарашенно замерли трое. Так, его сиятельство герцог Даутверт,

новоявленный канцлер Империи... Другие двое — малознакомые служители министерства двора в невысоких чинах — но тоже веральфы-Аристократы, судя по пронзительно-синим контурам над головами. Ага, «...и сопровождающие лица».

Они стояли смиренхонько, не сделав попыток выхватить оружие — возможно, у них вообще не было оружия. Сварога они ничуть не беспокоили — Канилла при любом обороте событий успеет раньше, а крыльцо страхует Брагерт...

Отвернувшись, Сварог взглянул на каталаунца с нешуточной, прямо-таки кипящей надеждой. Очень уж спокойное у Гимельта лицо, хочется думать...

Он вскинул голову, краем глаза подметив что-то мелькнувшее в небе совсем невысоко над верхушками деревьев. Вокруг Келл Инира опускались виманы, казалось, целая армада, но Сварог-то знал: двенадцать штук, ровно...

Одна опустилась прямо на клумбу, давая прекрасные цветы — кто ею управлял, явно не заморачивался неуместной сейчас эстетикой, зато исправно выполнял приказы. Дверь распахнулась. Первым, колыша необъятным чревом, довольно проворно неся принц Элвар — громадный, расхристанный и встрепанный, умеренно пьяный, пылавший азартной злостью, высоко поднявший блестящий клинок. Отставая лишь на шаг, следом поспешал знаменосец с боевыми штандартом имперских принцев крови, неизвестно когда и поднимавшимся в последний раз — синий прапорец шириной ладони в две, усыпанный золотыми пчелами, древко увенчано не только золотой короной принцев крови, но и золотым мечом острием вверх, под навершием четыре ленты — алая, белая, черная и зеленая. Каждый цвет имел свое значение: алый — вызов на бой, белый — презрение к смерти, зеленый и черный — исконные неофициальные цвета Каталауна. Черная и зеленая ленты категорически противоречили строгим законам геральдики — но

кого это сейчас волновало? Следом валил каталаунский лихой народ: зеленые кафтаны со шнуровкой вместо пуговиц, кожаные каталаны с нанизанными на шнурки звериными клыками вокруг тульи, мечи наголо...

Сварог удовлетворенно улыбнулся. Судя по количеству виман, принц собрал не полтысячи человек, а даже побольше. Элвар деловито махал мечом, как дирижерской палочкой, несомненно, отдавая распоряжения согласно заранее продуманной диспозиции. Часть каталаунцев пробежала мимо посадочной площадки, явно направляясь к соседнему боковому входу, а десятка два кинулись следом за принцем и знаменосцем к Золотому Крыльцу. Все в порядке, Келл Инир они возьмут быстро — кто посмеет остановить принца крови, который к тому же станет кричать, что объявил Угрозу Короне? Веральфы не смогут оказать сопротивления, не выйдя из роли...

Вновь обернулся к Яне и каталаунцу, услышав нечто похожее на стон от нешуточной боли, вырвавшийся сквозь зубы. Гимельт уже стоял. Сварог отчетливо видел, что его широкие ладони покрыты жуткими багрово-черными ожогами, ветвистыми, как молния или ветки коралла. Деревенский ведун покряхтывал и шипел сквозь зубы — жгло, должно быть, нестерпимо, но сквозь болезненную примасу, как кабан сквозь камыши, прорывалась широкая радостная улыбка человека, хорошо сделавшего свое дело и завершившего его успешно. Не нужно ничего спрашивать, все и так ясно по этой улыбке.

УДАЛОСЬ!

Затылок под его ладонью шевельнулся. Сварог впился взглядом в лицо Яны, не испытывая ровным счетом никаких чувств — их было так много, самых разных, что они мешали друг другу вырваться из глубины души. Яна медленно открыла глаза, Сварог встретил ее взгляд, прежний, недоумевающий, чуть затуманенный, как у человека, очнувшегося от долго сна. Кошмарного сна...

Хлопнув ресницами, Яна спросила прежним голосом, удивленно и чуточку сварливо:

— Что происходит? Что вообще творится? Где я?

— У себя дома, — сказал Сварог, чувствуя, как перехватывает горло. — Дурной сон приснился, Вита, только и всего...

Не убирая ладони из-под ее затылка, вытянул правую руку и одернул подол платица, непозволительно для императрицы задравшегося. Почему-то именно эта мелочь казалась сейчас самой важной — так порой случается, когда накатывает успех, нервы звенят, как гитарные струны, и медленно осознаешь, что все позади, что пришла победа. И нет ничего, кроме невероятной опустошенности — а радость во всей полноте и яркости придет потом...

И светило солнце, и поблизости еще слышался топот и лязг оружия, и трое т в а р е й застыли под прицелом Каниллы, и Сварог выиграл, быть может, самую тяжелую схватку в своей жизни.

Он задрал голову к небу и прохрипел:

— Смерти нет, ребята!

Красноярск, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Медицина традиционная и иная	5
Глава II. Узник замка Иф.	19
Глава III. Гости вечерней порой.	45
Глава IV. Полет мертвых птиц	69
Глава V. Кое-что о древнем зле	126
Глава VI. Мелодичный звон серебра	162
Глава VII. Возлюбленная волков	186
Глава VIII. Души деревьев и волков	216
Глава IX. Сонное марево	250
Глава X. Леса Каталауна	262
Глава XI. В поисках ключа.	300
Глава XII. Бег навстречу волчице	316

*Авторы стихов, приведенных в романе:
Роберт Бернс, Редьярд Киплинг,
Андрей Лубенский.*

Литературно-художественное издание

Бушков Александр Александрович

**НЕЖНЫЙ ВЗГЛЯД ВОЛЧИЦЫ.
ЗАМОК БЕЗ КЛЮЧА**

Роман

Ответственный за выпуск В. В. Кузьмин
Оформление обложки Ю. А. Меньшиковой
Верстка С. В. Тихомирова
Корректор М. Д. Надёжина
Цветоделение Л. В. Поповой

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет

Подписано в печать 22.04.2022.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Palatino.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 21.
Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 1049РДП.

ООО «Просвещение-Союз»
Российская Федерация, 127473, Москва,
вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3,
антрес. 5, помещ. III, ком. 15

АО «Издательство «Просвещение»
Российская Федерация, 127473, Москва,
ул. Краснопролетарская, д. 16,
стр. 3, этаж 4, помещение I.

Отпечатано в Обществе
с ограниченной ответственностью
«Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru p-d-p.pф